

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 6105 128 614 513

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

200 NOV 6 1979
Stacks

AN

АП
в 38

СЕМНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17

СЕМНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17 АПРѢЛЯ 1848 ГОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

1848.

ОБЩИЙ ОТЧЕТЪ

0

СЕМНАДАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НЕПРЕМЪНЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

И ЧТАЕМЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ СЕЙ АКАДЕМИИ.

Число соискательныхъ сочиненій, поступившихъ отъ авторовъ въ Демидовскій Конкурсъ 1847го года, въ срокъ закрытія Конкурса простиралось до 32хъ номеровъ. Къ нимъ причислено рукописное сочиненіе оставшееся отъ прошлагодняго Конкурса за неполученіемъ въ срокъ рецензій, по причинѣ болѣзни рецензента, а въ послѣдствіи еще три книги, порученныя вниманію Академіи отъ дѣйствительныхъ Членовъ ея, безъ вѣдома авторовъ. Съ другой стороны, при самомъ закрытіи Конкурса, признано необходимыми исключить изъ оного одно сочиненіе за давностію изданія (1844 и 1845 годовъ) и два, за незначительностію объема и маловажностію предмета; такъ что за тѣмъ весь Конкурсъ оказался состоящимъ изъ тридцати трехъ номеровъ или заглавій. Относительно предметовъ, сіи сочиненія могутъ быть распределены по слѣдующимъ разрядамъ наукъ:

По наукамъ математическимъ	}	по пяти, и того 10.
По Географіи, Этнографіи и		
Путешествіямъ		
По Филологіи и Лексикографіи		4.

По естественнымъ наукамъ	}	по три, и того 12.
По политическимъ наукамъ		
По Исторіи		
По Правовѣдѣнію	}	по два, и того 4.
По Физикѣ		
По Химіи		
По военнымъ наукамъ	}	по одному, и того 3.
По Медицинѣ		
По Русской Словесности		
		Всего 33.

Изъ нихъ :

на Русскомъ языкѣ 27, на иностранныхъ 4, словарей 2 (33)
 печатныхъ книгъ 21, неконченныхъ печатаніемъ 5,
 рукописныхъ 7 (33)

Двадцать три номера рассмотрѣны и разобраны въ самой Академіи 20ю Академиками; остальные *десять* посторонними учеными по выбору Академіи.

На сей разъ, со стороны рецензентовъ удостоено полной преміи одно только сочиненіе, второстепенныхъ же премій, не менѣе 18ти. Сверхъ того одобренно, но за неокончаніемъ не удостоено премій 4 номера, почетнаго отзыва 2, и 8 только сочиненій признаны незаслуживающими награды.

Такъ какъ проценты на хранящійся въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ Демидовскій капиталъ, не наросли еще до количества новой второстепенной преміи, то въ распоряженіи Академіи и на сей разъ имѣется не болѣе 20,000 рублей ассигн. на преміи, не считая 5,000 руб-

лей ассигн. назначенныхъ учредителемъ въ вѣдѣніе авторамъ утѣченныхъ рукописей, для изданія въ свѣтъ трудовъ ихъ; а какъ представленное къ утѣченію полнымъ премією сочиненіе, Академією не удостоено сей *перво-степенной* награды, то оставалось изъ *девятнадцати* уже сочиненій избрать *восемь* достойнѣйшихъ, для утѣченія ихъ половинными или поощрительными преміями.

Предлагаемъ на судъ просвѣщенной отечественной публики результатъ добросовѣстнаго приговора нашего, и усердно желаемъ чтобы взысканные нами, большею частію молодые авторы видѣли въ немъ желаніе наше ободрить послѣдующіе труды ихъ и поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ на поприщѣ наукъ, и чтобы съ другой стороны, приговоръ сей показался не слишкомъ строгимъ тѣмъ изъ соискателей, на долю коихъ преміи не вышло, за немѣнѣемъ лишь на то способовъ.

Изчислимъ напередъ, для облегченія обзора нынѣшняго Конкурса, заглавія восьми сочиненій удостоенныхъ *второстепенныхъ* премій:

Нерсандера, Профессора при Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ: *Observations faites à l'Observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors*; обширная рукопись, которой не большая часть только напечатана. Рецензія Академика *Купфера*.

Иванія Коссовича, Греческо-Русскій Словарь. Москва 1847 г. двѣ части. Рецензія Академика *Грефе*.

Сомова, Экстраординарнаго Профессора при С. Петербургскомъ Университетѣ: *Аналитическая теорія вол-*

нообразнаго движенія зѣбра. Сиб. 1847 г. Рецензія Академика *Остроградскаго*.

Павла Савельева, Мухамеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Сиб. 1847 г. Рецензія Академиковъ *Устрялова* и *Дорна*.

Базинера, Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842; рукопись. Рецензія Академиковъ *Мейера* и *Гельмерсена*.

Биллярскаго, Судьбы церковнаго языка: I. О среднеболгарскомъ вокализѣ, по патриаршему списку лѣтописи *Манассія*; особый оттискъ изъ *Mémoires des Savants étrangers*; II. О Кирилловской части Реймскаго Евангелія; рукопись. Рецензія Академика *Востокова*.

Давидова, Теорія равновѣсія тѣлъ, по руженныхъ въ жидкость; Москва 1848 г. (Представлено было въ рукописи). Рецензія Академиковъ *Остроградскаго* и *Буняковскаго*.

Горлова, вѣдѣ Профессора при С.-Петербургскомъ Университетѣ, Обзорѣніе Экономической Статистики Россіи; рукопись. Рецензія Академика *Кеппена*.

Сверхъ того удостоены почетнаго отзыва абсолютнымъ большинствомъ голосовъ слѣдующія четыре сочиненія.

Монаха Іакинѣа, Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Сиб. 1848 г. 4 части Рецензія Профессора *Ковалевскаго*.

Богдановича, Профессора Военной Академіи, Записки

Стратегія, Спб. 1847 г. 2 части. Рецензія Генерал-Лейтенанта Барона Зедделера.

Чистякова, Курсъ Теоріи Словесности. Спб. 1847 г. 2 части. Рецензія Академика Давыдова.

Амиовскаго, Исслѣдованія началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Одесса 1847 г. Рецензія Профессора Неволлина.

Нѣкоторые другія сочиненія, равно достойныя сего отличія, суть или рукописи, могущія по напечатаніи возобновить притязаніе свое на премію въ одинъ изъ слѣдующихъ Конкурсовъ, или такія творенія, которыя были представлены не самими сочинителями, а безъ вѣдома ихъ, Академиками. Въ томъ и другомъ случаѣ, по легкочисленнымъ причинамъ, принято за правило, о такихъ сочиненіяхъ публично не упоминать. Авторамъ одобренныхъ, но не увѣчаныхъ рукописей сообщаются копія съ рецензій.

Наложимъ теперь вѣратцѣ на основаніи рецензій, содержаніе и достоинства увѣчаныхъ сочиненій :

I.

OBSERVATIONS FAITES A L'OBSERVATOIR MAGNÉTIQUE ET MÉTÉOROLOGIQUE DE HELSINGFORS, par le Professeur *Nervander*.

Трудъ Профессора Нервандера, по предмету своему, столь тѣсно связанъ со всѣмъ, что сдѣлано въ наше время для развитія ученія о магнетизмѣ, что, мы считаемъ необходимымъ, предварительно сказать нѣсколько

словъ о тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя наука съ недавняго времени сдѣлала въ этой области.

Чтобы хорошо понять важность нашей эпохи въ исторіи развитія наукъ наблюдательныхъ, нужно сперва оглянуться на начало неизмѣрнаго поприща, ими пройденнаго. Едва эти науки выжили изъ того таинственнаго мрака, который онѣ были облечены въ самогъ дѣтствѣ, мы видимъ ихъ обращенными къ изученію великихъ явленій природы. Въ то время еще не знали, что нельзя постигнуть ея тайнъ, не упростивъ напередъ сложныхъ ея дѣйствій, не размотавъ, такъ сказать, одну за другою запутанныя ея нити повтореніемъ въ маломъ видѣ тѣхъ явленій, которыхъ величіе и сложность насъ изумляютъ, — тогда еще не знали опытовъ. Только со времени введенія этой новой могучей методы наблюденія, т. е. не прежде какъ по возрожденіи наукъ въ Европѣ, Физика принимаетъ вѣрный полетъ; но за то съ тѣхъ поръ все изученіе ея сосредоточивается въ физическихъ кабинетахъ, лишь нрѣдка выходя изъ нихъ; и наука, истощивъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ лабораторій, всѣ возможные комбинаціи, находитъ себя безсильною объяснить и самое малѣйшее явленіе природы, потому что взоръ ея не довольно объемлющъ для обозрѣнія цѣлаго.

Изученіе Физики не такъ необходимо, какъ изученіе Химіи или естественной Исторіи. Сія послѣдняя пускаютъ корни свои во всѣ науки, коихъ предметъ есть природа. Химія внушила Физикѣ идею экспериментации. Естественная Исторія, въ путешествія, предпріятыя для ея споспѣшествованія, доставила ей случай собирать на огром-

ныхъ пространствахъ факты непосредственнаго наблюденія. Такимъ образомъ ученые путешествія привели умъ человѣческій къ непосредственному наблюденію естественныхъ явленій, между которыми земной магнетизмъ всегда занималъ отличное мѣсто. Настала новая эра для наукъ физическихъ: наблюденію предстояло завоевать новую область, — область остававшуюся только у непроходимыхъ рубежей земныхъ полюсовъ и знойныхъ степеней экватора.

Но явленія природы представляются уму нашему въ двухъ весьма различныхъ видахъ, изъ которыхъ одинъ востояненъ, а другой измѣнчивъ: съ одной стороны мы находимъ неизблемые законы природы, формы постоянныя, въ которыя она облакается, а съ другой безпрестанныя измѣненія, движеніе непрерывное; и изученіе этихъ двухъ родовъ явленій требуетъ также различныхъ способовъ. Такъ напр. достаточно одного усилія, чтобы опредѣлить географическую широту какого либо мѣста, чтобы описать растеніе, потому что эти вещи не измѣняются: наблюденія же напротивъ того, нужны для опредѣленія магнетическихъ началъ, на какой бы то ни было точкѣ земной поверхности, никогда, собственно, не оканчиваются, потому что эти начала безпрестанно измѣняются, и если и бываютъ періоды, послѣ которыхъ возвращаются тѣ же самыя явленія, то періоды эти очень продолжительны, объемля собою нѣсколько цѣлыхъ поколѣній. И такъ не во время путешествія можно основательно изучить явленія этого рода, и даже не въ физическихъ кабинетахъ, гдѣ всякаго рода работы, сгнѣтаясь

однѣ съ другими, только бы мѣшали другъ другу, если бы потребовалось прослѣдить нѣкоторые изъ нихъ въ продолженіе очень долгаго времени. На этотъ конецъ необходимы заведенія, специально назначенныя къ безостановочному, непрерывному продолженію изысканій, нужны наблюдатели, которые были бы всегда на мѣстѣ, готовые на всякій призывъ. Тутъ нельзя какъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ безъ всякаго неудобства прерывать наблюденія по цѣлымъ днямъ и мѣсяцамъ: каждый часъ, каждая минута приноситъ съ собою измѣненія въ явленіяхъ по видимому столь причудливыхъ по самой природѣ своей, измѣненіе, которое нужно непрерывно внести въ лѣтопись наблюденій, чтобы оно не пропало на всегда для науки

Изъ вышесказаннаго понятно, какъ величайшій путешественникъ нашего вѣка, могъ въ то же время быть и величайшимъ способникомъ науки о магнетизмѣ; но видно также, что нельзя было остановиться на этихъ, случайно собранныхъ матеріалахъ, на этихъ данныхъ, слабѣнныхъ наблюденіями, дѣланными въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ или нѣсколькихъ дней, и что новая эра, въ которую вступила наука о магнетизмѣ, должна была именно начаться съ той поры, когда ежедневныя наблюденія стали производиться въ продолженіе неопредѣленнаго числа лѣтъ въ Обсерваторіяхъ, нарочно для этого устроенныхъ, т. е. со времени основанія первыхъ магнетическихъ обсерваторій, гдѣ наблюдаютъ каждый день и въ продолженіе всего дня.

Едва были учреждены въ Россіи первая магнетиче-

скія Обсерваторіи, какъ во всей Европѣ пробудилось соревнованіе, дѣлающее честь нашему вѣку. Англійское правительство одно завело 6 Обсерваторіи. Къ этому числу Остъ-Индская компанія еще присовокупила нѣсколько: при этомъ случаѣ число часовъ для наблюденія было значительно умножено; въ первыхъ Русскихъ Обсерваторіяхъ наблюдали только днемъ, каждые два часа; въ Обсерваторіяхъ, вновь учрежденныхъ, продолжаютъ наблюденія цѣлые сутки и притомъ ежечасно.

Это безъ сомнѣнія огромный трудъ — отиѣчать 24 раза въ день въ продолженіе цѣлыхъ годовъ, съ щепетильною точностью, склоненіе магнитной стрѣлки, силу магнетизма, высоту барометра, температуру воздуха, давленіе содержащихся въ немъ водяныхъ паровъ и наконецъ состояніе неба и количество дождя и снѣга, низшаго на землю. Но Г. Нервандеръ, сочинившій, нынѣ намъ представленный докладъ, что можно идти еще далѣе. Немедленно по устройствѣ въ Гельсингфорсѣ магнетической Обсерваторіи и по установленіи въ ней инструментовъ, т. е. съ Іюля 1844 года, тамъ начать былъ рядъ наблюденій, которые были дѣлаемы каждые 10 минутъ днемъ и ночью и досихъ поръ еще такъ продолжаютъ. Можно себѣ представить, сколько нужно было настойчивости, сколько самоотверженія, чтобы управлять такимъ огромнымъ трудомъ и быть его душою; надобно знать, что наблюдатели, употребляемые для этого неослабнаго труда не имѣютъ другаго дѣла кромѣ одного наблюденія и отиѣчанія своихъ наблюденій, не имѣя ни малѣйшаго участія ни въ управленіи, ни въ исчисленіи

наблюдений, ни въ редакціи ихъ результатовъ. И такъ нашимъ будетъ упираться на то, что Г. Нервандеръ сдѣлалъ довольно для списанія себѣ одобренія ученыхъ; слѣдовало бы, можетъ быть, напротивъ доказать, не слишкомъ ли онъ много сдѣлалъ; потому, что если наблюденія, въ шестеро болѣе многочисленныя противъ наблюдений въ другихъ магнетическихъ Обсерваторіяхъ, не общаются наукѣ какихъ либо особенно важныхъ результатовъ, то къ чему, скажутъ, служили этотъ изысканный трудъ и эти чрезвычайныя издержки?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ еще болѣе выкажетъ въ надлежащемъ свѣтѣ, заслугу Г. Нервандера и права его на награду, потому что онъ не только прежними своими теоретическими изслѣдованіями подалъ поводъ къ подвѣтїю столь огромнаго труда, но и результатами двухъ годовъ своихъ наблюдений уже и подтвердилъ справедливость прежнихъ своихъ догадокъ. Здѣсь не мѣсто войти во всѣ подробности этихъ совѣстливыхъ разысканій, довольно сказать, что до сихъ поръ ежедневный ходъ стрѣлки былъ извѣстенъ только весьма несовершенно; что дозволено было, правда, существованіе максимума и минимума склоненія, возвращающихся каждый день въ довольно постоянные часы, но что всѣ прочія движенія стрѣлки были перемѣшаны подъ наименованіемъ неправильныхъ движеній. Г. Нервандеръ показалъ намъ въ разсужденіи, помѣщенномъ въ нашемъ бюллетенѣ, что кромѣ максимума и минимума склоненія, бывающихъ около 8 часовъ утра и 1 часа по полудни, видѣются еще въ кривой линіи, изображающей дневной ходъ стрѣлки, другіе важные

пункты, и что для открытія этихъ пунктовъ и установленія ихъ періода необходимо наблюдать чаще, нежели каждый часъ, промежутки слишкомъ большой, чтобы обнаружить всѣ изгибы сказанной кривой линіи. Убѣжденіе въ этомъ побудило Г-на Нервандера, по учрежденіи магнетической Обсерваторіи въ Гельсингфорсѣ и назначеніи его Директоромъ ея, увеличить число наблюденій и производить ихъ каждыя 10 минутъ, и эта побудительная причина, конечно, покажется достаточною для всего свѣта: мы можемъ только удивляться самоотверженію, внушившему такое рѣшеніе, и постоянству, съ какимъ оно было выполнено.

Г. Нервандеръ прислалъ намъ подлинныя свои наблюденія и богатые изъ опыта выводы, объясняющіе озарить новыя свѣтомъ теорію сей загадочной силы природы; онъ началъ было ихъ печатать, но не могъ продолжать, по недостатку средствъ.

Къ общему сожалѣнію виновникъ сего важнаго труда не за долго предъ симъ скончался, не успѣвъ извлечь изъ собраннаго имъ матеріала всей той пользы, которую ученый свѣтъ вправѣ былъ ожидать именно отъ гениальнаго и пытливаго ума его. Потому-то Академія и не считала себя вправѣ увѣчать сей трудъ полною премією, которой онъ конечно содѣлался бы достойнымъ, еслибъ самому Автору довелось привести его къ концу. Съ другой стороны, Академія не могла не воспользоваться даруемыми ей Демидовскимъ учрежденіемъ способами для изданія въ свѣтъ сего драгоцѣннаго для науки наследія одного изъ отличнѣйшихъ отечественныхъ физиковъ. Кро-

мѣ второстепенной преміи, Академія назначила до 5000 рублей ассигн., на изданіе Гельсингфорскихъ наблюденій, поручивъ ближайшій надъ оными надзоръ Академику Кунферу.

II.

Ивантія Коссовича Греческо-Русскій Словарь. Москва 1847. 8.

Авторъ, ревностный филологъ, уже прежде съ выгодной стороны извѣстный сочиненіемъ своимъ: Греческій глаголь, Москва 1846 и рѣчью: О важности Греческаго языка, тамъ же 1846, изданіемъ этого Словаря напечатаннаго на счетъ Московскаго Университета, оказалъ большую услугу обучающемуся Россійскому юношеству, успѣшно удовлетворивъ давно ощущаемой имъ потребности.

Само собою разумѣется, что на такомъ поприщѣ, на которомъ у насъ еще столь мало сдѣлано попытокъ, всего, сколько извѣстно, имѣется только два Греческо-Русскіе Словаря — одинъ Зосимы и другой этимологическій заслуженнаго Крылова — еще нельзя было достигнуть высшей степени совершенства, тѣмъ болѣе, что даже изъ значительнаго числа вышедшихъ въ Германіи въ послѣдніе полвѣка, хотя и безпрестанно совершенствуемыхъ Греческихъ и Латинскихъ Словарей, и самыя лучшіе еще не соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ филологовъ. Не говоримъ здѣсь ни объ абсолютномъ совершенствѣ, которое едва ли когда либо удастся достиг-

вуть, ни о хронологическомъ развитіи значенія каждаго отдѣльнаго слова, столь важномъ въ лексикологіи, а только о нѣкоторыхъ другихъ, легче достигаемыхъ и не менѣе существенныхъ качествахъ ближе объясняемыхъ Г. Грефе въ ученой его рецензій.

1) Большая часть лексикографовъ ищутъ какого-то щегольства въ изобиліи приводимыхъ ими значеній словъ, и выставляя ихъ въ большемъ или меньшемъ логическомъ порядкѣ, водъ особенными номерами и литерами, вовсе забываютъ, что каждое слово первоначально имѣетъ только одно значеніе, и что это значеніе, относясь въ собственному или иносказательному смыслу ко внѣшней или внутренней природѣ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ переносится къ сроднымъ понятіямъ, отъ частнаго къ общему или обратно, и лишь изрѣдка, смотря по мѣсту и времени, далѣе отдѣляется отъ своего первообраза. Извѣчь изъ этимологіи это одно коренное значеніе, гдѣ это можно сдѣлать съ нѣкоторою ясностью, подтвердить его употребленіемъ писателей, объясненіями грамматиковъ и наконецъ изъ сродныхъ нарѣчій, — должно быть совершенно достаточно, потому что если только это значеніе вѣрно, то съ нѣкоторымъ размышленіемъ всегда можно будетъ найти надлежащее его примѣненіе къ данному случаю. А какимъ образомъ можно было бы тамъ и сямъ парафразировать это слово или иначе выразиться, это уже не идетъ къ дѣлу.

2) Выстѣ съ кореннымъ значеніемъ каждаго слова должно стараться, въ той мѣрѣ какъ это дозволяетъ свойство новѣйшаго языка, вѣрно передать также его форму,

а именно если оно есть сложное. Отъ пренебреженія этихъ двухъ условій происходитъ то, что ученикъ, при множествѣ накопленныхъ въ Лексиконѣ значеній, гдѣ рѣдко выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ главное, не зная за какое именно взяться, выбираетъ на попадь то, которое кажется ему кое какъ идущимъ въ смыслу и только что не переводить хорошее дурнымъ, а дурное хорошимъ.

3) Въ Греческомъ Словарѣ вездѣ слѣдовало бы присовокуплять этимологически соответствующее Латинское слово, а въ Латинскомъ Греческое, по той причинѣ, что оба языка слѣдуетъ изучать вмѣстѣ, если хотятъ ожидать какой либо пользы, и глубочайшее знакомство съ аналогіею каждаго отдѣльнаго языка всегда при этомъ выигрываетъ. Авторъ предлежащаго Словаря очень часто приводитъ сличенія съ Латинскимъ языкомъ, но не вездѣ, гдѣ бы можно было это сдѣлать, за что мы должны порицать его, потому что онъ постигъ пользу такого сличенія.

4) Не требуя здѣсь дальнѣйшихъ лингвистическихъ сравненій и выводовъ, которые только что запутали бы учащагося, мы желали бы, чтобы на томъ невѣдомомъ языкѣ, на который переводится Словарь, всегда поставилось впередъ и особеннымъ приетою этимологически среднее слово. Такое наглядно-выраженное соответствіе природнаго языка съ древнимъ, сдѣлало бы послѣдній учащемуся занимательнѣе и пріятнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ предохранило бы его отъ мысли, что его языкъ есть нѣчто совершенно отдѣльное, чего нельзя сравнить ни

съ какихъ другимъ языкомъ Жаль, что ученый и вовсе не чуждый лингвистики, авторъ не подумалъ объ отличеніи такихъ словъ, хотя онѣ и представлялись самымъ естественнымъ образомъ, да и часто были невинны, какъ единственно соотвѣтствующія.

5) Полезно было бы включить въ Словарь собраніе такихъ именъ собственныхъ, которыя служили бы для этимологіи пополненіемъ формъ, недостающихъ въ языкѣ общезнѣтн. Авторъ не помѣстилъ въ Словарѣ своихъ никакихъ собственныхъ именъ Греческихъ.

6) Желательно, чтобы ко всякому алфавитному Словарю древнихъ языковъ приложенъ былъ возможно короткій перечень корней съ подробнымъ исчисленіемъ происходящихъ отъ нихъ производныхъ, но само собою разумѣется, безъ значенія; что, не занявъ много мѣста, было бы очень полезно для учащихся. Авторъ по большей части — но не вездѣ — при производныхъ и сложныхъ словахъ приводитъ также и цѣльные корни. Часто можно бы было здѣсь ограничиваться однимъ кореннымъ слогомъ.

Таковы, въ общихъ лишь очеркахъ, качества требуемыя отъ Словаря классическихъ языковъ. Что Авторъ, какъ показываетъ Г. Грефе, удовлетворилъ многимъ изъ сихъ требованій, это конечно служить ему въ похвалу, а его сочиненію справедливою рекомендаціей. Если отъ него ускользнуло требованіе 4-е, а 5-е и 6-е не были въ его планѣ, то его нельзя винить за это, и укоръ этотъ постигъ бы еще весьма многихъ другихъ лексикографовъ. Очевидно, что онъ пользовался лучшими и новѣйшими

нѣмецкими, и, вѣроятно также французскими пособіями по своей части, жаль только, что не вездѣ указываетъ на своихъ источниковъ.

Описокъ и опечатокъ въ Словарѣ Г-на Косовича сравнительно встрѣчается не много; но что безъ нихъ не могло обойтись вовсе, въ книгѣ изъ двухъ томовъ безъ малаго въ 2000 страницъ, это очень естественно и вездѣ было бы не иначе. Число пропусковъ также незначительно.

Академія уваживъ ходатайство ученаго своего Эллиниста съ удовольствіемъ присудила Г-ну Косовичу второстепенную премію.

III.

Аналитическая теорія волнообразнаго движенія зѳира.

Ч. I. О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ срединкахъ, неимѣющихъ двойнаго преломленія. Соч. *Иосифа Сомова*. Спб. 1847. 4.

Авторъ начинаетъ свое разсужденіе съ краткаго историческаго обозрѣнія прежнихъ изслѣдованій относительно движенія зѳира; но онъ не упоминаетъ ни о трудахъ Лапласа, — о которомъ однако же умолчать нельзя, когда рѣчь идетъ вообще о дѣйствіяхъ, постепенно исчезающихъ на извѣстныхъ разстояніяхъ, — ни о важномъ замѣчаніи Пуассона о томъ, что суммы, встрѣчаемыя въ исчисленіи молекулярныхъ силъ, не могутъ быть обращаемы въ интегралы, замѣчаніе, которое нѣкоторымъ образомъ есть исходная точка всѣхъ новѣйшихъ успѣховъ молекулярной механики. Исчисливъ труды своихъ пред-

шественниковъ, Г. Сомовъ указываетъ на то, что ему собственно довелось прибавить къ Теоріи волнообразнаго движенія ээира. «Коши, говоритъ онъ, при составленіи уравненій безконечно малыхъ движеній одной средины, которая онъ относитъ не только къ свободному ээиру, но также къ ээиру, соединенному съ вѣсомой матеріею, предполагаетъ, что силы, происходящія отъ дѣйствія на одну частицу окружающихъ ее ээирныхъ частицъ, уравновѣшиваются независимо отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на ээиръ, такъ что силы, происходящія отъ дѣйствія вѣсомыхъ частицъ на каждую ээирную, также уравновѣшиваются отдѣльно и остаются въ равновѣсіи во время весьма малыхъ колебаній ээирныхъ частицъ; потому онъ не входятъ явнымъ образомъ ни въ уравненія равновѣсія, ни въ уравненія движенія ээира, и не видно, какъ упругость ээира около каждой точки можетъ зависѣть отъ фигуры и расположенія вѣсомыхъ частицъ. Это побудило меня замѣнить уравненія Коши другими, въ которыя входятъ члены, зависящіе отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на ээиръ. Интегралы этихъ уравненій и слѣдствія, изъ нихъ истекающія, относящіяся къ распространенію свѣтовыхъ волнъ, сходны съ выводами Коши и *будутъ совершенно съ ними тождественны, если мы пренебрежемъ членами, зависящими отъ дѣйствія вѣсомой матеріи.*»

Г. Сомовъ излагаетъ вслѣдъ за сими тѣ предположенія, изъ коихъ онъ выводитъ дифференціальныя уравненія относительно движенія ээира. Изъ нихъ нѣкоторыя излишни: другія, которыя казались бы необходимыми, пропущены.

Далѣ, Г. Сомовъ выводитъ дифференціальныя уравненія движенія эѳира, принимая въ соображеніе дѣйствіе вѣсомой матеріи, но не обращая вниманія на перемѣщеніе ея частицъ. Это значить принимать вѣсомую матерію находящуюся въ равновѣсіи независимо отъ эѳира, и предполагать, будто движеніе сей жидкости можетъ не сообщиться вѣсомой матеріи, чего по строгости допустить нельзя. Въ заключеніе Г. Рецензентъ замѣчаетъ, что не взвѣсивъ на сія немногіе недостатки, трудъ Г-на Сомова ясно доказываетъ, что сей геометръ совѣстливимъ изученіемъ своего предмета усвоилъ себѣ все то, что знаменитые предшественники его открыли относительно уравненій въ частныхъ линейныхъ разностяхъ, отъ которыхъ зависитъ теорія свѣта и другія важныя задачи математической Физики. Очевидно, что онъ избралъ себѣ образцомъ и руководителемъ Коши; однако же уравненія, которыя онъ предположилъ себѣ интегрировать, различаются отъ уравненій знаменитаго французскаго Геометра тѣмъ, что онѣ содержатъ въ себѣ и члены, зависящіе отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на эѳиръ. И такъ трудъ Г-на Сомова не есть простая компиляція, а свидѣтельствуетъ напротивъ того о явномъ дарованіи, которое тѣмъ болѣе достойно справедливой оцѣнки и одобренія со стороны Академіи, что изученіе высшаго математическаго анализа едва ли можетъ найти у насъ иное поощреніе. Половинная премія, во второй уже разъ присуждаемая Г-ну Сомову, конечно подстрекнетъ его къ дальнѣйшимъ успѣхамъ и успѣхамъ на избранномъ имъ поприщѣ.

IV.

**МУХАММЕДСКАЯ НУМИЗМАТИКА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РУССКОЙ
ИСТОРИИ. Сочиненіе Павла Савельева. Спб. 1847. 8.**

Исторія Россіи съ самаго учрежденія Императорской Академіи Наукъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія сдѣлалась предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, и можно сказать по всей справедливости, что какъ природные Русскіе, такъ и ученые другихъ націй посвятали ей вниманіе, увѣнчанное самымъ счастливымъ успѣхомъ. Естественно, что для средней и новѣйшей исторіи нашего, какъ и вообще для большей части новѣйшихъ государствъ имѣются обильнѣйшіе и притомъ полнѣйшіе источники, нежели для древнѣйшей и древней. Но именно тѣ источники, которые занимаютъ происхожденіемъ народа или государства, должны имѣть особенную занимательность какъ для ученаго наблюдателя, такъ и для самаго народа. И дѣйствительно не было недостатка въ такихъ мужахъ, которые, подвизавшись на трудныя разысканія о темныхъ начаткахъ Русской Исторіи, старались озарить ихъ свѣтлымъ источникомъ исторической критики. Но многое скрывалось еще въ восточныхъ бытописателяхъ. Важнѣйшіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи еще до нашего времени оставались неизвѣстными или недоступными, а отчасти и по нынѣ остаются таковыми. Долго недоставало даже ученаго глубокаго знатока восточной науки вообще, который могъ бы доказать, что и изъ этихъ источниковъ можно получить весьма значительныя поясненія о древней Русской Исторіи, — поясненія, которыхъ отчасти,

*

тщетно стали бы искать индѣ. Эта-то заслуга безспорно принадлежит нашему Френу, и хотя примѣръ его поощрилъ и другихъ ориенталистовъ къ разработкѣ тѣхъ же самыхъ рудниковъ, но за всѣмъ тѣмъ за нимъ остается слава, что онъ умѣлъ извлечь изъ нихъ наиболѣе сокровищъ, и въ многообразныхъ нумизматическихкихъ и другихъ своихъ сочиненіяхъ указалъ на то, что и другіе Азіатскіе памятники, а именно монеты могутъ служить немаловажными источниками къ поясненію древней и средней Исторіи, Этнографіи и Географіи Россіи.

Уже съ давняго времени находили въ почвѣ Русской земли и другихъ сосѣдственныхъ прибалтійскихъ странъ восточныя и именно мухаммеданскія монеты. Прежде подобныя находки не обращали на себя здѣсь особаго вниманія; найденныя монеты, по большей части неизслѣдованныя, были отдаваемы въ переплавку или употребляемы для другихъ какихъ либо цѣлей: самыя мѣста находженія оставались неуваженными. Но когда убѣдились въ томъ, что встрѣчу этихъ монетъ можно почесть признакомъ процвѣтавшей нѣкогда между Среднею Азіею и Россіею, а равно съ сосѣдственными странами значительной торговли, то и этому обстоятельству стали посвящать большее вниманіе, и одна изъ статей Френа *) представила намъ столько же полное, сколько и поучительное обозрѣніе такихъ сдѣланныхъ въ Россіи находокъ, съ по-

*) См. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischem Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde; von Ch. M. Fraehn, въ Bulletin scientifique. T. IX. No. 20—21.

мощью которых мы въ состояніи съ величайшею достовѣрностью прослѣдить направленіе торговыхъ путей въ древней Русѣ.

Оставалось только особенно обработать эти указанія и намѣки въ приложеніи ихъ къ Русской Исторіи и при томъ на Русскомъ языкѣ, потому что одно послѣднее обстоятельство могло придать такой обработкѣ настоящую цѣну, содѣйствовать ея распространенію во всей Россіи и сдѣлать ее общепользною. Для успѣшнаго выполненія этой задачи нуженъ былъ знатокъ не только Мухаммеданскихъ языковъ и науки, а именно Мухаммеданской Нумизматики, но и Русской Исторіи и Географіи.

Г. Савельевъ предпринялъ разрѣшить эту задачу, т. е. изобразить Мухаммеданскую Нумизматику въ связи ея съ Русскою Исторіей. Этого-то труда подлежащая книга составляетъ первую часть; двѣ слѣдующія книги будутъ разсуждать о монетахъ Волжскихъ Булгаръ, а равно о Русско-Татарскихъ монетахъ и происхожденіи Русскихъ денегъ (стр. ссхх) — безъ сомнѣнія, два весьма занимательные предмета, которыхъ мы желаемъ столь же тщательной обработки со стороны автора, какъ и подлежащей части. Эта часть свидѣтельствуетъ о большой начитанности и о рачительномъ прилежаніи нашего ориенталиста, и какъ она объемлетъ все, что относится къ предмету, представляя притомъ тщательное, всестороннее разрѣшеніе разныхъ сюда относящихся вопросовъ изъ древней Исторіи Россіи, то она по справедливости должна была обратить на себя вниманіе. Драгоценное прибавленіе къ ней составляетъ первое приложеніе о Пельвійскихъ над-

писяхъ на монетахъ Таберистана, и хотя Рецензенты наши относительно нѣкоторыхъ пунктовъ какъ этой статьи такъ и самаго сочиненія и не раздѣляютъ мнѣнїя автора, но это въ цѣлости ни мало не вредитъ его сочиненію.

И такъ во уваженіи того, что сочиненіе Г-на Савельева есть трудъ, составленный съ большимъ тщаніемъ, вполне объемлющій свою задачу и не только показывающій въ ясномъ свѣтѣ важность Мухаммеданской Нумизматики для Русской Исторіи, но и служащій драгоценнымъ дополненіемъ къ ней, — Академія согласно ходатайству Гг. Рецензентовъ присудила ему второстепенную премію, тѣмъ охотнѣе что авторъ намѣренъ употребить ее на изданіе двухъ другихъ частей своего сочиненія.

V.

NATURWISSENSCHAFTLICHE REISE DURCH DIE KIRGISENSTEPPE NACH SHIWA. Im Jahre 1842. Von *Theodor Fr. Jul. Basiner*. (Естественно-историческое путешествіе чрезъ Киргизскую степь въ Хиву, въ 1842 году. *Федора Фр. Юл. Базинера*).

Нельзя отрицать, что познаніе сосѣдственныхъ съ Россією странъ Азіи изъ года въ годъ становится болѣе настоятельною потребностію; оно необходимо не только для любознательности ученыхъ, но и для интересовъ торговли и политики. Азіатская Турція и Персія

выиѣ по всѣмъ ихъ отношеніямъ намъ почти столько же извѣстны, какъ Европейская Турція, Молдавія и Валахія. Китай, хотя только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ извѣданный Европейцами, въ новѣйшее время сдѣлался намъ болѣе знакомъ тщательнымъ изученіемъ большихъ Китайскихъ твореній о Географіи и Статистикѣ этого края. Но Хокандъ, Бухара и Хива принадлежатъ къ тѣмъ изъ нашихъ Азіатскихъ сосѣдей, о которыхъ мы доселѣ еще мало имѣли свѣдѣній, а потому каждое усиліе, ближе ознакомить насъ съ этими странами, заслуживаетъ признаніе. Такъ всякій любитель землеописанія Азіи съ благодарностью назоветъ имена Русскихъ и Британцевъ, встрѣчающихся на равнинахъ Бухары — Эльфинстона, Мейендорфа, Борнса (Burnes), Генса, Ханыкова, и свѣдѣнія эти, еще въ теченіе нынѣшняго года, значительно пополнятся изъ посмертныхъ записокъ слишкомъ рано умершаго Д-ра Леманна. Гораздо скудиѣ извѣстія наши о Хокандѣ и Хивѣ: подробнѣйшія изъ нихъ мы имѣли отъ Русскихъ и Азіатскихъ торговцевъ или отъ возвратившихся оттуда Русскихъ плѣнныхъ низшаго званія, а потому ограниченнаго образованія. При всей ихъ неполнотѣ и неточности, они возбуждали большое участіе своею новизною. Это относится въ особенности къ Хивѣ, этой не большой хищнической державѣ, которая непрерывными своими непріязненностями наносила такой ущербъ торговлѣ нашей съ Бухарою, и лишь въ послѣдніе годы, послѣ энергической демонстраціи со стороны нашего Правительства, по видимому, оставила прежнее свое несчастное ремесло. Первые достовѣрныя извѣстія о Хивѣ

мы получили отъ Англичанина Дженкинсона, который въ 1558 году изъ Мангышлака, чрезъ сѣверныя части Ханства отправился въ Бухару. Томпсонъ, Муравинъ и Бланкенгагель посѣтили Хиву въ 18 столѣтїи, Муравьевъ, Аштовъ, Абботъ и Шекспиръ въ нынѣшнемъ. Сообщенія этихъ путешественниковъ были неравнаго достоинства; всего удовлетворительнѣе извѣстія Дженкинсона, Муравьева, Аббота и Шекспира; но еще подробнѣе свѣдѣнія, собранныя покойнымъ Генераломъ Генсомъ въ Хивѣ, во время продолжительнаго его пребыванія въ Оренбургѣ, и помѣщенные въ издаваемомъ Академію Сборникѣ *). Но и они, какъ равно заимствованныя Ханыковыми **) изъ того же источника и отчасти распространенныя имъ свѣдѣнія, содержатъ въ себѣ много любопытнаго о народонаселенїи, торговлѣ и управленїи Ханства, лишь мало касаются естественныхъ его отношеній.

По этому нельзя не выдѣлить въ особенную заслугу Г-ну Базинеру, что онъ въ свое путешествіе посвятилъ главное свое вниманіе растительности, метеорологіи и геогнозисъ этого края. Путешествіе это, предпринятое на счетъ Императорскаго Ботаническаго Сада и при содѣйствїи Академіи Наукъ, совершено было Г-мъ Базинеромъ въ свѣтъ Полковника Даннлевскаго, который въ 1842-мъ году былъ отправленъ въ Хиву для окончанія начатыхъ въ 1840 г. переговоровъ между Россїєю и Хивою. Къ

*) Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs.

**) Описаніе Бухарскаго Ханства, составленное Н. Ханыковымъ.. С.-Петербургъ. 1843. 8.

сожалѣнію, правда, путь его туда былъ совершенъ въ исходѣ лѣта и осенью, въ такое время, когда уже отцвѣли большая часть и самыя прекрасныя растенія тѣхъ мѣстъ, а многія уже совсѣмъ исчезли; а обратный путь онъ долженъ былъ предпринять зимою. Но хотя при такихъ обстоятельствахъ и нельзя было ожидать богатой жатвы растеній въ странахъ, которыя вообще не принадлежать къ самымъ обильнымъ въ этомъ отношеніи, однако же Г. Базинеръ все таки умѣлъ извлечь изъ даннаго ему случая много пользы для своей науки. Онъ описалъ намъ осеннюю флору разныхъ посвященныхъ нивъ странъ, немногими, но весьма удовлетворительными чертами. Флора прилежащихъ съ востока къ Каспійскому морю земель объяснена была намъ Эйхвальдомъ, Карелинымъ, Лессингомъ и Клаусомъ, флора Алтая и Зюнгоріи Ледебуромъ, Карелинымъ и Шренкомъ, а Бунге началъ знакомить насъ съ растеніями, собранными Леманномъ отъ Урала до Самарканды. Путешествіе Г-на Базинера выполняетъ собою пробѣлъ въ Географіи растеній средней Азіи, раскрывая предъ нами также растительность лежащихъ къ сѣверо-западу и югу отъ Арала странъ, и подтверждая уже прежде угаданную аналогію Аральской флоры съ флорою Каспійскаго моря и низменностей Зюнгоріи до самой подошвы Алтая.

Характеристическое описаніе этой флоры состоитъ въ нѣкоторыхъ группахъ растеній, а особенно наредвидныхъ (*Chenopodiaceae*), съ достопримѣчательнымъ безлиственнымъ Саксауломъ, единственною сколько извѣстною, древообразною породою этой группы, коей собственная

отчизна вѣроятно есть окрестность Арала, потому что путешественникъ нашъ къ западу этого озера нашелъ цѣлые лѣса ихъ, такъ же какъ Эверсманнъ на востокъ отъ него, между Кувадарью и Іандарью, лѣса, простиравшіеся на нѣсколько дней пути. Сверхъ этихъ общихъ свѣдѣній о географіи растений мы обязаны Г-ну Базинеру также разными полезными замѣтками объ искусственныхъ растеніяхъ Хивы, узнаемъ отъ него, какія Хивинцы разводятъ породы хлѣбныхъ растеній, а равно имена ихъ и употребленіе, и впервые получаемъ удовлетворительное понятіе о системѣ орошенія, которая въ Хивѣ играетъ столь важную ролю. Большой признательности заслуживаютъ также замѣчанія, собранныя авторомъ о климатѣ, и метеорологическія наблюденія, съ большою рачительностію дѣланныя имъ во время пребыванія его въ Ханствѣ и на всемъ пути. Не менѣе любопытно сочиненіе Г-на Базинера и по части Геогнозиса, оно обогатило геогностическое наше познаніе о Каспійскомъ бассейнѣ новыми и, можно сказать, важными фактами, между прочимъ о высокой горной возвышенности Усть-Юртъ, которой свойство здѣсь впервые представлено въ ясной и наглядной картинѣ. Мы прочли это изображеніе съ особеннымъ интересомъ, потому что Усть-Юртъ въ геологическихъ отношеніяхъ Арало-Каспійскаго бассейна занимаетъ главное мѣсто и слѣдовательно ближайшее его изслѣдованіе было очень желательно. — Наконецъ нельзя не упомянуть также о значительныхъ повѣркахъ и объясненіяхъ, которыя мы приобретаемъ изъ сочиненія Г-на Базинера по части Географіи и Статистики Хивы, и о

прекрасной картѣ Ханства, изготовленной нѣсколькими находившимися при миссіи топографами, которые съ путешественникомъ провѣли страну до самаго Хазараспа, и такъ почти до южнаго рубежа Ханства. Хотя эта карта и не основана на точныхъ измѣреніяхъ, но по крайней мѣрѣ она снята съ компасомъ въ рукѣ и очевидцами, и заслуживаетъ предпочтеніе передъ прежними картами, отъ которыхъ и отличается существенно.

Но всѣмъ этимъ уваженіямъ Академія назначила Г-ну Базилеру второстепенную премію съ принятіемъ изданія труда его на свой счетъ, если на то послѣдуетъ только разрѣшеніе Министерства иностранныхъ дѣлъ, о коемъ сама Академія будетъ ходатайствовать.

VI.

Судьбы Церковно-Славянскаго языка: 1) О средне-Болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассія. 2) О Кирилловской части Рейнскаго Евангелія. Историко-филологическія изслѣдованія.
II. Биллярская.

Второстепенныя Демидовскія преміи Академія нерѣдко называла *поощрительными*, и въ этомъ-то значеніи она особенно любитъ присуждать ихъ, сообразно смыслу учрежденія даже молодымъ ученымъ, если только первые ихъ опыты доказываютъ уже рѣшительно самостоятельное стремленіе на поприщѣ ученаго изслѣдованія, благо-разумный выборъ методы, явные признаки здравой, кри-

тики и благородный энтузіасмъ къ наукѣ. Самый оытъ доказалъ, что въ такихъ видахъ присужденныя преміи большею частію достигали своей цѣли, подстрекая молодыхъ увѣнчанныхъ авторовъ къ дальнѣйшимъ усиліямъ и успѣхамъ, и вызывая другихъ, равно одаренныхъ, къ подражанію и соревнованію.

Въ Маѣ 1847 года Адъюнктъ Академіи Куникъ представилъ Историко-филологическому Отдѣленію рукописную статью молодого Русскаго филолога подъ заглавіемъ: *Судьбы Церковно-Славянскаго языка, изслѣдованія и наблюденія Петра Билярскаго*. Первая часть сего труда разсуждаетъ о средне-Болгарскомъ вокализмѣ по Патріаршему списку лѣтописи Манассіи, вторая, о Кирилловской части Реймскаго Евангелія. Въ введеніи какъ и въ самомъ текстѣ своихъ изслѣдованій авторъ ясно и опредѣлительно излагаетъ начала, руководившія его въ семъ трудѣ. Онъ смотритъ на Церковно-Славянскій языкъ не какъ на мертвую массу, а видитъ въ немъ живой организмъ, представляющій всѣ признаки замѣчательнаго постепеннаго развитія и имѣвшій сильное вліяніе на образованіе книжнаго Русскаго языка. Потому-то онъ обратилъ особенное вниманіе на Церковно-Славянскія рукописи такъ называемаго средне-Болгарскаго племени, болѣе древне-Болгарскихъ распространеншіяся въ Россіи и потому сильнѣе отразившіяся въ исторіи отечественнаго языка. А какъ вообще средне-Болгарское нарѣчіе донынѣ не было еще критически обработано, результаты же о вокализмѣ сего языка, выведенные изъ филологическаго разбора Г-на Билярскаго представляютъ уже для

опредѣленія древности и происхожденія Церковно - Славянскихъ рукописей, нѣкоторыя точки опоры, столь важныя для Историковъ, то Академія, уваживъ таковой лестный о семъ трудѣ отзывъ, напечатала его въ Сборникѣ Записокъ постороннихъ ученыхъ. Другая же часть труда Г-на Билярскаго доселѣ оставалась въ рукописи.

Представленные нынѣ къ соисканію Демидовской преміи объ части, Отдѣленіемъ Русскаго языка и Словесности были переданы на разсмотрѣніе ученаго нашего Славяниста А. Х. Востокова, который подтвердивъ и съ своей стороны отзывъ Г-на Куника, о первомъ разсужденіи Г-на Билярскаго, свидѣтельствуетъ, что авторъ превосходно изучилъ предметъ свой, доселѣ мало кѣмъ изслѣдованный, что замѣчанія его вѣрны и выводы основательны и что всякій любитель Славянской филологіи прочтетъ статью его съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Второе сочиненіе Г-на Билярскаго раздѣляется на двѣ части: 1) Критическая Исторія изслѣдованій о Рейскомъ Евангеліи. 2) Опытъ изслѣдованія о Рейскомъ спискѣ и его древнѣйшемъ оригиналѣ.

Въ первой части Г. Билярскій подробно и отчетливо описалъ весь ходъ изслѣдованій о памятникѣ, столь много занимавшемъ Славянскихъ филологовъ, строго оцѣняя заслуги участвовавшихъ въ сихъ изслѣдованіяхъ и выставляя ихъ ошибки.

Во второй части разсматриваетъ правописаніе Рейскаго Евангелія, находитъ въ ономъ смѣсь Болгарскаго, Сербскаго, Русскаго и Валашскаго правописанія, и выводитъ заключеніе, что эта рукопись, которая была при-

письмаема Св. Прокопію Чешскому и отнесена къ первой половинѣ XI вѣка, не только не можетъ имѣть такой древности, но писана не ранѣе XIV вѣка, гдѣ нибудь въ Валахіи.

Признаки, на которыхъ Г. Билярскій основываетъ заключеніе свое, не подвержены никакому сомнѣнію. Хотя почеркъ рукописи и кажется древнѣе XIV вѣка, и можно бы по почерку отнести ее къ XII вѣку, но взглянувъ на правописаніе, должно отказаться отъ такого мнѣнія. Кромѣ новости правописанія, рукопись представляетъ множество описокъ, обнаруживающихъ безграмотность писца, которому даже незнакомъ былъ языкъ списываемаго имъ памятника.

Г. Востоковъ заключаетъ что труды Г. Билярскаго по предмету Славянской филологіи, показываютъ въ немъ знающаго и добросовѣстнаго дѣлателя на этомъ полѣ, у насъ еще мало обработанномъ, и что труды эти заслуживаютъ поощренія, каковое Академія охотно ему и оказала, присужденіемъ половинной Демидовской преміи.

VII.

Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость.

Разсужденіе, написанное для полученія степени Магистра *А. Давидовымъ*. Москва 1848.

Теорія равновѣсія плавающихъ тѣлъ была уже не разъ предметомъ аналитическихъ изслѣдованій. Въ наше время, два французскіе математика, *Прони* и *Дюпенъ*, весьма извѣстные въ ученomъ свѣтѣ своими сочиненіями по Ме-

хавикѣ, занимались этимъ вопросомъ; не смотря однакожь на ихъ труды, полная теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость, далеко еще не исчерпана. Поэтому, всякое удачное обобщеніе прежнихъ результатовъ можно считать истиннымъ приобрѣтеніемъ для Гидростатики, и въ этомъ отношеніи, изслѣдованія Г-на Давидова безспорно заслуживаютъ полное вниманіе.

Разсужденіе его раздѣлено на три главы: въ первой главѣ говорится *о равновѣсіи тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость*; во второй, *о равновѣсныхъ положеніяхъ плавающихъ тѣлъ*; въ третьей, *объ устойчивости плавающихъ тѣлъ*.

Въ *Введеніи*, помѣщенномъ въ началѣ сочиненія, авторъ предлагаетъ нѣкоторыя историческія подробности о теоріи плавающихъ тѣлъ. Но, должно сознаться, эти указанія слишкомъ недостаточны и отрывисты. Можно также прибавить къ этому, что слогъ Введенія и первой половины Разсужденія не всегда правиленъ, и что даже мѣстами встрѣчаются неточности въ изложеніи. Далѣе этотъ недостатокъ становится менѣе замѣтнымъ.

Первая глава не заключаетъ въ себѣ ничего, собственно принадлежащаго Г. Давидову, почему мы перейдемъ прямо ко второй. Въ ней излагается авторомъ способъ для опредѣленія равновѣсныхъ положеній плавающихъ тѣлъ. Правда, *Прони*, въ своей *Mécanique philosophique*, первый предложилъ формулы, ведущія къ этой цѣли; но приемы Г. Давидова, безъ сомнѣнія, имѣютъ преимущество по свойственной имъ общности. Сочинитель разбираемой книги разсматриваетъ сперва для про-

стоты случай тѣлъ призматическихъ и цилиндрическихъ, когда ребра ихъ, или производящія параллельны плоскости плаванія; тогда вопросъ приводится къ отсѣченію прямою линіею извѣстной части отъ данной площади, и при томъ такъ, чтобы прямая, соединяющая центры тяжести полной площади и отсѣченной ея части, была перпендикулярна къ линіи отдѣла. Рѣшеніе этой задачи зависитъ отъ опредѣленія двухъ кривыхъ, для которыхъ авторъ и находитъ уравненія очень остроумнымъ способомъ. Рѣшивъ этотъ частный вопросъ, Г. Давидовъ переходитъ къ общему, то есть къ тому случаю, когда плавающее тѣло имѣетъ какойнибудь видъ. Двѣ кривыя, о которыхъ сейчасъ упомянуто, замѣняются, въ настоящемъ предположеніи, двумя поверхностями, названными авторомъ весьма свойственно *поверхностію сплечій* и *поверхностію центровъ*; авторъ выводитъ ихъ уравненія, и за сими вопросъ о равновѣсныхъ положеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ смыслѣ, не представляетъ уже никакого затрудненія. Общія свои формулы Г. Давидовъ пояснилъ многочисленными приѣрами, удачно выбранными.

Наконецъ, третья глава посвящена, какъ уже сказано выше, теоріи устойчивости равновѣсія плавающихъ тѣлъ. При рѣшеніи этого труднаго вопроса, Г. Давидовъ употребилъ *начало возможнаго момента*, удерживая въ немъ безконечно малые члены втораго порядка. Если не ошибаеся, то Г. Брашманъ, первый, приложилъ это начало къ Гидростатикѣ. Но онъ, какъ можно видѣть изъ его книги, рассматривалъ только частные случаи,

между тѣмъ какъ Г. Давидовъ прямо приступаетъ къ общему, и разрѣшаетъ его самымъ удовлетворительнымъ и удачнымъ образомъ.

Въ заключеніе скажемъ, что Разсужденіе Г-на Давидова несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокихъ дарованіяхъ автора и что присужденіе ему Академіею поощрительной преміи конечно не останется безъ благихъ послѣдствій для науки.

VIII.

Изъ оставшихся за тѣмъ двѣнадцать одобренныхъ совсѣтательныхъ сочиненій, Академія присудила осмую второстепенную премію рукописному сочиненію Г-на Горлова :

Обзорніе Экономической Статистики Россіи, руководствуясь принятымъ ею правиломъ, при равныхъ достоинствахъ, отдавать преимущество самостоятельному ученому изслѣдованію предъ учебнымъ руководствомъ, какъ бы превосходно сіе послѣднее ни было составлено; между самостоятельными же трудами отлнчать преимущественно тѣ, которые предметомъ избрали себѣ изученія отечества въ намѣръ бы то имѣло отношеній.

Намѣрне было бы распространяться, сколь важно для каждаго мыслящаго человѣка узнать хозяйственныя отношенія своего отечества — эта потребность уже наданна пробудилась и у насъ, но доселѣ все еще оставало яснаго изображенія хозяйственнаго быта въ Россіи.

Въ 1827 году правда, Г. Андросовъ старался посо-
бить этому недостатку, изданіемъ своей «Хозяйственной
Статистики Россіи» въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: о
мѣстности и о промышленности.

Сколь ни неполно и недостаточно было это сочи-
неніе, оно представляло однако же вѣкторую опору по-
слѣдовавшимъ изыскателямъ по этой части.

Нынѣ, когда мы подвинулись впередъ двумя десяти-
лѣтіями, Г. Горловъ на восточномъ краю Европы — въ
Казани — выступилъ съ новымъ трудомъ по этому же
предмету.

Сочиненіе его раздѣляется на три главные отдѣла:
о народонаселеніи, о промышленности и о торговлѣ.
Вслѣдъ за введеніемъ онъ даетъ сперва краткое, но къ
сожалѣнію, не соясѣмъ полное обзорѣніе источниковъ
Статистики Россіи.

Для самаго текста авторъ какъ видно, почерпалъ свои
данныя изъ сотни книгъ, брошюръ и статей, и надобно
отдать ему справедливость, что онъ обращался къ дѣль-
нымъ источникамъ. Пользуясь лучшимъ и новѣйшимъ по
своей части, онъ успѣлъ собрать во едино множество
разбросанныхъ свѣдѣній, подвергнуть ихъ ученому, кри-
тическому разбору и извлечь изъ нихъ множество по-
лезныхъ для науки результатовъ. И если прекрасный и
полезный трудъ его оставляетъ еще многое недосказан-
нымъ, то въ этомъ винить можно менѣе недостатокъ въ
собственномъ соображеніи автора, въ тщательномъ обра-
ботаніи матеріала, сколько скудность и частію недо-
вѣрность самаго матеріала.

Здѣсь не мѣсто исчислять всѣ замѣчанія, какія могли представиться рецензенту при чтеніи сего сочиненія. Онъ конечно не откажется сообщить ихъ автору для по-
полненія, а кое-гдѣ и исправленія его труда, до отдачи
его въ печать.

Изъ постороннихъ рецензентовъ удостоены золотыхъ
медалей, въ знакъ признательности Академіи

ВОЛЬНИХЪ :

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета *Неволинъ*
и Генералъ-Лейтенантъ Баронъ *Зедделеръ*.

МАЛЫХЪ :

Профессоръ Главнаго Педагогическаго Института *Бес-
серъ* и Профессоръ Императорской Медико-Хирургиче-
ской Академіи *Заблоцкій*.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Н Е Р В А Н Д Е Р А,

ПРОФЕССОРА

при Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

**Observations
faites à l'Observatoire magnétique et
météorologique de Helsingfors;**

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ КУПФЕРОМЪ.

L'ouvrage, dont nous allons rendre compte, se rattache si intimement à ce qui a été fait, de nos jours, pour le développement des études magnétiques, qu'il nous paraît indispensable de faire précéder notre rapport d'un court exposé des conquêtes que la science a faites, depuis peu, dans ce domaine.

Pour bien comprendre l'importance de notre époque dans l'histoire du développement des sciences d'observation, il faut jeter un coup d'oeil en arrière, jusqu'au commencement de l'immense carrière qu'elles ont parcourue. Aussitôt que les sciences d'observation sont sorties des mystères dont leur enfance est enveloppée, on les voit se poser en face de la nature même; on n'étudie, on ne tâche d'expliquer que les grands phénomènes de la nature; on ne sait pas encore qu'on ne peut surprendre ses secrets, qu'en simplifiant ses combinaisons, qu'en dévidant, pour ainsi dire, ses fils complexes un à un, en faisant naître en petit, sous nos yeux, ces phénomènes dont la grandeur et la complication nous confond; — ou ne connaît pas encore l'expérience. Ce n'est guère qu'après l'introduction de cette nouvelle et puissante méthode d'investigation, c'est à dire après la

renaissance des lettres en Europe, que la science prend une marche assurée; mais aussi, toutes les études physiques se concentrent dans les cabinets de physique, et en sortent seulement à de rares intervalles, et la science, après avoir épuisé toutes les combinaisons possibles dans l'étroite enceinte des laboratoires, se trouve impuissante à expliquer le moindre phénomène de la nature, parce que sa vue n'est pas assez étendue pour en embrasser le grand ensemble.

Les études physiques ne sont pas aussi indépendantes que les études chimiques, ou celles de l'histoire naturelle; leurs racines plongent dans toutes les sciences, dont la nature est l'objet. La chimie a fourni à la physique l'idée de l'expérimentation; l'histoire naturelle lui a fourni, dans les voyages entrepris pour son avancement, l'occasion de rassembler des données d'observation immédiate sur une très grande étendue. C'est ainsi, que les voyages scientifiques ont ramené l'esprit humain à l'observation directe des phénomènes naturels, parmi lesquels le magnétisme terrestre a toujours occupé une place distinguée; une nouvelle ère pour les sciences physiques a commencé: il y avait un nouveau domaine à conquérir pour l'observation, un domaine qui ne s'arrête qu'aux régions impénétrables des pôles terrestres et des déserts brûlants, voisins de l'équateur. Mais les phénomènes de la nature se présentent à notre esprit sous deux formes très distinctes dont l'une est constante et l'autre variable: nous avons, d'un côté, les lois immuables de la nature, les formes constantes dont elle

se revêt ; mais nous avons aussi , de l'autre côté , des changements continuels , des mouvements incessants ; et l'étude de ces deux sortes de phénomènes exige des moyens très différents. Il suffit , par exemple , d'un seul effort pour déterminer la latitude , pour décrire une plante , car ces choses ne changent pas : mais les observations nécessaires pour déterminer les éléments magnétiques dans un point quelconque de la surface terrestre ne finissent pour ainsi dire jamais , parce que ces éléments changent continuellement , et s'il y a des périodes après lesquelles les mêmes phénomènes reviennent , ces périodes sont très longs , et embrassent souvent plusieurs générations. Ce n'est donc pas en voyageant qu'on peut étudier à fond les phénomènes de ce genre : ce n'est pas non plus dans des cabinets de physique , où des travaux de tout genre se succèdent et se gêneraient mutuellement , si on en voulait continuer quelques-uns pendant un très long espace de temps ; il faut pour cela des établissements destinés spécialement à poursuivre ces recherches sans relâche , sans interruption ; il faut des observateurs toujours en place , ne manquant jamais à l'appel ; on ne peut pas , comme dans les observations astronomiques , interrompre les observations , sans inconvénient , pendant des jours , pendant des mois entiers ; chaque heure , chaque minute apporte un changement dans ces phénomènes éminemment variables , qu'il faut enregistrer , pour qu'il ne soit à jamais perdu pour la science.

On voit par ce que je viens d'exposer , comment le

plus grand voyageur de notre siècle a pu être en même temps le plus grand promoteur des études magnétiques; mais on voit aussi qu'on n'a pu s'arrêter à ces matériaux rassemblés accidentellement, à ces données fournies par des observations continuées pendant quelques heures ou quelques jours; et que la nouvelle ère, dans laquelle les études magnétiques viennent d'entrer, commence véritablement là, où des observations continuées tous les jours, pendant un nombre d'années illimité, se font dans les observatoires nouvellement créés à cet effet, c'est à dire, avec la fondation du premier observatoire magnétique, où l'on observe tous les jours et toute la journée.

A peine avait on fondé les premiers observatoires magnétiques en Russie, qu'une émulation, qui fait honneur à notre siècle, s'établit dans toute l'Europe. Le gouvernement anglais organisa à lui seul six observatoires magnétiques; la Compagnie des Indes orientales y ajouta encore quelques-uns: à cette occasion, le nombre des heures d'observation fut considérablement augmenté; dans les premiers observatoires russes on n'observait que le jour, toutes les deux heures; dans les observatoires créés par la nouvelle association, on continue les observations pendant le jour et la nuit, et on en fait une chaque heure.

C'est assurément une besogne immense, que celle d'enregistrer 24 fois par jour, pendant plusieurs années, et avec une exactitude scrupuleuse, la déclinaison, l'intensité magnétique, la hauteur du baromètre,

la température de l'air, la pression des vapeurs d'eau qu'il contient, enfin l'état du ciel et la quantité de pluie ou de neige qui est tombée du ciel; mais M. Nervander, par l'ouvrage qu'il vient de nous présenter, a prouvé qu'on peut encore aller plus loin. Dès que la construction de l'observatoire magnétique de Helsingfors fut achevée, dès que les instrumens furent établis, c'est à dire dès le mois de juillet 1844, on y commença une série d'observations qui furent continuées toutes les 10', jour et nuit, et qui continuent encore. On peut s'imaginer combien il faut de persévérance, combien d'abnégation de soi-même, pour diriger, pour être l'âme d'un si immense travail; car, il faut le dire dès à présent, les observateurs employés à cette incessante besogne, n'ont d'autres tâches que d'observer et d'enregistrer leurs observations; ils n'ont eu et n'ont aucune part ni dans la direction, ni dans le calcul des observations, ni dans la rédaction de leurs résultats. Je n'aurai donc pas besoin de faire voir à la Commission que M. Nervander a fait assez pour mériter son approbation, mais il faudra plutôt prouver qu'il n'a pas fait trop; car, si des observations six fois plus nombreuses que les observations faites dans les autres observatoires magnétiques ne fournissent pas des résultats plus importants à la science, pourquoi, dira-t-on, ce travail et ces dépenses extraordinaires? La réponse à cette question fera encore mieux ressortir le mérite de M. Nervander et ses titres à une récompense; car c'est M. Nervander lui-même qui n'a pas seulement

donné, par des travaux antérieurs, des motifs suffisants pour l'entreprise d'un si grand travail, mais qui a déjà trouvé dans les résultats de deux années de ses observations, la confirmation de ses idées antérieures. Ce n'est pas ici l'endroit d'entrer dans tous les détails de ces recherches délicates; il suffira de dire, que jusqu'à présent, la marche journalière de l'aiguille a été très imparfaitement connue; qu'on avait bien reconnue l'existence d'un maximum et d'un minimum de déclinaison, qui reviennent chaque jour à des heures passablement fixes, mais que tous les autres mouvements de l'aiguille se trouvaient confondus sous la dénomination de mouvements irréguliers. M. Nervander nous a fait voir, dans un mémoire inséré dans notre Bulletin, qu'outre le maximum et le minimum de déclinaison, qui ont lieu vers 1^h du matin et vers 1^h après midi, il existe encore d'autres points saillants dans la courbe qui représente la marche journalière de l'aiguille et que, pour découvrir l'existence de ces points, et pour bien établir leur période, il faudrait observer plus souvent que chaque heure, intervalles trop grands pour mettre au jour toutes les sinuosités de la courbe nommée. C'est fort de cette conviction, que M. Nervander lorsque l'observatoire de Helsingfors fut fondé, et qu'il en fut nommé le directeur, résolut d'augmenter le nombre des observations et d'en instituer toutes les 10 minutes; et ce motif paraîtra sans doute suffisant à tout le monde; nous ne pouvons qu'admirer le courage, qui peut faire naître une telle résolution, et la persévérance qui en a assuré l'exécution.

M. Neuvander nous a envoyé ses observations originales : leur impression a commencé, mais n'a pu continuer, faute de moyens suffisants. Il en résulte une double tâche pour nous, celle de récompenser un si grand travail, et celle de le rendre dans toute son étendue profitable à la science, en disposant en sa faveur des fonds alloués à l'impression des ouvrages manuscrits couronnés. Voici la liste complète des observations contenues dans les paquets de l'année 1847, la seule que je mets sous les yeux de la Commission, parce que les autres lui ressemblent exactement.

- I. Observations sur les variations de la déclinaison, faites de 10' en 10', jour et nuit; la première colonne contient le nom de l'observateur, la seconde la date, les autres six colonnes les observations, de sorte que la première page comprend toutes les observations faites pendant le mois entier, pendant la première heure, c'est à dire de 0^h jusqu'à 0^h 50'; il faut donc 24 pages ou 6 feuilles pour faire un mois; à la fin de chaque heure, on s'est convaincu de l'immobilité de la lunette, en la dirigeant sur un miroir fixe.
- II. Observations sur les variations de l'intensité horizontale, faites également de 10' en 10', mais 2' plus tard, et inscrites de la même manière; la température du barreau aimanté a été notée d'heure en heure — en tout 6 feuilles par mois.
- III. Observations sur les variations de l'inclinaison,

faites d'heure en heure, à compter depuis 0^h 14' 20" — deux feuilles par mois.

- IV. Observations barométriques, faites de 20' en 20', depuis 0^h 15', — 6 feuilles.
- V. Observations sur la température de l'air, à l'ombre, faites de 20' en 20', et depuis 0^h 5'; 3 feuilles; ici est aussi indiqué la pluie, la neige et la grêle.
- VI. Observations sur la température de l'air, faites avec un thermomètre exposé de sorte qu'il fût frappé du soleil, lorsqu'il y en avait; ces observations ont aussi été faites de 20' en 20', depuis 0^h 6'; 3 feuilles.
- VII. Observations sur l'état du ciel, faites d'heure en heure depuis 0^h 7'; une feuille.
- VIII. Observations sur la direction du vent, faites de 20' en 20', depuis 0^h 6'; trois feuilles.
- IX. Observations sur la force du vent, faites de 20' en 20', à compter de 0^h 7'; 3 feuilles.

Il est impossible d'observer tant d'instruments divers à la fois, même lorsqu'on ne prend pas très rigoureusement le sens de ce mot; on voit, comme M. Nervander a disposé du peu de temps, qui s'écoulait entre les observations du même instrument, pour qu'aucune observation ne puisse gêner l'autre. Dans le tableau suivant on voit l'ordre, dans lequel les observations furent faites pendant la durée de chaque heure.

Instant de l'observation.	Instrument observé.
0 ^h 0'	Magnétomètre unifilaire.
0 2	Magnétomètre bifilaire.
0 5	Thermomètre à l'ombre.
0 6	Thermomètre au soleil et direction du vent.
0 7	Force du vent et état du ciel.
0 10	Magnétomètre unifilaire.
0 12	Magnétomètre bifilaire.
0 14 20"	Inclinaison.
0 15	Baromètre.
0 20	Magnétomètre unifilaire.
0 22	Magnétomètre bifilaire.
0 25	Thermomètre à l'ombre.
0 26	Thermomètre au soleil et direction du vent.
0 27	Force du vent.
0 30	Magnétomètre unifilaire.
0 32	Magnomètre bifilaire.
0 35	Baromètre.
0 40	Magnétomètre unifilaire.
0 42	Magnétomètre bifilaire.
0 45	Thermomètre à l'ombre.
0 46	Thermomètre au soleil et direction du vent.
0 47	Force du vent.
0 50	Magnétomètre unifilaire.
0 52	Magnétomètre bifilaire.
0 55	Baromètre.

En tout 29 observations chaque heure; et pour faire autant d'observations, il n'a fallu que six observa-

teurs, dont chacun observait par conséquent pendant 4 heures, chaque jour.

Comme les barreaux aimantés oscillent presque continuellement, il faut, pour déterminer la position moyenne du barreau, trois observations partielles au moins, dont la moyenne seule, prise de suite par l'observateur même, est enregistrée pour l'impression; les observations partielles sont écrites au crayon: M. Nervander en a ajouté à l'envoi de son manuscrit, pour en donner une idée. On comprend facilement que le calcul des moyennes d'un si grand nombre d'observations est à lui seul un travail très considérable. M. Nervander a revu, avec un soin extrême, le calcul de chaque observation simple, et calculé deux fois les moyennes de toutes les observations, prises de 5 en 5 jours, et ensuite les moyennes des mois.

Je pense que l'exposition du travail de M. Nervander que je viens de donner est suffisante, pour mettre la Commission en état de juger de son mérite et de son étendue. J'arrive donc à la conclusion de mon rapport, en proposant pour M. Nervander un prix entier, avec une part dans les sommes disponibles pour l'impression des ouvrages manuscrits; et je résume ici, pour plus de clarté, les motifs de ce jugement:

M. Nervander a accompli une des plus fortes tâches qu'un observateur se soit jamais imposée. Un travail de chaque minute, continué jour et nuit, ne peut être fait par un seul homme, et M. Nervander a été obligé de s'adjoindre plusieurs aides: mais M. Nervan-

der n'a pas seulement conçu et dirigé cette difficile entreprise, mais il en a été l'ame et pour ainsi dire l'esprit, car il s'en est réservé à lui seul toute la partie scientifique; ses aides n'ont été pour ainsi dire que les instrumens qu'il a employés. Le travail de M. Nervander remplit donc entièrement les conditions prescrites pour l'admission des ouvrages au concours pour un prix Démidoff. Il est écrit en français, mais il traite d'un sujet qui a rapport à la Russie, puisqu'il contient des données admirablement précises sur les phénomènes météorologiques et magnétiques d'un point de l'Empire; on peut même l'appeler éminemment national, puisque la Russie est un des pays qui ont le plus contribué aux progrès du magnétisme terrestre. D'ailleurs, il ne serait pas difficile de publier l'ouvrage dans les deux langues à la fois, puisqu'il contient beaucoup de chiffres, qui sont les mêmes dans toutes les langues.

Mars 1848.

A. T. Kupffer.

РАЗБОРЪ

сочиненія

ИГНАТІЯ КОСОВИЧА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

ГРЕЧЕСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ;

составленный

АКАДЕМИКОМЪ ГРЕФЕ.

Der Verfasser dieses auf Kosten der Moskow. Universität herausgegebenen Wörterbuchs, schon früher durch eine Schrift: *Греческій Глаголь*, Moskwa 1816. und eine Rede: *о важности Греческаго языка*, ib. 1816. vortheilhaft bekannt, hat ein sehr verdienstliches Werk geliefert und einem lange und schmerzlich gefühlten Bedürfniss für die in Russland studirende Jugend zur Zeit rühmlich abgeholfen. So viel ich weiss, giebt es nur zwey griechisch-russische Wörterbücher, das auf Kosten der Zosima früher begonnene und erst später vollendete, und das etymologische des verdienten Kryloff.

Auf einem Felde, wo noch so wenige Inländer sich versucht haben, kann begreiflicher Weise das Höchste noch nicht erreicht seyn. Denn obgleich die Zahl der in Deutschland seit etwa einem halben Jahrhundert erschienenen griechischen und lateinischen Wörterbücher sehr bedeutend ist, sie sich auch fortschreitend verbessern, muss ich doch gestehen, dass selbst die besten in Deutschland meinen Anforderungen noch nicht genügen. Ich rede

hier nicht von absoluter Vollständigkeit, die immer nur relativ seyn wird, will auch nicht die viel wichtigere Chronologie der einzelnen Wörter und ihrer sich allmählig ausbildenden Bedeutungen besonders streng nehmen; es sind vielmehr andere näher liegende Fehler, über die ich ein paar Worte vorausschicken will.

1) Die meisten Lexicographen gefallen sich in dem Reichthum der Bedeutungen, die sie aufstellen, und mehr oder weniger logisch, unter Nummern und Buchstaben prunkend an einander reihen, und vergessen darüber ganz, dass jedes Wort ursprünglich nur eine einzige Bedeutung hat und haben kann; dass diese zunächst nur eigentlich oder uneigentlich, auf das Aeussere oder das Innere gehend, in einzelnen Fällen auf Verwandtes, von Speciellen auf Allgemeines oder umgekehrt, übertragen und nur seltener in andern Zeiten oder an andere Orten weiter davon abgetrennt werden mochte. Diese einzige Grundbedeutung da, wo die Etymologie klar ist, aus ihr zu entnehmen, ausserdem aus dem Gebrauch der Schriftsteller selbst, und den Erklärungen der Grammatiker, zuletzt aus den verwandten Sprachen, muss, wenn sie richtig ist, überall ausreichen, und mit etwas Nachdenken überall die geeignete Anwendung finden lassen. Wie man das Wort hier und da umschreiben mag, wie man sich da oder dort anders ausdrücken konnte, gehört gar nicht zur Sache. Nehme man als Beysp. die beyden Worte κακός und καλός, und man wird finden, dass *schlecht* und *schön*, äusserlich und innerlich, physisch und moralisch genommen,

überall genügt; was man hinzuthut, sind Folgerungen, Erklärungen, Variationen. Gleich allen andern hat auch unser Vf. unter den beyden Worten sich vergeblich bemüht, mehr zu sagen. Unter τιμή hat auch unser Vf. zuerst ценность, und später als 2te Bed. οὐβυκα, wie andere; es ist aber gerade umgekehrt: es ist der Preis, der jedem geziemt, und darum Ehre dem Ehre gebührt, und Strafe dem diese gebührt. Doch hier ist ein unermesslich Feld wo noch alle zurück sind.

2) So weit die Natur der modernen Sprache, in die des Lexicon übersetzt, es nur irgend erlaubt, muss mit der Grundbedeutung jedes Wortes auch seine Form namentlich, wenn es zusammengesetzt ist, treu wiedergegeben werden, und zwar in denselben Formen überall consequent. Wer z. B. λυσιτελής mit vortheilhaft, πολυτελής mit kostbar, und εὐτελής mit wohlfeil übersetzt, giebt dem Schüler über das τελής in allen 3 Worten ein Räthsel auf, und weder einen klaren Begriff des Sinnes noch ein richtiges Bild der Form. Τέλος ist Deutsch Ziel, höchste Zahl, Zahlung, Zoll; folgt λυσιτελής, was die Bezahlung löst, den Zoll, die Kosten einträgt, also vortheilhaft zu kaufen; πολυτελής, was mit viel zu bezahlen, theuer, εὐτελής was gut, leicht, zu bezahlen. Für die beyde ersten Worte hat sich der Vf. gut mit κερῶκη geholfen, bey dem letzten, kommt er erst am Ende aufs rechte Wort.

In ἀληθής liegt nicht der abstracte Begriff wahr, sondern es heisst: was nicht zu verstecken und zu verhehlen; wie es der Verf. richtig übersetzt. Ebenso hat

er im *λέξις* das *Koinon* richtig vorangestellt. Offenbar ist der Verf. hier auf gutem Wege.

Aus der Vernachlässigung der von uns hier aufgestellten zwey Forderungen, weil die Lexikographen unendliche Bedeutungen häufen, und selten das Rechte hervorheben oder auch nur geben, kommt es, dass die Schüler Alles mit Allem übersetzen zu können glauben, wenn es nur ohngefähr in den Zusammenhang zu passen scheint, und nur nicht gerade etwas Gutes schlecht, etwas Schlechtes gut genannt wird.

3) Ein griechisches Wörterbuch sollte überall das etymologisch entsprechende lateinische Wort hinzufügen, so wie ein lateinisches das griechische, weil ja doch beyde Sprachen vereint gelernt werden müssen, wenn irgend ein Nutzen zu erwarten, und die tiefere Einsicht in die Analogie der einzelnen Sprache stets dabey gewinnt. Der Verf. hat das Lateinische sehr oft verglichen; doch nicht ganz überall, wo ers konnte; weshalb wir ihn tadeln müssen: denn er wusste, dass es gut war.

4) Ohne hier weitergehende linguistische Vergleichen und Ausführungen zu verlangen, die nur verwirren könnten, musste doch in der jedesmal gebrauchten modernen Sprache das etymologisch-grundverwandte Wort vorangestellt und mit besonderer Schrift ausgezeichnet werden. Durch eine solche sichtlich dargestellte Uebereinstimmung der Muttersprache mit dem alten Idiom wird dieses dem Schüler interessanter und lieber erscheinen, zugleich wird er vor der Einbildung bewahrt werden, als sey seine Sprache eine durchaus absonder-

liche, die mit gar keiner andern zu vergleichen. Es ist Schade, dass der gelehrte und der Linguistik nicht fremde Verf. an die Auszeichnung solcher Worte nicht gedacht hat, wenn sie gleich natürlicherweise da stehen und oft gar nicht fehlen konnten, weil sie die einzigen waren, wie z. B. das russische Wort für *καρδια*, wo *cor*, *cordis* fehlt, für *ἀμφο*, für *κλίω*, für *ἔσπερος*, denn *vesper*, könnte auch *vescer* heissen, wodurch das Russische vermittelt wird; und so vieles andere. Ich nenne nur noch einige weniger auffallende und leicht zu übersehende Vergleichungspunkte, wie, *πρέμνον*; *πρεσβύς*, *πρειγύς*, *primus*, mit dem gleichen russischen Ordinale, *ἀθρόω*, *βλέπω*, *λῶον*, und dergl. mehr. Richtig hat er unter *εικῶν*, das kirchliche *ικона* angeführt. Aber bey dem p. 882 erwähnten seltenen Pronomen *ἴ* oder *ἰ* durfte weder das Lateinische *is*, noch das alt-slavische *н*, cf. Dobrowsky Jnst. p. und der mit *ἔο*, *εἶο*. *ejus*, übereinstimmende genit. *ero* fehlen; und zu *ἴν* = *μίν* und *νίν* gehörte das Alt Lat. *im* = *eum*.

5) Nützlich wäre eine Auswahl solcher *Nomina propria*, die für die Sprachbildung Formen ergänzen, die in der Umgangssprache nicht vorkommen; wie z. B. *Ἄτρευσ*, *Ἵτρευσ*, *Τόξευς*, *Ἰοκαστη*, *Λυκουργος*, und viele andere, da ja natürl. jeder wirklich Griechische Name eine Bedeutung haben muss. Der Verf. hat keine Griechische Eigennahmen aufgenommen.

6) Jedem alphabetischen Lexicon der alten Sprachen wünschten wir ein möglichst kurzes Wurzelverzeichniss mit einer compendiösen Zusammenstellung der Ableitun-

gen natürlich ohne Bedeutung beygefügt, was wenig Raum kosten und doch dem Schüler viel nützen würde. Der Verf. giebt meist — nicht überall, — bey Ableitungen und Zusammensetzungen die ganzen Stammformen mit *k.* und *kk.* an. Oft würde dann hier nur die Wurzelsylbe zu geben seyn. Diess sind etwa die Anforderungen, die ich vor Allen an ein Lexicon der classischen Sprachen machen zu müssen glaube. Dass der Verf. Vielem davon genügt, gereicht gewiss ihm zur Ehre und seinem Werke zur gerechten Empfehlung. Wenn No 4. ihm entging; No. 5 und 6. nicht in seinem Plan lagen, so ist ihm deswegen kein Vorwurf zu machen; oder er würde noch viel andere Lexicographen treffen. Es ist augenscheinlich, dass er nach den besten und neuesten deutschen Hilfsmitteln gearbeitet hat; unter *ὄλαξ* citirt er Passow; und das dem Possowischen Lexico fehlende seltene Wort *ἐπιμοσοφάνημι* von dem eine französische Uebersetzung gegeben wird, macht es wahrscheinlich dass er auch ein griechisch-französisches Lexicon vor Augen hatte. Zu bedauern bleibt, dass er selbst seine Quellen mit keinem Worte genannt hat.

Laut der 7 seiligen Vorrede hat des Verf. Bruder den Anfang des Werkes bis *εἰς* gearbeitet: ob hier ein merklicher Unterschied in der Behandlung, lassen wir dahin gestellt. Dass aber die letzten 4 od. 5 Buchstaben des Alphabets offenbar etwas kürzer abgethan worden, namentl. mit wenigern Citaten, ist sichtbar; ergibt sich auch schon daraus, dass der erste Bd. A — K. 1093 SS. der 2te A — Ω nur 904 SS. enthält, während in

andern Wörterbüchern derselben Sprache umgekehrt der 2te Theil um etwa eben so viel Seiten länger als der erste zu seyn pflegt. Wir wissen nicht, ob die Zeit, oder die typographischen Kosten den Verf. zum Schlusse drängten. Nachlässigkeiten haben wir eben nicht bemerkt.

Eine Ungleichheit ist auch, dass im ganzen Werke die Citate bald in den blossen abgekürzten Nahmen der Autoren bestehen; bald die jedesmaligen Stellen genau bezeichnen nach den Abtheilungen der Werke. Man kann in dessen sagen, dass für die Chronologie des Wortes und seiner Bedeutung auch das erste hinreichte.

Schreib- oder Druckfehler sind verhältnissmässig selten genug; dass sie in einem Buche von 2 Bden mit fast vollen 2000 SS. nicht ganz fehlen, ist natürlich, und wäre es überall. Ich führe nur einiges Störende an: Ἀδης, obwohl richtig ist αἰδης zurück geführt, steht doch 3-mal nacheinander ohne j subscriptum; eben so ἄδω, neben ἔσω, wo zugleich αἰδω vergessen ist. Unter αἰ steht mit falschem Accent αἶς, und vorher ἀδωδοπος statt — δαχο;. Unter αἰρω ist αἰρῶ falsch, und αἰλάμη statt αἰσαμή; so wie unter ἀξιτροπος falsch τρώφη, statt τροφή; unter αἴστωρ, ιδέναι statt ειδέναι; unter ἀλόχευτος, — γυγη. statt ευνή. Unter ἄλσος, — das Dor. ἄλτος; fehlt, — wird ἄλλομαι und zu sal-tus, salio angeführt. freilich nach grosser Auctorität; aber gewiss falsch: entweder hängt ἀλθίω, alo, od ἀλή; damit zusammen. Ἄμφ, als Anfang der Worte, ist nicht immer aus ἀνωφ zu erklären, wie gleich in dem folgenden ἀμφιγαπάζω, sondern auch aus ἀμφί. Bey ἀνή-

νοῦθα wird auch ἐπειρηροθε verwiesen und dort auch ἐνθω angegeben, was wegen ἐνθεῖν = ἐλθεῖν verwirren muss, welche letztere Form überdiess fehlt; διφροῦχος ist nicht einsitzig, ομηνοῦστηνῆ, sondern entweder: Wagen oder Sitzhabend. Statt εἰκονολογία steht εἰκονολ. Unter εὐρυχορος steht χῶρος als Wurzel; aber es musste χόρος; und χῶρος erst unter einen Gesichtspunkt gebracht werden. Unter ζυγόν führen freilich Viele die Platonische Erklärung aus δυω und ἀγειν an; aber es bleibt doch nur ein Spas. wie andere Etymologien im Cratylus, seit man das lateinische jugum und die sanskritischen Analogien kennt. S. 884 ist ἰδῆ und daneben ἠδῆ falsch. Zu λαίγξ kenntελαῖς und lapis bemerkt werden; ähnliches zu δαίς. Unter λῶος steht λόας statt λόος; zu πρόφρασσα, war ἀποφρας zu citiren, wiewohl es zu etwas anderem geworden. Zu ὤς, οὔς, οὔας gehörte der gemeine Genit. ὠτός.

Ueber einige wenige Auslassungen hin und wieder, wie ἀδιαβίβαστος, αἶκες, ἀμφωνακτίζω, ἰαστί, ἰάστιος, Formen, wie τιθείασι, ἰασι und dergl. ist nicht zu rechten.

Wir fürchten keinen Widerspruch, wenn wir das fleissige, umfangreiche Werk des Verf. das wirklich ein Bedürfnis ausfüllt, zu einem halben Preis vorstellen.

Fr. Graefe.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-НА С О М О В А,

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

при С Петербургскомъ Университетъ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ

ВОЛНООБРАЗНАГО ДВИЖЕНІЯ ЭФИРА;

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ ОСТРОГРАДСКИМЪ.

M. Somov, professeur à l'université de St.-Petersbourg, envoya au Concours des prix DÉMOV, un mémoire sur les vibrations du fluide éthéré. L'Académie m'a chargé d'en rendre compte.

L'auteur commence par un abrégé historique des travaux des géomètres relatifs au mouvement de l'éther : mais il ne cite ni Laplace, auquel il faudrait remonter toutes les fois qu'il s'agira des actions qui s'éteignent à distances sensibles, ni Poisson pour la remarque capitale, relative à ce que les sommes, que l'on rencontre dans le calcul des forces moléculaires, ne sont pas convertissables en intégrales. Cependant ce n'est que depuis cette remarque, que datent les progrès de la mécanique moléculaire.

Après avoir cité les travaux des géomètres M. Somov parle de ce qu'il croit y avoir ajouté. Laissons le prendre la parole lui-même.

« M. Cauchy admet que les équations relatives aux vibrations d'un seul milieu, appartiennent non seulement à l'éther isolé, mais aussi à ce fluide combiné avec la

« matière pondérable. Ainsi il suppose que les actions
« mutuelles des particules de l'éther s'équilibrent indé-
« pendamment de la matière pondérable, et que l'effet de
« celle-ci sur l'éther se réduit également à zéro et reste
« nulle pendant les vibrations du fluide éthéré. De cette
« manière, l'influence de la matière pondérable ne laisse
« aucune trace dans les équations de l'équilibre ou du
« mouvement de l'éther, et il est impossible de reconnaî-
« tre comment l'élasticité de ce fluide dépend de la fi-
« gure et de la disposition des molécules pondérables. Par
« cette raison, je me suis vu forcé de remplacer les équation-
« s dues à M. Cauchy, par d'autres qui contiennent
« des termes dépendant de la matière pondérable. Les
« intégrales de ces dernières équations et les conséquen-
« ces qui s'en déduisent s'accordent avec les résultats
« obtenus par M. Cauchy et *deviennent entièrement iden-
« tiques avec ces mêmes résultats, quand on néglige les
« termes dépendant de la matière pondérable.* »

M. Somov expose ensuite les hypothèses qui vont servir à l'établissement des équations différentielles relatives au mouvement de l'éther. Parmi ces hypothèses, il y en a qui sont superflues, et d'autres, qui seraient nécessaires, ne s'y trouvent pas. Par exemple : M. Somov néglige les déplacements des molécules pondérables sans en prévenir *), et au contraire, considérant les par-

*) Cependant, pour être plus exact, nous devons ajouter que M. Somov dit bien, « On supposera que ces déplacements (ceux de l'éther) ne produisent que des changements insensibles dans la figure et la disposition des molécules pondérables ; hypothèse très

ticules de l'éther comme des points, il ajoute « qu'on peut considérer l'action d'une molécule pondérable sur celle de l'éther comme une seule force. » Cette hypothèse est superflue, puisqu'on sait que des efforts quelconques appliqués à un point se réduisent toujours à une seule résultante.

Plus loin, M. Somov déduit les équations différentielles du mouvement de l'éther en ayant égard à l'action de la matière pondérable, mais en négligeant les déplacements des molécules de celle-ci. Ce qui revient à considérer la matière pondérable comme étant en équilibre indépendamment de l'éther, et à supposer que le mouvement de ce fluide ne trouble pas l'équilibre dont il s'agit, c'est-à-dire ne se communique pas à la matière pondérable.

La formation des équations relatives au mouvement d'un système de molécules disjointes ne présente aucune difficulté et se trouve très naturellement indiquée

probable parce que les particules de l'éther sont très petites par rapport à celles de la matière pondérable. Mais cette remarque se trouve en dehors du texte, en note au bas de la page 8 de l'introduction; elle devrait, ce nous semble, trouver place parmi les hypothèses qui servent de base aux calculs, et s'y trouver avec tous les développements nécessaires. Nous pensons que l'auteur considère l'éther, mêlé à la matière pondérable, d'abord en équilibre; puis il admet qu'on a excité un mouvement dans une portion de l'éther, sans déranger la matière pondérable. Ce mouvement se propagera dans le fluide éthéré, mais il sera impuissant pour déplacer la matière pondérable; parce que les masses des molécules de celle-ci sont incomparablement plus grandes que les masses de particules de l'éther.

depuis la remarque importante due à Poisson et dont nous avons déjà parlé. Ce qui nous paraît de plus simple pour cet objet se trouve dans un article du Bulletin des sciences mathématiques *) publié jadis par le baron de Férussac. Nous allons reproduire le contenu de cet article.

Désignons par m, m', m'', m''' etc. les masses, ou les éléments des masses des molécules disjointes répandues dans l'espace, et par $x, y, z; x', y', z'; x'', y'', z''$; etc. les coordonnées rectangles qui fixent les positions de ces masses, ou éléments, au bout d'un temps t . La lettre ν et la fonction $f(\nu)$ représentant la distance mm' et la loi de l'attraction à cette distance, l'action de m' sur m sera

$$mm' f(\nu)$$

et elle aura pour composantes, parallèles aux axes,

$$mm' f(\nu) \frac{x'-x}{\nu}, \quad mm' f(\nu) \frac{y'-y}{\nu}, \quad mm' f(\nu) \frac{z'-z}{\nu}$$

ou bien

$$- mm' \frac{dF(\nu)}{dx}, \quad - mm' \frac{dF(\nu)}{dy}, \quad - mm' \frac{dF(\nu)}{dz}.$$

la fonction $F(\nu)$ désignant l'intégrale $\int f(\nu) d\nu$.

L'action sur m des autres molécules ou éléments m'', m''' etc. fournira, dans la direction des axes, des termes semblables aux précédents. Si donc l'on prend le signe Σ pour indiquer la somme des termes relatifs à toutes les actions dont il s'agit, et qu'on fasse pour abréger

$$\Sigma m' F(\nu) = I'$$

*) Tome XII année 1830 pages 249 et suivantes.

la résultante de toutes les actions moléculaires sur m aura pour projections, sur les axes coordonnés

$$- m \frac{dV}{dx}, \quad - m \frac{dV}{dy}, \quad - m \frac{dV}{dz}.$$

Nous venons de dire que la somme Σ , contenue dans V , doit s'étendre à tout ce qui agit sur le point m ; ajoutons que, si parmi les actions sur ce point il s'en trouvent qui suivent des lois différentes, il conviendrait de réserver un Σ à part pour chaque loi, de manière à avoir

$V = \Sigma m' F(\varphi) + \Sigma m'' \Phi(\varphi) + \Sigma m''' \Psi(\varphi) + \dots$
 $\Phi(\varphi), \Psi(\varphi)$ etc., étant pour d'autres lois ce que $F(\varphi)$ est pour la loi représentée par la fonction $f(\varphi)$.

Nous aurons égard à cette remarque plus tard, quand nous aurons donné une forme convenable à la somme $\Sigma m' F(\varphi)$. Car tout ce qu'on aura fait de cette somme conviendra à toutes les autres, et il ne restera qu'à réunir les résultats.

Supposons que les masses m, m', m'', \dots sont en mouvement vibratoire, infiniment petit, autour de leurs positions d'équilibre, et que le mouvement en est dû à ce qu'elles ont été dérangées de cette position.

Désignons par $a, b, c; a', b', c'; a'', b'', c''$, etc. les coordonnées des masses m, m', m'' etc., relatives à la position de l'équilibre, et faisons

$$\begin{aligned} x &= a + \varepsilon\xi, & y &= b + \varepsilon\eta, & z &= c + \varepsilon\zeta \\ x' &= a' + \varepsilon\xi', & y' &= b' + \varepsilon\eta', & z' &= c' + \varepsilon\zeta' \\ x'' &= a'' + \varepsilon\xi'', & y'' &= b'' + \varepsilon\eta'', & z'' &= c'' + \varepsilon\zeta'' \\ && && & \text{etc.} \end{aligned}$$

*

$\xi, \eta, \zeta, \xi', \eta', \zeta', \xi'', \eta'', \zeta'',$ etc. étant des fonctions inconnues de $a, b, c, a', b', c', a'', b'', c''$, etc. et du temps t , et ε une quantité infiniment petite dont nous négligerons le carré et les puissances supérieures. Ce qui fera que les inconnues ξ, η, ζ, ξ' etc. seront données par des équations linéaires.

En négligeant ε^2 , le théorème de Maclaurin fournit d'abord

$$V = V_0 + \varepsilon \left(\frac{dV}{dt} \right)_0$$

V_0 et $\left(\frac{dV}{dt} \right)_0$ sont les valeurs de V et de $\frac{dV}{dt}$ pour $\varepsilon = 0$.

Désignant par l la valeur de la distance v , pour $\varepsilon = 0$, c'est-à-dire faisant

$$l = V \left((a' - a)^2 + (b' - b)^2 + (c' - c)^2 \right),$$

nous aurons

$$V_0 = \sum m' F(l),$$

puis

$$\frac{dV}{dt} = \sum m' F'(v) \frac{dv}{dt};$$

or

$$\frac{dv}{dt} = \frac{(x' - x)(\xi' - \xi) + (y' - y)(\eta' - \eta) + (z' - z)(\zeta' - \zeta)}{v},$$

donc, en substituant et faisant $\varepsilon = 0$, il viendra

$$\left(\frac{dV}{dt} \right)_0 = \sum \frac{m' F'(l)}{l} \left[(a' - a)(\xi' - \xi) + (b' - b)(\eta' - \eta) + (c' - c)(\zeta' - \zeta) \right]$$

ou bien

$$\frac{dV}{dt} = - \sum m' \left[\frac{dF(l)}{da} (\xi' - \xi) + \frac{dF(l)}{db} (\eta' - \eta) + \frac{dF(l)}{dc} (\zeta' - \zeta) \right]$$

il s'en suit que

$$V = \sum m' F(l) - \varepsilon \sum m' \left[\frac{dF(l)}{da} (\xi' - \xi) + \frac{dF(l)}{db} (\eta' - \eta) + \frac{dF(l)}{dc} (\zeta' - \zeta) \right];$$

il faut maintenant différentier la valeur de V pour avoir les dérivées partielles $\frac{dV}{dx}$, $\frac{dV}{dy}$, $\frac{dV}{dz}$. Mais, sous la forme précédente V est fonction de a, b, c , et non de x, y, z . C'est pourquoi nous allons nous servir des formules

$$\begin{aligned} \frac{dV}{da} &= \frac{dV}{dx} \frac{dx}{da} + \frac{dV}{dy} \frac{dy}{da} + \frac{dV}{dz} \frac{dz}{da} \\ \frac{dV}{db} &= \frac{dV}{dx} \frac{dx}{db} + \frac{dV}{dy} \frac{dy}{db} + \frac{dV}{dz} \frac{dz}{db} \\ \frac{dV}{dc} &= \frac{dV}{dx} \frac{dx}{dc} + \frac{dV}{dy} \frac{dy}{dc} + \frac{dV}{dz} \frac{dz}{dc} \end{aligned}$$

relatives à la transformation des variables indépendantes. En y mettant pour x, y, z , leurs valeurs $a + \varepsilon \xi$, $b + \varepsilon \eta$, $c + \varepsilon \zeta$, nous aurons

$$\begin{aligned} \frac{dV}{dx} &= \frac{dV}{da} - \varepsilon \left(\frac{dV}{dx} \frac{d\xi}{da} + \frac{dV}{dy} \frac{d\eta}{da} + \frac{dV}{dz} \frac{d\zeta}{da} \right) \\ \frac{dV}{dy} &= \frac{dV}{db} - \varepsilon \left(\frac{dV}{dx} \frac{d\xi}{db} + \frac{dV}{dy} \frac{d\eta}{db} + \frac{dV}{dz} \frac{d\zeta}{db} \right) \\ \frac{dV}{dz} &= \frac{dV}{dc} - \varepsilon \left(\frac{dV}{dx} \frac{d\xi}{dc} + \frac{dV}{dy} \frac{d\eta}{dc} + \frac{dV}{dz} \frac{d\zeta}{dc} \right) \end{aligned}$$

partant, en négligeant tout-à-fait ε

$$\frac{dV}{dx} = \frac{dV}{da}, \quad \frac{dV}{dy} = \frac{dV}{db}, \quad \frac{dV}{dz} = \frac{dV}{dc}$$

donc, aux quantités de l'ordre ε^2 près

$$\begin{aligned} \frac{dV}{dx} &= \frac{dV}{da} - \varepsilon \left(\frac{dV}{da} \frac{d\xi}{da} + \frac{dV}{db} \frac{d\eta}{da} + \frac{dV}{dc} \frac{d\zeta}{da} \right) \\ \frac{dV}{dy} &= \frac{dV}{db} - \varepsilon \left(\frac{dV}{da} \frac{d\xi}{db} + \frac{dV}{db} \frac{d\eta}{db} + \frac{dV}{dc} \frac{d\zeta}{db} \right) \\ \frac{dV}{dz} &= \frac{dV}{dc} - \varepsilon \left(\frac{dV}{da} \frac{d\xi}{dc} + \frac{dV}{db} \frac{d\eta}{dc} + \frac{dV}{dc} \frac{d\zeta}{dc} \right) \end{aligned}$$

En mettant, dans la seconde partie de ces formules, à la place de V sa valeur

$$\Sigma m' F(l) - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{dF(l)}{da} (\xi' - \xi) + \frac{dF(l)}{db} (\eta' - \eta) + \frac{dF(l)}{dc} (\zeta' - \zeta) \right]$$

et effaçant les termes qui contiennent les dérivées de ξ, η, ζ par rapport à a, b, c , parce qu'ils se détruisent mutuellement, nous trouverons

$$\frac{dV}{dx} = \Sigma m' \frac{dF(l)}{da} - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{da^2} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{da db} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{da dc} (\zeta' - \zeta) \right]$$

$$\frac{dV}{dy} = \Sigma m' \frac{dF(l)}{db} - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{da db} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{db^2} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{db dc} (\zeta' - \zeta) \right]$$

$$\frac{dV}{dz} = \Sigma m' \frac{dF(l)}{dc} - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{da dc} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{db dc} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{dc^2} (\zeta' - \zeta) \right]$$

Le signe Σ s'étend à toutes les masses, ou éléments des masses m' qui agissent sur le point m , quelles que soient d'ailleurs leurs actions; qu'elles suivent une même loi, ou des lois différentes.

Avant d'aller plus loin, il est bon de convenir de ce qu'on voudra entendre par la masse m . Faut-il que m représente la masse d'une molécule considérée comme un point, ou bien que m soit seulement un élément d'une semblable masse dont on ne croit pas pouvoir négliger les dimensions? Dans le dernier cas, on aura pour le mouvement de la molécule, les six équations connues relatives à la translation et à la rotation des corps solides. Mais, si l'on en néglige les dimensions

c'est-à-dire, si on considère la molécule comme un point, il n'y aura que trois équations nécessaires pour déterminer son mouvement, savoir les équations propres au mouvement d'un point matériel. On remarquera d'abord qu'alors les termes

$$\sum m' \frac{dF(t)}{da}, \quad \sum m' \frac{dF(t)}{db}, \quad \sum m' \frac{dF(t)}{dc}$$

se réduiront à zéro, puisqu'ils se rapportent aux actions que le point m supporte dans la position de l'équilibre. Or -

$$0 = \sum m' \frac{dF(t)}{da}, \quad 0 = \sum m' \frac{dF(t)}{db}, \quad 0 = \sum m' \frac{dF(t)}{dc}$$

sont les conditions de cet équilibre. Donc l'accélération relative au point m aura pour projections sur les axes coordonnés

$$- \varepsilon \sum m' \left[\frac{d^2 F(t)}{da^2} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(t)}{dad b} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(t)}{dad c} (\zeta' - \zeta) \right]$$

$$- \varepsilon \sum m' \left[\frac{d^2 F(t)}{dad b} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(t)}{db^2} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(t)}{dbd c} (\zeta' - \zeta) \right]$$

$$- \varepsilon \sum m' \left[\frac{d^2 F(t)}{dad c} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(t)}{dbd c} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(t)}{dc^2} (\zeta' - \zeta) \right]$$

et partant, on aura pour le mouvement de ce point,

$$\frac{d^2 \xi}{dt^2} = - \sum m' \left[\frac{d^2 F(t)}{da^2} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(t)}{dad b} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(t)}{dad c} (\zeta' - \zeta) \right]$$

$$\frac{d^2 \eta}{dt^2} = - \sum m' \left[\frac{d^2 F(t)}{dad b} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(t)}{db^2} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(t)}{dbd c} (\zeta' - \zeta) \right]$$

$$\frac{d^2 \zeta}{dt^2} = - \sum m' \left[\frac{d^2 F(t)}{dad c} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(t)}{dbd c} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(t)}{dc^2} (\zeta' - \zeta) \right]$$

Ces équations comprennent celles de M. Somov comme cas particulier. Pour le faire voir plus explicitement, supposons que le point m représente une molécule de l'éther, soumise tant à l'action des autres mo-

lécules du même fluide qu'à celle de la matière pondérable. Il n'y a qu'à séparer les termes dus à ces deux actions, termes qui sont implicitement compris dans les Σ précédents. Pour cela on écrira

$$\frac{d^2\xi}{dt^2} = \Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{da^2} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{dad b} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{dad c} (\zeta' - \zeta) \right] \\ - \Sigma m'' \left[\frac{d^2 \varphi(h)}{da^2} (\xi'' - \xi) + \frac{d^2 \varphi(h)}{dad b} (\eta'' - \eta) + \frac{d^2 \varphi(h)}{dad c} (\zeta'' - \zeta) \right]$$

$$\frac{d^2\eta}{dt^2} = \Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{dad b} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{db^2} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{dbdc} (\zeta' - \zeta) \right] \\ - \Sigma m'' \left[\frac{d^2 \varphi(h)}{dad b} (\xi'' - \xi) + \frac{d^2 \varphi(h)}{db^2} (\eta'' - \eta) + \frac{d^2 \varphi(h)}{dbdc} (\zeta'' - \zeta) \right]$$

$$\frac{d^2\zeta}{dt^2} = \Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{dad c} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{dbdc} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{dc^2} (\zeta' - \zeta) \right] \\ - \Sigma m'' \left[\frac{d^2 \varphi(h)}{dad c} (\xi'' - \xi) + \frac{d^2 \varphi(h)}{dbdc} (\eta'' - \eta) + \frac{d^2 \varphi(h)}{dc^2} (\zeta'' - \zeta) \right]$$

La fonction φ est pour l'action de la matière pondérable sur l'éther ce que la fonction F est pour l'action de l'éther sur l'éther. m'' désigne un élément de la masse d'une molécule pondérable, h la distance mm'' , et des deux signes Σ , l'un se rapporte à l'éther et l'autre à tous les éléments m'' de la matière pondérable.

M. Somov néglige le déplacement de la matière pondérable, ce qui revient à faire $\xi'' = 0$, $\eta'' = 0$, $\zeta'' = 0$; après quoi, en faisant pour abrégé

$$\Sigma m'' \varphi(h) = U$$

nous aurons les équations

$$\frac{d^2\xi}{dt^2} = \Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{da^2} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{dad b} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{dad c} (\zeta' - \zeta) \right] \\ + \frac{d^2 U}{da^2} \xi + \frac{d^2 U}{dad b} \eta + \frac{d^2 U}{dad c} \zeta$$

$$\frac{d^2 \eta}{dt^2} = -\Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{dad b} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{db^2} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{dbdc} (\zeta' - \zeta) \right] \\ + \frac{d^2 U}{dad b} \xi + \frac{d^2 U}{db^2} \eta + \frac{d^2 U}{dbdc} \zeta$$

$$\frac{d^2 \zeta}{dt^2} = -\Sigma m' \left[\frac{d^2 F(l)}{dad c} (\xi' - \xi) + \frac{d^2 F(l)}{dbdc} (\eta' - \eta) + \frac{d^2 F(l)}{dc^2} (\zeta' - \zeta) \right] \\ + \frac{d^2 U}{dad c} \xi + \frac{d^2 U}{dbdc} \eta + \frac{d^2 U}{dc^2} \zeta$$

qui servent de base aux recherches de M. Somov.

Pour intégrer ces équations et pour en discuter les intégrales, M. Somov suit les méthodes connues, appropriées à la théorie mathématique de la lumière par M. Cauchy, grand géomètre, qui posa la base et recula les limites de cette théorie. Il est, sans contredit, le meilleur guide que M. Somov ait pu suivre.

Cependant, tout en admirant le beau génie de M. Cauchy, notre illustre maître, nous oserons faire la remarque qu'il est un point où M. Somov n'aurait pas dû l'imiter.

M. Cauchy numérote toutes les formules de ses mémoires, et quand il s'agit de rappeler ces formules, il en cite les numéros que le lecteur doit chercher et dépenser, pour cela, un petit travail mécanique. Ce travail est largement récompensé par l'importance et la nouveauté des résultats qu'on apprend. M. Somov numérote aussi ses formules. Il y a environ deux cent numéros dans son mémoire, ce qui oblige le lecteur d'en tourner et retourner les pages, toutes les fois que des formules sont à rappeler, et cela arrive fréquemment. Nous engageons M. Somov d'abandonner désor-

mais ce numérotage embarrassant ; il n'a pas le même droit que le grand géomètre français d'assujétir son lecteur à un travail mécanique.

Nous remarquerons aussi que des inexactitudes sont échappées à M. Somov et, parfois, des manques de clarté et de précision : par exemple, il n'est pas exact quand il dit : « six quantités A, B, C, u, v, w , ne satisfaisant qu'à trois équations (22), quatre d'entre elles restent arbitraires. » Il aurait dû écrire : sept quantités A, B, C, u, v, w, s , satisfaisant aux trois équations (22), quatre d'entre elles, etc. De même, il serait plus précis, si au lieu de : « En considérant les intégrales des équations relatives aux mouvements infiniment petits des fluides élastiques homogènes, Poisson trouva etc. », il eût dit : En considérant le mouvement infiniment petit des fluides élastiques homogènes, Poisson trouva etc. ; car l'objet principal du géomètre français était bien le mouvement des fluides élastiques, et non les intégrales dont parle M. Somov, celles-ci ne sont venues, c'est-à-dire, n'ont été considérées que pour le mouvement dont il s'agit.

Il serait par trop minutieux de citer d'autres inexactitudes, tant de la rédaction que du calcul, échappées à M. Somov ; aussi pressons-nous d'arriver à la conclusion.

M. Somov, par des études assidues, s'est approprié tout ce que les géomètres ont écrit sur les équations à différences partielles linéaires, d'où dépendent la théorie de la lumière et d'autres questions importantes de

la physique mathématique. Sans doute, il a pris pour modèle et pour guide les recherches de M. Cauchy ; cependant les équations qu'il eut à intégrer, différent de celles de l'illustre géomètre français, par les termes dépendants de l'action de la matière pondérable sur l'éther. Ainsi le travail de M. Somov est loin de n'être qu'une copie. Au contraire, ce professeur fait preuve d'un talent incontestable que nous devons apprécier et encourager d'autant plus, que ces études de haute analyse n'ont point d'autres stimulants.

J'ai l'honneur de proposer à l'Académie d'accorder au travail de M. Somov un demi-prix Démidov ; j'ajouterai que nous n'avons pas encore eu à récompenser des ouvrages mathématiques d'un mérite supérieur à celui de ce professeur.

31 mars 1848.

M. Ostrogradsky.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-на ПAVЛА САВЕЛЬЕВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

МУХАММЕДАНСКАЯ НУМИЗМАТИКА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ;

СОСТАВЛЕННЫЙ

Гг. АКАДЕМИКАМИ

УСТРЯЛОВЫМЪ и ДОРНОМЪ.

Die Geschichte Russlands ist seit der Gründung der KAISERLICHEN Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des vorigen Jahrhunderts der Gegenstand ernster Forschungen geworden, und man kann mit Recht sagen, dass geborene Russen sowohl als Gelehrte aus andern Nationen derselben eine Aufmerksamkeit zugewandt haben, welche von den günstigsten Erfolgen für diesen Theil der Weltgeschichte geworden ist. Für die mittlere und neuere Geschichte gab, und giebt es, wie wohl für die meisten Geschichten der Jetztzeit, leicht erklärlicher Weise mehrere und vollständigere Quellen, als für die älteste und alte; aber gerade die letzteren, die sich mit der Entstehung eines Volkes oder Staates beschäftigen, müssen für den gelehrten Forscher sowohl als für das Volk selbst besonders anziehend sein. Und so hat man auch nicht unterlassen über die dunkeln Anfänge der Russischen Geschichte mühsame Untersuchungen anzustellen, und dieselben durch die Fackel geschichtlicher Forschungen zu erleuchten. Es verging indessen

geraume Zeit, ehe man ernstlich daran dachte, und denken konnte, bei diesen Untersuchungen auch morgenländische Geschichtschreiber zu Rathe zu ziehen. Die in dieser Hinsicht wichtigsten waren bis vor gar nicht langer Zeit entweder ungekannt, oder unzugänglich geblieben, und sind es zum Theil auch jetzt noch. Es bedurfte vor Allem eines gelehrten, wissenschaftlichen Kenners der morgenländischen Wissenschaft, um darzutun, dass sehr bedeutende Aufschlüsse über die ältere Russische Geschichte von daher zu gewinnen seien, Aufschlüsse, die wir zum Theil anderwärts vergebens suchen. Das Verdienst, solches dargethan zu haben, kommt unstreitig Fraehn zu, und wenn auch sein Vorgang andere Orientalisten ermuntert hat, auf demselben Felde zu arbeiten, so hat doch wohl er das Wichtigste in dieser Hinsicht zu Tage gefördert, und auch er war es, der in seinen verschiedenen numismatischen und andern Schriften darauf hingewiesen, wie auch andere asiatische Denkmale, und namentlich Münzen zur Erläuterung der älteren und mittleren Geschichte, Ethnographie und Geographie Russlands schätzbare Beiträge liefern können.

Es wurden seit langer Zeit morgenländische und namentlich muhammedanische Münzen in dem Boden des Russischen Staates, so wie in dem der an denselben gränzenden baltischen Länder gefunden. Früher zogen solche Funde hier zu Lande eben keine weitere Aufmerksamkeit auf sich; die gefundenen Münzen wurden meistens ununtersucht dem Schmelztiegel übergeben, oder zu andern Zwecken verwendet; die Fundorte blieben un-

beachtet. Als man aber darauf kam, das Vorkommen dieser Münzen als ein Anzeichen eines ehemaligen zwischen Mittel-Asien und Russland und den angränzenden Ländern bestandenen bedeutenden Handelsverkehrs zu betrachten, und nachzuweisen, wurde auch diesem Umstande grössere Aufmerksamkeit zugewandt, und ein Aufsatz Fraehn's *) lieferte uns eine eben so vollständige als lehrreiche Uebersicht solcher in Russland gethanen Funde, mit deren Hülfe wir die Richtung der ehemals bestandenen angedeuteten Handelswege mit höchst wahrscheinlicher Gewissheit zu verfolgen im Stande sind.

Es blieb nur noch übrig, diese Nachweisungen und Andeutungen für die Russische Geschichte besonders zu bearbeiten, und zwar in Russischer Sprache, denn letzterer Umstand allein konnte einer solchen Bearbeitung den rechten Werth verleihen, ihre Verbreitung über und in ganz Russland bewirken, und sie allgemein-nützig machen. Es war zur vollständigen Auffassung des Gegenstandes ein Kenner nicht nur der muhammedanischen Sprachen und Wissenschaft, und namentlich der muhammedanischen Münzkunde, sondern auch der Russischen Geschichte und Geographie erforderlich.

Herr Saweliev hat es unternommen, diese Aufgabe zu lösen, d. h. die muhammedanische Numismatik in ihrer Beziehung zur Russischen Geschichte darzustellen. Von

*) S. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde; von Ch. M. Fraehn, im Bulletin scientifique T. IX. No. 20. 21.

dieser Arbeit ist das vorliegende Buch der erste Theil; die beiden folgenden Bücher sollen von den Münzen der Wolga-Bulgharen, so wie von den Russisch-Tatarischen Münzen, und dem Ursprung des Russischen Geldes handeln (S. ccxxii). Beide sind höchst interessante Gegenstände, denen wir eine eben so sorgfältige Bearbeitung von Seiten des Verfassers wünschen als dem vorliegenden Theile. Dieser zeugt eben sowohl von grosser und ausgedehnter Belesenheit, als von sorgfältigem Fleisse; er umfasst Alles zum Zweck Dienliche, und da verschiedene aus der älteren Geschichte Russlands hierher gehörige Fragen mit gleicher Sorgfalt aufgefasst und nach allen Seiten behandelt sind, so kann man nicht anders als dem Bearbeiter zur gelungenen Durchführung seiner Aufgabe Glück wünschen. Es ist ein reichhaltiges Buch, abgefasst mit vollständiger Benutzung der betreffenden Hilfsquellen, voll von belehrenden Bemerkungen und Auseinandersetzungen, und sorgsam das schon Gegebene ergänzend rücksichtlich späterer Funde. — Niemand wird es unbefriedigt aus der Hand legen. Als eine schätzenswerthe Zugabe heben wir die erste Beilage über die Pehlëwy-Inschriften auf den Münzen Tabaristan's hervor; und wenn wir gleich in einigen Puncten dieser Abhandlung*) sowohl, als der übrigen Schrift**) von der Meinung

*) Z. B. über die Lesart *чезель* (40) auf den Münzen mit dem Namen Abdallah p. 135 — 6.. wo meiner Meinung nach *чарь* oder *чезарь* (4) steht. D.

**) Z. B. der alznuscharfe Ausspruch über das Minutoli'sche Werk S. ccxxiv.

und den Aussprüchen des Verfassers abweichen, so kann das doch dem Werke im Ganzen keinen Eintrag thun. Wir können uns überdies auf das Urtheil Fraehn's berufen, welches derselbe bei einem andern Anlasse über das Buch abgegeben hat, welches mit dem unsrigen übereinstimmt, und welches um so gewichtiger sein muss, als gerade das Buch zum grossen Theil auf Fraehn's Arbeiten beruht, diesem Akademiker also namentlich was die Münzkunde betrifft, das erste Urtheil zusteht.

In Betracht daher, dass die Schrift des Herrn Saweliev ein mit grossem Fleisse zusammengestelltes, den Gegenstand vollständig umfassendes Werk ist, welches nicht nur die Wichtigkeit der muhammedanischen Münzkunde für die Russische Geschichtschreibung in helles Licht setzt, sondern auch geradezu für dieselbe manchen schätzbaren Beitrag liefern wird, ja als ein werthvoller Beitrag zur Russischen Geschichtschreibung selbst angesehen werden kann, und ohne Zweifel dazu dienen wird, die Aufmerksamkeit aller Freunde der Russischen Geschichte zur sorgsamten Beachtung fernerer Münzfunde hinzulenken — und ferner, dass dieses Buch sowohl im In- als Auslande ein günstiges Zeugnis über die wissenschaftlichen Arbeiten hiesiger Orientalisten ablegt, nehmen wir für dasselbe einen halben Demidov'schen Preis in Anspruch, und ersuchen die Akademie um so mehr einen solchen zu bewilligen, als der Verfasser die gewordene Anerkennung eben auf den Druck der beiden andern Theile des Werkes zu verwenden ge-

•

sonnen ist, also durch die Zuerkennung des Preises nicht nur das wissenschaftliche Verdienst anerkannt, sondern auch — was eine der ersten Aufgaben der Akademie ist — die Wissenschaft weiter befördert wird.

St.-Petersburg, den 29. März
1848.

N. Ustrialov.

B. Dorn.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на **БАЗИНЕРА**,

подъ заглавиемъ:

**Naturwissenschaftliche Reise
durch die Kirgisensteppe im Jahre 1843;**

составленный

Гг. **АКАДЕМИКАМИ**

МЕЙЕРОМЪ и ГЕЛЬМЕРСЕНОМЪ

Die Unterzeichneten waren von der Classe beauftragt ein von Herrn Theodor Basiner verfasstes, handschriftliches Werk zu beurtheilen, das den Titel führt: *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa, im Jahre 1842.*

Indem sie die Ehre haben zwei separate Beurtheilungen dieses Werkes vorzulegen, erlauben sie sich mit Bezugnahme auf dieselben, folgende Bemerkungen hinzuzufügen :

- 1) Obgleich die Mittheilungen des Verfassers aus mancherlei Gründen, besonders aber durch die Schnelligkeit der Reise und durch die Kürze des Aufenthaltes in Chiwa, im Ganzen nur fragmentarisch ausfallen konnten, so enthalten sie doch viel Neues und Belehrendes über einen unserer asiatischen Nachbarstaaten, der bisher wenig erforscht war und dessen Kenntniss für Russland doch nothwendig ist.
- 2) Die vollständigeren Beobachtungen betreffen die Pflanzenkunde, Geognosie und Geographie. Durch die Bemühungen des Herrn Basiner ist die pflanzenge-

ographische Kunde Mittelasiens wesentlich vervollständigt, die geognostische Kenntniss des Kaspischen Beckens mit neuen und wir können sagen wichtigen Thatsachen bereichert und die Kenntniss der geographisch-statistischen Verhältnisse Chiwa's berichtigt und erweitert worden.

- 3) Die Akademie hat Leistungen dieser Art nicht nur stets zu würdigen gewusst, sondern ähnliche Forschungen oft unterstützt und wir dürfen daher auf ihre geneigte Einwilligung hoffen wenn wir hiemit das Reisewerk des Herrn Basiner zur Krönung mit einem halben Demidowschen Preise ergebenst vorschlagen.

C. A. Meyer.

Helmersen.

29. März

1848.

Wenn es nicht bezweifelt werden kann, dass der Reisende und der Botaniker auch auf eine andere Weise, als blos durch die Entdeckung einiger neuer Pflanzenarten für die Erweiterung der Pflanzenkunde thätig seyn kann; — wenn gewiss ein jeder Sachkundige es zugeben wird, dass die Schilderung der Vegetation eines Landes zu einem richtigen und vollständigen Bilde desselben wesentlich beitragen muss, — so kann man Herrn Basiner das Verdienst nicht absprechen, uns durch seinen Reisebericht, auch in Hinsicht der Vegetation, ein Land geschildert und gleichsam näher gerückt zu haben, welches überhaupt nur wenig und hinsichtlich der Flora fast gar nicht bekannt war. Zu bedauern ist es allerdings, dass H. Basiner die Hinreise erst im Spätsommer und im Herbst, zu einer Zeit, wo die meisten und schönsten Pflanzen der durchreisten Länder bereits verblüht und viele völlig verschwunden seyn mussten, — die Rückreise aber im Winter zu unternehmen genöthigt war. Wenn nun auch unter solchen Verhältnissen

eine reiche Pflanzenerndte nicht zu erwarten war, überhaupt in Gegenden, die durchaus nicht zu den pflanzenreichen gehören, — so hat H. Basiner doch während seiner ganzen Reise der Vegetation immer eine grosse Aufmerksamkeit gewidmet. Er hat uns die Herbstflora der verschiedenen, von ihm besuchten Landstrecken mit wenigen, aber sehr genügenden Worten geschildert — und es ist daher, auch von dem pflanzengeographischen Standpunkte betrachtet, der Reisebericht des H. Basiner ein sehr interessanter und sehr willkommener zu nennen. Die Flora der östlich am Caspischen Meere angränzenden Länder ist uns durch Eichwald, Karelin, Lessing und Claus, — die des Altai und der Songarei durch die Expeditionen Ledebour's, Karelin's und Schrenk's bekannt geworden, — und Bunge hat angefangen die, von Lehmann vom Ural bis jenseits Samarkand gesammelten Pflanzen zu publiciren. Durch den vorliegenden Reisebericht wird eine Lücke ausgefüllt, indem wir durch denselben auch die Vegetation der nordwestlich, westlich und südlich vom Aral gelegenen Länder kennen lernen, wodurch unsere pflanzengeographische Kunde Mittelasten's nicht unwesentlich vervollständigt und die, allerdings schon vermuthete, Analogie der Aralflora mit der Flora des Caspischen Meeres einerseits, so wie mit jener der niedriger gelegenen Regionen der Songarei bis zum Fusse des Altai anderseits, nachgewiesen wird. Einige Pflanzengruppen sind es vorzüglich, welche die Aralflora characterisiren. So unter andern die zahlreichen Chenopodiaceen, mit

dem merkwürdigen, blattlosen Saxaul, der einzigen baumartigen Species dieser Pflanzengruppe, so viel ich weiss, deren eigentliches Vaterland die Umgebungen des Aral seyn mögten; denn unser Reisende hat westlich von diesem Binnenmeere eben so Wälder des Saxaul angetroffen, wie sie Eversmann östlich von demselben gefunden hat, wo sich zwischen dem Kuwandarja und Jandarja Saxaulwälder ausdehnen, die ganze Tagereisen anhalten.

Ich enthalte mich hier aller weitern Details, die sich aus dem vorliegenden Reiserwerke für die Pflanzengeographie ziehen lassen, um noch zu erwähnen, das H. Basiner auch über die Kulturpflanzen Chiwa's recht brauchbare Nachrichten eingezogen hat. Wir erfahren aus seinem Reiseberichte welche Getraidearten und andere Nahrungspflanzen, welche Küchengewächse, Obstarten u. s. w. von den Chiwinen angebaut werden, so wie ihre Benennungen und ihre Benutzung. Solche Mittheilungen sind immer willkommen und erhöhen den Werth jeder Länderbeschreibung.

C. A. Meyer.

Es wird niemand leugnen dass die Kenntniss der an Russland grenzenden Staaten Asiens von Jahr zu Jahre dringender wird; nicht nur die Wissbegierde der Gelehrten fordert diese Kenntniss, sondern auch der Handel und die Politik. Die asiatische Türkei und Persien sind uns nach allen Beziehungen hin fast eben so gut bekannt, wie etwa die europäische Türkei, die Moldau und Wallachei.

China, obgleich nur in einzelnen Theilen von Europäern erforscht, ist in der neuern Zeit durch die sorgfältige Benutzung der grossen chinesischen Werke über Geographie und Statistik des Landes, besser bekannt geworden als man vor wenigen Decennien noch erwarten durfte. Chokand, Buchara und Chiwa aber gehören zu denjenigen unserer asiatischen Nachbarstaaten, über die wir noch immer wenig unterrichtet waren und jede Bemühung uns dieselben näherzubringen, ist daher verdienstlich und darf auf Anerkennung Ansprüche machen. So wird jeder Freund der Erdkunde Asiens die Namen der Russen und Briten dankbar zu nennen haben, welche sich auf dem Gebiete Buchara's begegnen, wie Elphinstone, Meyendorff, Burnes, Gens, Chanykow. Die Nach-

richten über Buchara werden aber noch im Laufe dieses Jahres aus dem Nachlasse des frühverstorbenen Dr. Lehmann auf eine so umfassende Weise vervollständigt werden können, dass wir über die physikalische Beschaffenheit, die Einwohner, den Handel und sonstige Zustände des Landes eine ziemlich zusammenhängende und klare Vorstellung erhalten werden. Weit dürftiger sind die Nachrichten, die wir bisher über Chokand und Chiwa besaßen; die ausführlichsten derselben rührten von russischen und asiatischen Handelsleuten oder von wiederkehrten russischen Gefangenen niedern Standes und daher beschränkter Bildung her.

Sie waren unvollständig und ungenau und erregten dennoch grosses Interesse durch ihre Neuheit und durch das Bedürfniss nach ihnen. Diess gilt insbesondere für Chiwa, jenen kleinen Raubstaat, der den russisch-bucharischen Handel durch fortwährende Feindseligkeiten beeinträchtigte und erst in den letzten Jahren nach einer energischen Demonstration von Seiten Russlands, sein altes, verrufenes Handwerk aufgeben zu haben scheint. Die ersten zuverlässigern Nachrichten über Chiwa erlangte man durch den Engländer Jenkinson, der im Jahre 1558 von Mangyschlak über den nördlichen Theil des Chanats nach Buchara reiste.

Thompson, Murawin und Blankennagel besuchten Chiwa im 18ten Jahrhundert; Murawjew, Aitow, Abbot und Shakespeare im gegenwärtigen. Die Mittheilungen dieser Reisenden sind von sehr ungleichem Werthe; als die genügendsten dürfen wir die von Jenkinson, Mu-

rawjew, Abbot und Shakespeare bezeichnen. Ausführlicher als die genannten Berichte waren die Nachrichten, welche der verstorbene General Gens während seines langen Aufenthaltes in Orenburg über Chiwa gesammelt hatte und die in den von der Akademie veröffentlichten Beiträgen zur Kenntniss des Russischen Reiches bekannt gemacht worden sind. Aber auch sie, wie die durch Chanykow aus derselben Quelle entnommenen, in russischer Sprache publicirten und zum Theil erweiterten Nachrichten, geben uns über die Bevölkerung, den Handel, die staatliche Einrichtung des Chanates manchen brauchbaren Nachweis, erläutern aber die Naturverhältnisse desselben doch nur sehr dürftig. Wenn es aber Herrn Basiner, über dessen Leistungen wir zu berichten haben, gelang, die physikalische Beschaffenheit und die sonstigen Zustände Chiwas aus eigener Anschauung vollständiger und zuverlässiger zu schildern, als dieses bisher der Fall war, so dürfen wir seinen Reisebericht als einen solchen bezeichnen, der die Erdkunde Asiens bereichert.

Das vorliegende Werk, 311 enggeschriebene Seiten stark und mit mehreren Beilagen an Karten, Plänen, Zeichnungen und Tabellen versehen, zerfällt in zwei Theile und jeder derselben in mehrere Abschnitte.

In einem Vorworte giebt der Verfasser eine vollständige, chronologisch geordnete Uebersicht aller Nachrichten über Chiwa, die von der zweiten Hälfte des 16ten Jahrhunderts, das heisst von Jenkinsons Reise bis zum Jahre 1842 durch europäische Reisende sind mitgetheilt

worden. Wir erfahren darin ferner dass derselbe seine Reise in dem Gefolge des Obrist Danilewsky machte, welcher 1842 als politischer Emissair nach Chiwa gesandt wurde, um die seit dem Jahre 1840 begonnenen Unterhandlungen zwischen Russland und Chiwa zu beendigen. Die Sendung des Herrn Basiner ward von Herrn Fischer, dem Direktor des Kaiserlichen botanischen Gartens sowohl veranlasst — als unterstützt und die Akademie versah den Reisenden mit meteorologischen Instrumenten. Am Schlusse des Vorwortes werden mehrerer Umstände erwähnt, die hindernd und hemmend auf seine Bemühungen einwirkten, daher er den Leser um Nachsicht bittet wegen etwaniger Lücken, die er im Berichte bemerken sollte.

Im ersten Abschnitte des ersten Theils wird die Stadt Orenburg lebendig und ziemlich ausführlich und mit einiger Vorliebe für den Ort geschildert, die durch seine Eigenthümlichkeit und die Gastfreundlichkeit der Bewohner hervorgerufen worden. Von besonderem Interesse sind in diesem Abschnitte der geologische Durchschnitt des Bohrloches, das schon vor mehreren Jahren mitten in der Stadt angelegt wurde, aber bei einer Tiefe von 745 Fuss englisch bis jetzt kein Springwasser gegeben hat, und einige meteorologische Beobachtungen, welche dem Verfasser vom Dr. Rosenberger mitgetheilt wurden.

Der zweite Abschnitt führt uns durch die Steppe, nachdem im Anfange desselben die Organisation der ganzen Reisekaravane und die bekannte Art in diesen Ge-

genden zu reisen, geschildert worden. Es wird sodann die Oberflächengestalt und die geognostische Beschaffenheit beschrieben; auch werden die wenigen Thiere genannt, die der Zug aufscheuchte. Am ausführlichsten aber ist die Vegetation dieser einförmigen Einöde behandelt und manches Belehrende über die Vertheilung der Pflanzen gesagt. Nach einer Wanderung von mehr als 600 Werst gelangte man endlich auf die Hochebene Ustürt, deren Beschaffenheit hier zum ersten Male in einem klaren, anschaulichen Bilde geschildert wird. Wir haben diese Schilderung mit besonderem Interesse gelesen, da der Ustürt in den Geologicis des Aralocaspischen Beckens eine Hauptrolle spielt und seine genauere Kenntniss daher sehr erwünscht seyn musste. Da die Reisenden den hohen, felsigen Ostrand des Ustürt an mehreren Stellen berührten, so konnte die Lagerungsfolge und die Beschaffenheit der einzelnen Schichten gut beobachtet werden.

Am 14ten Sept. gelangten die Reisenden nach Könä Urgendsch, über welches der Verfasser geschichtliche Notizen mittheilt, und am 17ten nach Taschhaus, wo sie einen ganzen Monat verweilen mussten ehe sie die Erlaubniss erhielten nach Chiwa zu gehn.

Im vierten Abschnitte des ersten Theils folgt nun die Beschreibung der kurzen Reise von Taschhaus nach Chiwa und eine Beschreibung dieses letztern, die uns mit der Stadt, ihren Umgebungen, Bewohnern, deren Sitten und Unsitten umständlich bekannt macht; ein

Plan der Stadt ist zur bessern Erläuterung beigegeben. Nachdem die Reisenden beim Chan Audienz gehabt hatten, reiste Herr Basiner am 14ten Nov. nach Chasarsp, um im Auftrage des Obrist Danilewsky ein Geschäft mit dem Gouverneur dieser Stadt abzumachen, und kehrte nach einigen Tagen nach Chiwa zurück, wo bald darauf der Chan Allah - Kul starb und sein Nachfolger Rachim-Kul den Thron bestieg.

Der fünfte Abschnitt beschreibt die Rückreise von Chiwa nach Orenburg, die in den letzten Tagen des Januars angetreten wurde, und welche Herrn Basiner mit einigen neuen Lokalitäten des Chanats bekannt machte. So lernte er den kleinen Gebirgszug Schichodscheili am rechten Ufer des Amu Darja und das Delta dieses Flusses kennen, wodurch die geologischen Beobachtungen auf eine erfreuliche Weise erweitert werden konnten. Die verschiedenen Arme der Amumündung wurden auf dem Eise überschritten und man schlug anfangs ungefähr denselben Weg ein, den man gekommen war, nämlich am Westufer des Aralsees, der, so weit das Auge reichte, ebenfalls gefroren war, eine merkwürdige Erscheinung, wenn man bedenkt, dass er in derselben geographischen Breite liegt, wie Genua und Marseille. Die Rückreise nach Orenburg dauerte 44 Tage. Mit Ausnahme des 4ten Januars, wo das Thermometer auf -17° R. sank, hatte man während der Reise bis zur Emba in der Regel nur 2 bis 3 Grad Kälte, und der Schnee lag nur wenige Zoll hoch; er fehlte sogar ganz zwischen dem Nordrande des Ustürt und dem Fort Akbulak; erst

nördlich von der Emba war tieferer Schnee, so dass man ihn bisweilen wegschaufeln musste um die Kameele vorwärts zu bringen. Der Verfasser erinnert hier sehr richtig daran, dass der durch den General Perowsky im Winter von 1839 auf 1840 unternommene Feldzug nach Chiwa wahrscheinlich geglückt wäre, wenn die meteorologischen Verhältnisse jenes Winters ebenso günstig gewesen wären wie während der Reise des Obrist Danilewsky. In derselben Gegend und in derselben Jahreszeit fand letzterer eine verhältnissmässig sehr milde Temperatur und wenig Schnee, während Perowsky's Mannschaften bei 30 und mehr Grad! Kälte in undurchdringlichen, durch furchtbare Stürme aufgethürmten Schneemassen versanken, die gebieterisch zum Rückzuge mahnten.

Der zweite Theil des Werkes enthält die Beschreibung des Chanats Chiwa. Zuerst werden die Grenzen und der Flächeninhalt angegeben, der ungefähr 671 Quadratmeilen betragen mag; dann folgt eine Aufzählung der Höhenzüge und Flüsse, wo über den Amu-Darja mehrere interessante Notizen mitgetheilt werden, dann die der Kanäle und Seen. Wir erhalten zum ersten Male eine genügende Vorstellung von den grossen Bewässerungsanstalten, die in Chiwa eine so wichtige Rolle spielen. Wir machen hier auch auf alle Nachrichten aufmerksam, welche der Verfasser über das Klima sammelte und auf die meteorologischen Beobachtungen, welche er während seines Aufenthaltes im Chanat mit vieler Sorgfalt anstellte. Es folgt dann eine Schilderung der Vegetation, der Bevölkerung, eine Aufzählung und

kurze Beschreibung der Städte, dann ein Kapitel über Garten und Feldbau, Gewerbe, Handel, Verfassung und Kriegswesen. Ein besonderer Abschnitt, der viel Neues und Belehrendes bringt, handelt von der Hochebene Ustürt, deren physikalische Beschaffenheit darin geschildert wird; zuerst das Geographische, dann die Vegetation und endlich die geognostische Beschaffenheit. Die letztere beschreibt der Verfasser nicht selbst, sondern hat seinem Werke einen Abdruck des Aufsatzes beigelegt, den ich der Akademie im Jahre 1844 über diesen Gegenstand vorzulegen die Ehre hatte, und in welchem ich zeigte dass die Beobachtungen des Herrn Basiner ganz neue und zum Theil sehr unerwartete Aufschlüsse über den geognostischen Bau der Hochebene geben. Sie beweisen nämlich dass letztere nicht durchweg aus den jüngsten Tertiärschichten bestehe, wie man früher angenommen hatte, sondern dass daselbst auch Schichten vorkommen, die wahrscheinlich einer ältern Tertiärzeit angehören. Mit völliger Gewissheit aber konnte gefolgert werden dass Schichten der Kreideperiode am Nordfusse des Ustürt auftreten.

Den Schluss des vorliegenden Werkes machen ein Verzeichniss der auf der Reise gesammelten Pflanzen, eine Marschroute mit Angabe der Entfernungen von einem Nachlager zum andern und die im Detail mitgetheilten meteorologischen Beobachtungen und Bemerkungen zu denselben vom Professor Kämtz in Dorpat. Einen besondern Werth dürfen wir auf die beigelegte Karte des Chanats Chiwa legen, da dieselbe von einigen, bei der Mission befind-

*

lichen Topographen angefertigt ist, die das Land mit Herrn Basiner bis Chasarasp, also fast bis an das Süden-
ende des Staates durchzogen. Wenn diese Karte auch
nicht auf genauen Messungen beruht, so ist sie wenig-
stens mit dem Kompass in der Hand und von Augen-
zeugen gemacht und verdient den Vorzug vor den frü-
hern Karten, von denen sie sich wesentlich unter-
scheidet.

Obrist G. v. Helmersen.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-НА П. БИЛЯРСКАГО,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

СУДЬБЫ ЦЕРКОВНАГО ЯЗЫКА,

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ:

- I. О СРЕДНЕБОЛГАРСКОМЪ ВОКАЛИЗМѢ, ПО ПАТРИАРШЕМУ
СВЯСКУ ЛѢТОПИСИ МАНАССІИ;**
- II. О КИРИЛОВСКОЙ ЧАСТИ РЕЙМСКАГО ЕВАНГЕЛІЯ;**

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ А. ВОСТОКОВЫМЪ.

Первая часть сихъ изслѣдованій, о средне-Болгарскомъ вокализмѣ, напечатана въ 1847 году, вторая, о Реймскомъ Евангелии, представлена въ рукописи.

Займемся прежде первою.

Во введеніи излагается древность, мѣсто и значеніе перевода Манассіи въ Исторіи Болгарскаго языка. Метода филологическихъ наблюденій.

Авторъ справедливо относитъ время перевода Манассіиной Лѣтописи къ XIV вѣку, а не къ XII-му, какъ полагалъ Г. Чертковъ; ибо изъ надписи на заставкѣ 1-го листа видно, что переводъ сдѣланъ для Царя Болгарскаго Іоанна Александра, который жилъ еще въ 1348 году, и умеръ около 1350-го г.

О методѣ своихъ наблюденій надъ правописаніемъ разсматриваемаго памятника, говоритъ Авторъ стран. 9. «Древніе церковные памятники представляютъ въ своемъ языкѣ такую полноту звуковъ и полноту формъ, въ какой ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ, усвоившихъ себѣ церковную письменность, не могъ поддержать ихъ правильнымъ употребленіемъ. Тоже представляетъ и нашъ памятникъ. Переводчикъ держался дошедшаго до

«него правописанія вмѣстѣ съ грамматическими формами письменнаго языка. Но изъ его правописанія видно, что древняя система буквъ уже до него потеряла нѣкоторыя измѣненія; но и въ этомъ измѣненномъ видѣ она не совсѣмъ точно соответствовала состоянью звуковъ въ современномъ выговорѣ. Въ какой мѣрѣ удалась это состояніе отъ книжнаго употребленія буквъ, основаннаго древними ихъ выговоромъ? Какой опредѣленности достигъ современный выговоръ въ своихъ особенностяхъ? Какowymi явленіями выразилось состояніе «выговора въ правописаніи? Для рѣшенія этихъ вопросовъ, въ наблюденіяхъ надъ правописаніемъ, очевидно, нельзя ограничиваться внѣшнею стороною правописанія — случаями употребленія одного начертанія вмѣсто другаго. Цѣль наблюдателя — отыскать, какъ писецъ выговаривалъ тотъ или другой звукъ? Какъ читалъ онъ свой оригиналъ по своему привычному выговору? Черезъ это само собою объяснится, какъ и для какихъ звуковъ пользовался онъ дошедшими до него средствами правописанія. Средство для открытія этого выговора — сравненіе случаевъ употребленія одной и той же буквы, между собою и съ древнимъ, правильнымъ употребленіемъ.» Слѣдуя сей методъ, онъ разсматриваетъ, въ отдѣльныхъ параграфахъ, сперва полугласныя *z* и *l*, потомъ гласныя носовыя *ж*, *л*, далѣе гласныя *ѣ*, *ѣ*, *о*, гласныя *з*, *и*, *ї*, *у*, и наконецъ умягченныя (*praejotatae*) *ш*, *к*, и твердыя гласныя.

Г. Билярскій превосходно изучилъ предметъ свой, доселѣ мало къмъ изслѣдованный. Замѣчанія его вѣрны

и выводы основательны. Всякій любитель Славянской филологіи прочтетъ статью его съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Второе сочиненіе Г. Билярскаго раздѣляется на двѣ части. 1) Критическая исторія изслѣдованій о Рейскомъ Евангеліи. 2) Опытъ изслѣдованія о Рейскомъ спискѣ и его древнѣйшемъ оригиналѣ.

Въ первой части Г. Билярскій подробно и отчетливо описалъ весь ходъ изслѣдованій о памятникѣ, столь много занимавшемъ Славянскихъ филологовъ, строго оцѣнилъ заслуги участвовавшихъ въ сихъ изслѣдованіяхъ и выставилъ ихъ ошибки.

Во второй части разсматриваетъ правописаніе Рейскаго Евангелія, находятъ въ ономъ смѣсь Болгарскаго, Сербскаго, Рускаго и Валашскаго правописанія, и выводитъ заключеніе, что эта рукопись, которая была приписываема Св. Прокопію Чепскому, и отнесена къ первой половинѣ XI вѣка, не только не можетъ имѣть такой древности, но писана не ранѣе XIV вѣка, гдѣ нибудь въ Валахіи.

Признаки на которыхъ Г. Билярскій основываетъ заключеніе свое, не подвержены никакому сомнѣнію. Хотя почеркъ рукописи и кажется древнѣе XIV вѣка, и можно бы по почерку отнести ее къ XII вѣку, но взглянувъ на правописаніе, должно отказаться отъ такого мнѣнія. Кромѣ новости правописанія, рукопись представляетъ множество описокъ, обнаруживающихъ безграмотность писца, которому даже незнакомъ былъ языкъ списываемаго имъ памятника,

Впрочемъ и некоторые изъ сихъ описокъ должны быть отнесены на счетъ Французскаго каллиграфа (Г. Сильвестра), дѣлавшаго снимокъ. По незнанію Славянскаго языка, онъ дѣйствительно ошибался иногда въ начертаніи буквъ своего снимка, чему доказательства можно найти, сличивъ рукописное его facsimile, которое хранится въ Имп. Публичной Библіотекѣ, съ печатнымъ его же изданіемъ. Въ томъ и другомъ встрѣчаются несходства. Напр гдѣ въ печатномъ ж, тамъ въ рукописномъ ж, въ печатн. сж, въ рукоп. са, въ печатн. нщадма, въ рукоп. нщадма', въ печатн. жзакк, въ рукописн. азакк, въ печатн. нѣркма, въ рукоп. пѣркма. Къ такимъ же опискамъ принадлежитъ замѣченное Г. Билярскимъ, стр. 182, ошибочное употребленіе буквы ж, вмѣсто ж. Въ печатномъ у Г. Сильвестра роѣдд, въ рукописномъ, правильно роѣдд. Который снимокъ у него вѣрнѣе?

Труды Г. Билярскаго по предмету Славянской филологіи, показываютъ въ немъ знающаго и добросовѣстнаго дѣлателя на этомъ полѣ, у насъ еще мало обработанномъ. Труды его заслуживаютъ поощренія, и такое можетъ ему быть оказано, присужденіемъ цѣловинной Демидовской преміи.

А. Востоковъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-НА ДАВИДОВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ТЕОРІЯ РАВНОВѢСІЯ ТѢЛЪ,

ПОГРУЖЕННЫХЪ ВЪ ЖИДКОСТЬ;

составленный

Гг. Академиками:

ОСТРОГРАДСКИМЪ и БУНЯКОВСКИМЪ.

L'Académie nous a chargé d'examiner un mémoire sur l'équilibre des corps flottants. et de lui en rendre compte. L'auteur de ce mémoire portant pour titre: *Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость*, M. Davidov, Maître-ès-arts, de l'Université de Moscou, l'avait envoyé au concours des prix Démidov, d'abord en manuscrit; puis, il fit parvenir à vos commissaires, il y a quelques jours, à peu près le même travail imprimé. Nous disons à peu-près le même, car l'Auteur en a supprimé, pendant l'impression, quelques considérations sur la stabilité de l'équilibre en général, ne les trouvant pas sans doute suffisamment approfondies. Nous ne nous occuperons en conséquence que du travail imprimé

Le mémoire de M. Davidov est partagé en trois chapitres, précédés d'une Introduction. Le premier chapitre traite des conditions de l'équilibre des corps plongés dans un fluide; le second, de la détermination des positions d'équilibre des corps flottants, et enfin, le troisième, de la stabilité de leur équilibre.

L'Auteur débute dans l'Introduction par quelques aperçus historiques sur l'équilibre des fluides et sur la théorie des corps flottants. Mais, il faut le dire, ces

aperçus sont trop incomplets, et, d'un autre côté, leur rédaction relativement au style, laisse souvent à désirer. On peut observer qu'en général, sous ce dernier rapport, le commencement de l'ouvrage de M. Davidov présente des incorrections assez fréquentes; mais, à mesure qu'on avance, son style s'améliore sensiblement et finit par devenir plus correct.

Après les résumés historiques, l'Auteur, dans le premier chapitre, cite une équation de l'équilibre des fluides, parle du calcul des pressions supportées par une surface plane, plongée dans un fluide pesant, et établit les conditions de l'équilibre d'un solide soumis à la pesanteur et à la pression de deux liquides différents. Dans cette exposition, il lui échappe quelques inexactitudes qui, du reste, sont sans influence sur les recherches ultérieures; c'est pourquoi nous les passons sous silence en nous bornant de n'en citer qu'une seule, prise au hasard :

« Quand deux fluides pesants, dit M. Davidov, sont « en équilibre, dans un même vase, le fluide le plus léger en occupe la partie supérieure *) » Si l'auteur parle de l'équilibre physique ou *stable*, il a raison, mais il a tort de n'en avoir pas averti. Il ne peut pas ignorer que, *in abstracto*, le fluide le plus dense peut se trouver en haut.

*) «Когда двѣ жидкости, не смѣшивающіяся между собою, находятся «въ одномъ вмѣстѣнщѣ, то легчайшая занимаетъ мѣсто надъ болѣе «тяжелюю» (стр. 3).

C'est dans le second chapitre que l'Auteur, à proprement parler, entre en matière. Il y expose les méthodes qui conduisent à la détermination des positions de l'équilibre d'un solide flottant. Des formules propres à cet objet ont été données pour la première fois par *Prony* dans sa *Mécanique philosophique*. Mais *M. Davidov* considère la question sous un autre point de vue, il entre dans plus de détails, et propose une solution plus explicite que celle de *Prony*.

Pour plus de simplicité, *M. Davidov* considère d'abord les corps prismatiques ou cylindriques, ayant leurs arêtes, ou la génératrice, parallèles au plan de flottaison. La question se réduit alors à séparer, par une ligne droite, une portion connue d'une surface plane, donnée de manière à ce que la ligne qui réunit les centres de gravité de la surface entière et de sa partie retranchée, soit perpendiculaire à la droite de séparation. La solution de ce problème dépend de deux courbes que *M. Davidov* forme habilement; une de ces courbes est produite par les intersections successives des droites qui retranchent une partie donnée de la surface plane, et l'autre, est le lieu géométrique des centres de gravité de toutes les parties retranchées. Connaissant ces deux courbes, la question ne présente plus aucune difficulté, car elle consiste à mener, par le centre de gravité, toutes les normales à la seconde ligne, et toutes les tangentes à la première, perpendiculairement aux normales dont il s'agit.

La question relative à l'équilibre des cylindres et des

prismes résolue, M. Davidov en donne plusieurs applications propres à montrer l'avantage de ses procédés. Puis, il aborde le cas général où le solide flottant est de forme quelconque. Les deux courbes dont on vient de parler sont alors remplacées par deux surfaces dont l'une est formée par les intersections successives des plans qui retranchent chacun une même partie du volume flottant, et l'autre contient les centres de gravité de toutes ces parties retranchées. M. Davidov l'appelle *surface des centres*. Une fois que ces deux surfaces sont formées, la question de l'équilibre des corps flottants se réduit à un problème relatif aux normales et aux plans tangents. Or, M. Davidov donne les équations, tant finies que différentielles, des surfaces dont il s'agit, et par là il réduit la question à un procédé ou opération connue de calcul.

La théorie générale est éclaircie par des exemples simples et susceptibles d'applications pratiques.

Le troisième et dernier chapitre du mémoire traite, comme nous l'avons dit plus haut, de la stabilité de l'équilibre des corps flottants. M. Davidov attaque cette question par un principe aussi simple qu'élegant, et qui résout le problème de stabilité par les seules considérations statiques, sans rien emprunter à la Dynamique. Ce principe est celui du moment possible, en y retenant les infiniments petits du second ordre, c'est-à-dire les secondes puissances des déplacements infiniments petits que peuvent recevoir les points qui composent le système. Comme il y a équilibre, les termes infiniment petits du

premier ordre, dans l'expression du moment possible, seront zéro ou négatifs; pour tous les déplacements où ces termes sont négatifs, la stabilité de l'équilibre est assurée; mais quand ces termes sont zéro, le moment se réduit aux quantités du second ordre, et la stabilité dépend du signe de ces quantités. L'équilibre est stable quand les quantités dont il s'agit sont négatives, instable, si elles sont positives.

Ce principe général est connu depuis longtemps; mais, si nous ne nous trompons, *M. Braschmann* est le premier qui en ait fait usage dans la question de la stabilité des corps flottants; cependant, cet habile Professeur n'a traité qu'un cas particulier de ce problème, comme on peut le voir dans sa théorie de l'équilibre. *M. Davidov* attaque, par le même principe, le cas général, et, après l'avoir résolu, il traite plusieurs questions spéciales très bien choisies, qui expliquent et éclaircissent parfaitement cette théorie délicate, et peuvent avoir des applications utiles.

On peut indiquer, parmi les généralités du problème, la démonstration d'une proposition remarquable qui se rapporte à la relation entre la position de l'équilibre stable ou instantané et la partie de la normale, menée par le centre de gravité du corps flottant, et aboutissant à la surface des centres.

M. Davidov nous paraît avoir donné dans son mémoire des preuves incontestables d'application, de zèle et d'un talent remarquable; nous pensons que son travail mérite des éloges et une récompense, et nous avons

l'honneur de proposer de lui accorder un demi prix
Démidov, dont il est, d'après notre avis, tout - à - fait
digne.

M. Ostrogradsky.

V. Bouniakowsky.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-НА ГОРЛОВА,

Профессора Казанскаго Университета,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ОБОЗРѢНІЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

СТАТИСТИКИ РОССІИ;

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ КЕШПЕНОМЪ.

Nur von demjenigen kann es heissen, dass er zu Hause sey, der da weiss wie sein Haus bestellt ist, der eine klare Vorstellung von allen Vorzügen und Mängeln seiner Behausung vor andern menschlichen Wohnsitzen und Stätten hat. Wenn nun aber der Sehende wie der Blinde vor Allem darnach strebt seine nächste Umgebung auf jede mögliche Weise und in jeder möglichen Beziehung kennen zu lernen, wie sollte da nicht jedes mehr oder weniger gebildete Glied eines Staates wünschen sich mit den Verhältnissen seines Vaterlandes möglichst vertraut zu machen?

Zunächst muss wohl allen gebildeten Bewohnern eines Landes daran liegen die wirthschaftlichen Verhältnisse desselben auszumitteln. — Dieses Bedürfniss ist denn auch in Russland schon lange erwacht; doch fehlt es noch immer an einer lichtvollen Zusammenstellung der Oekonomischen Zustände unsers Vaterlandes.

Im Jahre 1827 suchte ein gewisser *Androssow* *),

*) Seinen Nekrolog findet man in der Moskauer Zeitschrift für Landwirthschaft (Журналъ сельскаго хозяйства и овцеводства) 1841, No 10, S. 235—239 und im *Moscoviten* (Москвитянинъ) 1841, Th. VI, S. 272—274. Androssow starb zu Moskau in der Nacht vom 19 auf den 20 Oct. 1841.

diesem Mangel abzuhelfen. Er that was er konnte, und mehr darf von keinem Menschen verlangt werden. Seine wirthschaftliche Statistik Russlands (Хозяйственная Статистика Россіи — 282 S. in-8.) gab er in zwei Haupt-Abschnitten: Topographie (мѣстность) und Industrie (промышленность) heraus.

So unvollkommen, ja so mangelhaft nun dieses Werk auch war, so musste man dem Verfasser desselben Dank wissen für seine Gesamtübersicht, die den folgenden Forschern so manchen Haltpunkt bot.

Jetzt, da wir um zwei Jahrzehente weiter vorge- rückt sind, und zwar um zwei solche, die für den Sta- tistiker manchem ganzen Jahrhundert gleichzustellen sind, jetzt tritt Hr. Gorlow mit einer — am Ostrande Europas — in Kasan, zusammengestellten Uebersicht der wirthschaftlichen Verhältnisse Russlands hervor.

Vor allem fragen wir, in wie fern Herrn Gorlow's Berechtigung zu einer Arbeit dieser Art von seinen Fach- Genossen anerkannt werden kann.

Seine erste in russischer Sprache edirte Theorie der Finanzen hat ihm im J. 1842 einen Demidow'schen Preis, also eine Anerkennung von Seiten der Akademie der Wissenschaften gebracht. Seitdem sind ihm die Mit- tel zu Theil geworden sich mit den vorzüglichsten sta- tistischen Bureau's, deren Arbeiten und Vorgesetzten nä- her bekannt zu machen. In Berlin, London, Paris, Brüs- sel, Dresden — überall hat er in seinem Fache ge- forscht.

Herrn Gorlow's Schrift zerfällt in drei Haupt-Abschnitte: Bevölkerung, Industrie und Handel. Auf eine Einleitung folgt zunächst eine gedrängte Uebersicht der Quellen Russischer Statistik. Ich will mit dem Verfasser wegen der Unvollständigkeit seiner Angaben nicht rechten, doch muss ich bemerken, dass hier die Titel der angeführten Schriften nicht vollständig und nicht genau genug wiedergegeben sind. Auch finden im Buche Verwechslungen der Autoren statt, wie z. B. der beiden *Gmelin* und der Akademiker *Benedict Franz Joh. Hermann* † 1815 und *Carl Theodor Herrmann* † 1838. Doch diese Irrthümer theilt der Verfasser mit andern geachteten Autoren, und die Schuld solcher Vernachlässigung — gestehen wir es uns nur ehrlich ein — sie liegt zum Theil an uns selbst, und an unsern Vorgängern, da bis jetzt noch kein Handbuch vorhanden ist, aus welchem, — ohne hunderte von Bänden zu durchwühlen — die Titel der Schriften eines jeden Akademikers zu ersehen wären. Welcher gründliche Gelehrte sollte nicht schon den Mangel eines solchen literarischen Hilfsbuches vermisst haben?

Herr Gorlow macht keine Ansprüche auf Originalität; er will seine Angaben nicht erfunden, ja nicht einmal selbst gefunden oder ausgemittelt haben. Er sagt selbst, dass er seine Data aus hunderten von Büchern, Brochüren und Aufsätzen oder Artikeln geschöpft habe, und, wo er mit Reihen von Zahlen zu thun hatte, da suchte er selbige, wenn dies nöthig schien, zu besprechen, — d. h. sie zu beleben für solche Leser, die in

tabellarisch zusammengestellten Zahlen, öfters nicht mehr als blosses bedrucktes Papier sehen.

Man muss dem Verfasser das Zeugniß geben, dass er an die rechten Quellen gegangen ist. Das beste und neueste, von dem, was er brauchen konnte, hat er benutzt, und so aus einer Menge zertreuter Nachrichten ein Ganzes zusammengestellt. Freilich hätte sich in mancher Beziehung mehr Vollständigkeit, mehr eigene Combination wünschen lassen; doch auch so schon müssen wir, — bei unserer Armuth an Uebersichten dieser Art — ihm aufrichtigen Dank wissen für seinen Versuch.

Ich mag hier nicht alle diejenigen Bemerkungen aufzählen, die sich mir bei Durchlesung der vorliegenden Schrift aufdrängten. Gern bin ich bereit sie dem Herrn Verfasser mitzutheilen, auf dass seine Arbeit etwas vollständiger und hier und da genauer werde.

Wir dürfen nicht vergessen, dass es bei uns keinesweges darauf ankommen kann, alle Nachrichten bis aufs Haar genau zu haben. Gern wollen wir z. B. bei jeder Angabe 5, ja selbst 10% mehr oder weniger an Genauigkeit fallen lassen, um doch wenigstens zur Erkenntniss von $\frac{4}{5}$ des wahren Thatbestandes zu gelangen.

In Beziehung auf die Nationalität der Bewohner des europäischen Russlands muss ich den Herrn Verfasser auf meinen Text zur ethnographischen Karte verweisen, und dies um so mehr, da bei ihm mehre, der Zahl nach nicht undedeutende, Völkerschaften gar nicht genannt sind (so z. B. die Litauer, die Walachen oder Moldauer und die Grusiner oder Georgier).

Herrn Gorlow's Methode — vielleicht nicht die beste — ist die, dass er für den in Rede stehenden Gegenstand die besten Gewährsmänner selbst sprechen lässt, — bisweilen, meiner Ansicht nach, selbst mehr als nöthig. Dies trägt nun freilich dazu bei das Ganze zu beleben, doch streng wissenschaftlich wird ein Werk auf diese Weise nicht.

Manche Specialia halte ich gerade zu für überflüssig, so z. B. die breite Auseinandersetzung der Art wie die Revisions-Listen angefertigt werden; wobei jedoch nicht zu verkennen ist, dass der Hr. Verfasser diese Operation nicht aus der Praxis, sondern nur aus den Gesetzbüchern kennt. Daher ist denn auch (S. 77) die Klage nicht gegründet, dass, hier zu Lande, bei Volkszählungen, auf das Alter der Inscibirten keine Rücksicht genommen werde. Nicht daran fehlt es, dass das Alter der Personen nicht angemerkt wird, sondern an Resultaten die in dieser Beziehung aus den einzelnen Revisions Listen (сказки) gezogen würden. Haben doch diese Listen eine besondere, jedesmal nothwendig auszufüllende Rubrik für das Alter der namhaft gemachten Individuen.

Uebrigens findet man bei Hrn. Gorlow einige treffende Bemerkungen in Beziehung auf die Vitalitäts-Verhältnisse der Bewohner. So z. B. wird (S. 83) bemerkt, dass die verstorbenen Krieger nicht mit auf die Todtenlisten kommen (während deren, zum Theil in den Dörfern zurückgebliebenen Frauen, nach ihrem Tode, in die Kirchenbücher als verstorben eingetragen werden).

Dies allein macht es denn schon unmöglich zu genügenden Mortalitätstafeln zu gelangen.

Etwas höher schon (S. 82) hatte der Verfasser bemerkt, dass in Russland die Zunahme der Bevölkerung geringer sey als in England und Preussen.

Als neu erscheint unter Anderem die S. 99 und 100 in der Anmerkung gegebene Zahlenreihe, aus welcher hervorgeht, dass in Perm der Verbrauch der Spielkarten sich im Laufe von 10 Jahren verdoppelte, indem er seit 1834 bis 1843 von 1699 auf 3162 Dutzend Spiele stieg.

Bisweilen fragt sich der Leser, ob denn auch alles, was er hier findet, rein statistisch sey. Dies ist z. B. schon bei der ethnographischen Partie, mehr aber noch bei der hydrographischen (S. 399 ff.) der Fall. Doch so lange diese Gegenstände sich nicht zu besondern Wissenschaften ausbilden, so lange noch die Herren Geographen sie nicht besonders beachten, so lange kann immer die Statistik, welche sie eigentlich als schon bekannt voraussetzen müsste, ihnen gern eine freundliche Aufnahme zu Theil werden lassen, besonders wenn dabei die staatswirthschaftliche, und überhaupt die politische Seite derselben mit berücksichtigt wird.

Als die schwächsten Partie'n der vorliegenden Schrift muss ich die Capitel über Gartenbau und Weinbau bezeichnen, in denen, unter gegründeten Nachrichten, auch so manche falsche vorkommen. Diese Abschnitte müssten, meiner Ansicht nach, neu ausgearbeitet werden, und ich bin bereit dem Herrn Verfasser in dieser Beziehung zu genaueren Angaben zu verhelfen.

Für manche vom Verfasser besprochenen Verhältnisse werden ihm, hoffentlich schon nächstens, neue Hülfquellen zu Gebote stehen. So z. B. befindet sich, so viel ich weiss, eine Abhandlung des Obristen von Bulmerincq unter der Presse, welche so manche interessante Zusammenstellung über die Benutzung der Waldungen Russlands enthält. Ueber den Elton-See wird man eine ausführliche Nachricht bei einer Beschreibung des Ssarotow'schen Gouvernements vorfinden, die vom einstmaligen Civil-Gouverneur desselben Herrn Wirkl. Staatsrath Fadejew abgefasst ist.

Die neueste Ansicht über den Nutzen der so genannten schwarzen Brache (черный паръ), die in den südlichen Provinzen des europäischen Russlands so vortheilhaft befunden wird, scheint noch nicht zur Kenntniss des Verfassers gelangt zu seyn, und für die Erwerbzweige im Norden, namentlich an den Küsten des Weissen Meeres, liesse sich noch Verschiedenes aus den Bogusslaw'schen zerstreuten Schriften nachtragen.

Doch vermisst man in der vorliegenden Schrift Manches, dessen Wegbleiben dadurch noch nicht gerechtfertigt werden kann, dass dieselbe nur für eine Uebersicht, also noch für kein vollständig ausgearbeitetes Werk ausgegeben wird. Ich will hier nur einige unberührt gebliebene Gegenstände nennen, die, meiner Ansicht nach, nothwendig zum Bereiche einer wirthschaftlichen Statistik gehören. So z. B. Das Creditwesen des Landes, besonders die Provinzial-Banken aller Art. Das Postwesen und vor allem der Briefverkehr, der als Maasstab der Natio-

nal-Entwicklung für den Politiker von höchster Wichtigkeit seyn muss; die Consumption und die Besteuerung sind Verhältnisse, die geprüft werden müssen, wenn man sich und andern ein klares Bild der ökonomischen Zustände der Bewohner eines Landes verschaffen will. — Auch im Einzelnen sollte Manches, was hier nicht hinlänglich oder gar nicht berührt ist, zusammengestellt, oder doch beachtet werden. So z. B. die Vieh-Raßen, von denen das vorliegende Manuscript keine klare Uebersicht gibt; oder die als temporäre Verderber und Störer der landwirthschaftlichen Ordnung auftretenden Heere schädlicher Insecten, die doch wohl bezeichnet werden sollten.

Von den Muster-Fermen ist keine Rede, und doch werden diese Anstalten in der Geschichte der Landwirthschaft Russlands, ja in der Bildungs-Geschichte des Volkes selbst, eine gewiss nicht unbedeutende Rolle spielen.

Auch das Institut für Waldwesen und Landmesserei, welches gewöhnlich schlechtweg das *Forstcorps* genannt wird, ist nicht näher besprochen. Ueberhaupt scheint der Herr Verfasser eine vom Professor Platonow in Char-kow, im J. 1845 gehaltene Rede «О камеральном образованіи» nicht zu kennen, in welcher die für Landwirthschaft und Industrie in Russland errichteten Anstalten näher bezeichnet sind.

Berichtigt müsste unter Anderm auch die Angabe werden, dass die Forst-Anstalt zu Lissino zum Zarskosselschen *Lyceum* gehört (S. 181). Oder wäre für «въ Ляцкѣ» zu lesen: въ уѣздѣ, wie dies das Vorwort

vermuthen lässt? Auch hat die neueste Zeit manche Verhältnisse mit sich gebracht, die einige Abänderungen in der Schrift erheischen, so z. B. befindet sich im Ssimbirskischen Gouvernement kein Kalmücken-Heer mehr (S. 59). und die, S. 182, genannte Gesellschaft zur Förderung der Waldwirthschaft, ist gegenwärtig zur freienökonomischen Gesellschaft in St.-Petersburg geschlagen u. s. w.

Statt des enormen Häringfanges, welcher bei Kertsch existiren soll (S. 184), hätte lieber des Fischfanges an der Atschujew'schen Landzunge, am Asow'schen Meere, erwähnt werden sollen, da diese Fischereien im Lande der Kosaken des Schwarzen Meeres, von der Regierung verpachtet werden und keinen unbedeutenden Gewinn abwerfen *).

Mitunter begegnet man auch wohl solchen Ansichten, die nur gar zu leicht widerlegt, oder doch bezweifelt werden können. Dahin sind unter andern folgende zu zählen :

Dass der Salzgehalt einiger Steppen-Vegetationen den Schafen oder der Wolle schade (S. 294).

Dass im südlichen Russland sich für die Ausbreitung der Viehzucht eine reiche Aussicht darbiete (jetzt erst?) S. 246.

Dass unser Hanf und Flachs wahrscheinlich noch sehr lange die Oberhand behalten werde (S. 469) u. d. gl.

*) Das Pachtgeld für diese Fischereien betrug seit 1839 bis 1843 jährlich über 43,000 R. Silb. — S. Mémoires de l'Académie

Irrig ist (S. 446) der Ausspruch dass der Sewastopol'sche Hafen vor Eroberung der Krym (durch die Russen) ganz unbekannt gewesen sey.

Wenn Herr Gorlow (S. 484) den Sund mit den verschiedenen Staaten Europa's in eine Reihe stellt, wie dies in den Uebersichten des auswärtigen Handels (Виды внешней торговли) der Fall ist, ohne den Grund dieser Zusammenstellung zu erklären, — wenn er S. 399 sagt, dass der Don sich bei Nachitschewan und Rosstow ins Asow'sche Meer ergiesse, — oder, S. 24, dass Sarepta der Haupt-Flecken (главное мѣстечко) der Ssaratow'schen deutschen Colonisten sey, so kann diess nur ungenau genannt werden.

Die systematischen Namen der in Russland vorkommenden Baumarten (S. 171 f.) müssten wohl noch, vor dem Druck, von einem gründlichen Botaniker durchgesehen werden.

Sehr selten nur möchte man ein Wort, oder einen Ausdruck, anders gegeben sehen; so z. B. würde ich (S. 106) für *алаунъ* und *индиго* die russischen Benennungen *квасцы* und *кубовая краска* geben, oder *барки поднимають* грузу столько-то, für: *носить* (S. 444).

Mehrere in der Handschrift vorkommende Irrthümer dürfen wohl nur für Schreibfehler gehalten werden. So z. B. *Бялау* für *Бюлеръ* (S. 59), *Барбато* für *Барбаро*

(S. 186), Шопень für Шонень (S. 204), oder Гжельскъ für Гжель (S. 334) und Курляндія für Эстляндія (S. 438).

Doch die Citate sollten durchgängig so genau als möglich seyn, und es ist nicht zu billigen, dass der Hr. Verfasser sich in dieser Beziehung einige gar zu grosse Freiheiten herausnimmt. So z. B. heisst es S. 438: «у Шторха въ Картинахъ», worunter H. Storch's «Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs, am Ende des achtzehnten Jahrhunderts» gemeint ist; oder S. 185: «Pallas Reise durch Südrußland»; S. 468 in der Anm., «Redens allg. vergleichende Handels- und Gewerbsgeographie 1843» u. d. gl. Oeftern fehlen die Hinweisungen auf die Quelle, und besonders die Wiederholung der Citate, an Stellen, wo solche gewiss gut angebracht wären.

In Beziehung auf die angeführten Summen und Preise wäre zu wünschen, dass der Hr. Verfasser alle seine Angaben dem Leser in Silber vorführte, während er gegenwärtig einmal von Banco-Noten und bald wieder von Silbergeld spricht. Uebrigens hat Hr. Gorlow sehr wohl daran gethan seinen Lesern (S. 255 f. in d. Anm.) in Kürze anzugeben was unter сложныя цѣны (Durchschnittspreise) und средня цѣны (Mittlere-Preise) zu verstehen sey.

Dass der Verfasser in seiner Zusammenstellung sich unter keine besondere politisch - ökonomische Fahne reiht, ist wohl zu rühmen, und wem nur um eine richtige Erkenntniß der Sachlage zu thun ist, wird ge-

wiss diejenige Stelle gut heissen, wo Hr. Gorlow (S. 106) sagt: «Земледѣліе столько же полезно какъ фабрикація и торговля, и разсуждать объ нѣхъ относительной важности столько же бесполезно, какъ доказывать, что «человѣку лѣвая нѣ правая нога доставляетъ въ ходьбѣ «болѣе выгоды.»

Die von mir angedeuteten Mängel habe ich nur im Interesse der Wissenschaft, welcher ich lebe, herausgehoben, nur mit dem Wunsche und in der Hoffnung, dass Hr. Professor Gorlow, meine gute Absicht nicht missdeutend, dieses oder jenes berücksichtigen und somit zur Vervollkomnung seiner Schrift, noch vor Abdruck derselben beitragen werde. Dass solche gedruckt werde ist allerdings sehr zu wünschen, und es kann jeden unpartheiischen, jeden der nicht etwa selbst eine ähnliche Zusammenstellung beabsichtigt, nur freuen, dass an die Ausarbeitung einer Statistik der staats- und landwirthschaftlichen Verhältnisse gegangen wird. -- Die Aufgabe ist gross, ja grösser als die bis auf den heutigen Tag vorhandenen Mittel zur genügenden Lösung derselben. Jeder neue Versuch dieser Art ist demnach eine neue Eroberung, ein heilbringender Schritt weiter in der Erkenntniss des Vaterlandes. — Lassen Sie uns also, Meine Herren, den kühnen Verfasser ehren, durch die Zuerkennung eines halben Demidow'schen Preises und geben wir ihm die Mittel dazu den Druck seiner Arbeit zu decken, auf das eine, Russland betreffende, nützliche Arbeit nicht verkannt werde. Was mich persönlich betrifft, so bin ich, wie gesagt, gern bereit dem Herrn

Verfasser nicht nur alle meine Bemerkungen zu seiner Schrift unverholen mitzutheilen, sondern auch ihn durch Notizen aus meinen Sammlungen, so weit ich kann, zu unterstützen. Und für den Fall, dass Hr. Gorlow seine Schrift theilweise umzuarbeiten, oder zu vervollständigen bereit wäre, würde ich rathen ihm ausnahmweise nöthigenfalls ganze zwey Jahre (statt eines Jahres) Zeit zum Drucke derselben zu geben.

Schliesslich bitte ich Sie, meine Herren, sich nicht zu wundern, dass ich diesen Bericht über ein russisches Werk in deutscher Sprache abstatte. Es war meine Absicht auf diesem Wege die deutschen Leser mit den besten Quellen für die einzelnen Zweige der ökonomischen Verhältnisse Russlands bekannt zu machen; doch als ich schon im Zuge war, sah ich mich, bedrängt durch die Zeit, genöthigt diesem Vorhaben zu entsagen, um nur, in möglicher Kürze, dasjenige zu Ihrer Kenntniss zu bringen, was mir besonders Beachtung zu verdienen schien.

Machen wir es nur dem Herrn Verfasser zur unerlässlichen Bedingung, dass er seinem Buche ein ausführlicheres Inhalts-Verzeichniss und einen genügenden Index beifüge.

Koepen.

Den 30. März.
1848.

РАЗБОРЪ

сочиненія

О т ц а І а к и н о а,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

К И Т А Й

ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ;

составленный

Г. ПРОФЕССОРОМЪ КОВАЛЕВСКИМЪ.

Нашъ сивологъ О. Іакиневъ не въ первый уже разъ бесѣдуетъ съ Русскою публикою о Китаѣ. Последнее сочиненіе его, подъ заглавіемъ: «Китайъ въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи», явилось недавно въ четырехъ частяхъ, которыя вмѣстѣ могли бы составить одну книгу почти въ 600 страницъ, и заключаетъ въ себѣ разнообразный сборникъ свѣдѣній о Поднебесной Имперіи, почерпнутыхъ изъ китайскихъ книгъ и собственной наглядности автора.

Въ этой древнѣйшей въ мірѣ Имперіи, почтенный нашъ сивологъ находитъ что-то загадочное, удивительное, хотя и описанное многими путешественниками и католическими вѣропроповѣдниками, но еще не вполне, неудовлетворительно, и потому берется онъ охотно передать намъ свѣдѣнія, недосказанныя аббатомъ Грозье и Девисомъ о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Китая. Въ постоянномъ негодованіи на иноземцевъ за то, что они, описывая Китай, судятъ о немъ по своимъ поня-

тіямъ и ханьскаго челоуѣка (хань-жынь), заставляють мыслить и дѣйствовать часто по-европейски, О. Іакинѣвъ не прощаетъ и туземнымъ писателямъ, которые за свѣдѣніями о Китаѣ и Китайцахъ обращаются на западъ Европы и, безъ повѣрки ихъ съ своими лучшими источниками, повторяють самыя ошибочныя мнѣнія, иногда смѣшныя даже.

Послѣ изданнаго въ 1840 году сочиненія о жителяхъ, нравахъ, обычаяхъ и просвѣщеніи Китая, О. Іакинѣвъ, вѣрный своему призванію, продолжая непрерывно свои занятія, рѣшился раздвинуть предѣлы этой книги, связать тѣснѣе и пополнить ея статьи, и въ измѣненномъ плацѣ познакомить насъ короче съ весьма важнымъ государствомъ въ Азіи. Авторъ придерживался и теперь своихъ прежнихъ правилъ: не притмивъ на себя званія критика или историка, онъ не прибѣгаетъ ни къ наслодованіямъ частныхъ фактовъ, ни къ прагматическому изложенію дробностей, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ накоплялись и, наконецъ, должны были войти въ стройную группу матеріаловъ, составляющихъ любопытную картину нынѣшняго Китая. Но, пока искусное перо изобразить намъ во всей полнотѣ и величіи Хуаньцзевы владѣнія, неутомимый нашъ синологъ подготавливаетъ необходимыя для этого данныя. Четырнадцать лѣтъ лучшей жизни, проведенныхъ имъ въ столицѣ Богдохана, и болѣе четверти столѣтія, посвященной изданію разнообразныхъ сочиненій о средне-азійскихъ народахъ, доставили ему авторитетъ добросовѣстности въ трудахъ и свискали право на общую нашу благодарность.

Излишнимъ считаю указывать здѣсь на свѣдѣнія, которыми О. Іакинѣвъ исправилъ и пополнилъ чужія и наши понятія о Китаѣ. Богатствомъ содержанія покрываются мелочные недосмотры автора, которые привязчивый критикъ могъ бы подмѣтить.

Развернемъ книгу, о которой идетъ теперь дѣло, чтобы удостовѣриться въ количествѣ и цѣнности внутренняго ея достоянія. Въ первой части, въ видѣ введенія, авторомъ помѣщены статьи о Китайскомъ лѣтосчисленіи и времясчисленіи, о мѣрахъ, вѣсахъ и монетѣ, о Пекинскомъ дворцѣ и дани, представляемой хуань-дію въ торжественные дни. Все это нами было прочитано еще въ 1840 г.; но здѣсь оно обогащено отчасти новыми свѣдѣніями, отчасти изложено проще, понятнѣе, удовлетворительнѣе. Вставки, сдѣланныя О. Іакинѣомъ, покажутся здѣсь для поверхностнаго читателя мелкими; но онѣ весьма любопытны и дороги для изслѣдователя древностей, статистика или историка Китая. Кому не известно, какъ иногда одно слово, одинъ намекъ очевидца или знатока на какое нибудь происшествіе или обстоятельство служить руководствомъ къ важнымъ результатамъ изысканій?

Государственное устройство авторомъ для бѣльшей ясности представлено въ вопросахъ и отвѣтахъ, знакомить читателей съ предметомъ, о которомъ, особенно у насъ, часто повторяются самые ложные толки. О. Іакинѣвъ передаетъ намъ свѣдѣнія чисто положительныя, устраняя всякаго рода догадки, затмѣвающія дѣло. Вообще, эта часть сочиненія получила весьма значительныя при-

рашенія въ сравненіи съ тѣмъ, что до сего времени было писано объ административной машинѣ въ Китаѣ, и можетъ почитаться удовлетворительною для нашего любопытства.

Во второй части изложено уголовное Китайское право, предметъ въ первый разъ еще представленный нашимъ синологомъ съ подробностями о родахъ преступленій и мѣрахъ наказанія, равно какъ и о нѣкоторыхъ формахъ судопроизводства. Эти свѣдѣнія въ высокой степени важны.

Не менѣе ихъ любопытна и важна третья часть, разнообразная по содержанію, но болѣе намъ знакомая изъ прежнихъ книгъ О. Іакинѣа. Здѣсь, въ трехъ отдѣленіяхъ, описаны учебныя и ученыя заведенія, гражданскія учрежденія по хозяйственной части и мѣры народнаго продовольствія.

Четвертая и послѣдняя часть обнимаетъ въ себѣ общественную и частную жизнь Китайцевъ, которую авторъ старался изобразить со стороны придворныхъ церемоніаловъ и народныхъ обычаевъ. Здѣсь перепечатаны по большей части статьи съ изданія 1840 г.; къ нимъ прибавлено шесть новыхъ главъ, а прежнія распространены, мѣстами исправлены.

Такимъ образомъ послѣдній Китай нашего автора можно считать почти новымъ твореніемъ, проливающимъ яркій свѣтъ на многія стороны Поднебесной Имперіи, которая, благодаря добросовѣстные труды О. Іакинѣа, для насъ по крайней мѣрѣ перестанетъ быть загадкою.

Вотъ причины, по которымъ это сочиненіе должно быть принято Академіей Наукъ во вниманіе при сужденіи о раздачѣ Демидовскихъ премій въ нынѣшнемъ году.

В. Ковалевскій.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Н. М. Богдановича,

Профессора Военной Академіи,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ЗАПИСКИ СТРАТЕГІИ;

ПРАВИЛА ВЕДЕНІЯ ВОЙНЫ,

измеченныя изъ сочиненій:

Наполеона, Эрцгерцога Карла, Генерала Жомини

и другихъ военныхъ писателей,

составленный

Генераль-Лейтенантомъ

Барономъ Зедделеромъ.

Введение.

Между высшими военными науками, возникшими въ прошедшее столѣтіе, и въ настоящее время получившими особенную значительность, важнѣйшее мѣсто занимаетъ Стратегія. Она объемлетъ высшія значенія военнаго искусства, судитъ о дѣяніяхъ полководцевъ древнихъ и новѣйшихъ временъ, и основываетъ системы, посредствомъ которыхъ каждый военачальникъ можетъ надѣяться восторжествовать надъ своимъ противникомъ. Теперь Стратегія составляетъ любимый предметъ разговоровъ образованныхъ воиновъ, преподается во всѣхъ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и осіяетъ писателей объ этой науки блистательною славою.

Однако ни одна наука, за исключеніемъ, можетъ быть, Философіи и Медицины не имѣетъ менѣе общепринятыхъ и неопровержимыхъ основныхъ правилъ, какъ именно Стратегія; ни одна не служитъ столь сильнымъ

предметомъ споровъ между классическими и неклассическими ея писателями. Можно даже полагать, что самый неловкій полководецъ на войнѣ былъ бы ученый Стратегикъ, обладающій всею теоріею сего знанія, всѣми противорѣчущими примѣрами, которые представляетъ ему Исторія, и изъ всего сего извлекающій незавидный результатъ, что въ его наукѣ нѣтъ никакихъ аксіомъ. Даже извѣстѣйшіе военные писатели не одинаково понимаютъ значеніе слова Стратегія, кругъ ея дѣйствія и предѣлы; большая часть изъ нихъ сознается, что она, по безконечному разнообразію поприща, цѣли и обстоятельствъ войны, не можетъ существовать въ видѣ науки; а военная Исторія представляетъ намъ рѣзкія примѣры, что самыя основныя правила Стратегіи иногда могутъ, и должны быть нарушаемы для одержанія побѣды. Это между прочимъ ясно доказывается переходомъ Князя Варшавскаго черезъ Вислу въ 1831 году, маневромъ, при которомъ прежніе наши базисы, операціонныя линіи и пути соединенія были брошены, армія стала лицомъ къ основанію своихъ дѣйствій, отдаляясь отъ него огромною рѣкою и потомъ, не имѣя ни пунктовъ опоры для фланговъ и тыла, ни безопаснаго пути отступленія, окончила тяжкую войну славною побѣдою.

Въ слѣдствіе всего тутъ сказаннаго возникаютъ три вопроса: какую пользу приносить изученіе Стратегіи? Почему преподается она въ военно-учебныхъ заведеніяхъ какъ цвѣтъ всего военного искусства? Почему многіе ученые и опытные полководцы писали и пишутъ о наукѣ, достоинство которой они сами не признаютъ?

На первый пунктъ можно отвѣчать собственнымъ вопросомъ: неужели наученіе Философін бесполезно потому, что со времени семи Греческихъ мудрецовъ до Шеллинга и Гегеля возникли и разрушились тысячи философскихъ системъ, которыми сущность Философін все еще не опредѣлена? неужели начинающій медикъ не долженъ знать различныя методы врачеванія, потому, что отъ Гиппократова до Ганемана и Приснипа тысячами являлись и исчезали противныя другъ другу методы и ни одною изъ нихъ не найдено вѣрное средство лечить больныхъ? Тоже самое можно сказать и о Стратегіи. Она также создана вѣковыми опытами и основана на примѣрахъ, данныхъ намъ великими вождями, а потому и она, во многихъ случаяхъ можетъ оказаться весьма полезною для просвѣщеннаго и зрѣло разсуждающаго полководца, не заставляя однако его придерживаться тѣхъ правилъ, которымъ слѣдовали прежніе вожди, или которыя провозглашаются новѣйшими военными писателями.

Труднѣе разрѣшить второй вопросъ: мы даже чистосердечно объявляемъ себя противниками преподаванія Стратегіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ приготовляются Офицеры для службы въ Генеральномъ-Штабѣ, какъ на прим. въ нашей Императорской Военной Академіи. Въ состояніи ли юноши 18—20 лѣтъ понять сущность этой науки, требующей зрѣлыхъ лѣтъ и глубокаго разсужденія? Могутъ ли они вникнуть въ сложныя, часто тайныя причины, побудившія полководца дѣйствовать такъ, а не иначе? Естьли

возможность постигнуть въ продолженіе года или двухъ лѣтъ искусство предводительствовать арміею и рѣшать участь войны? Трудно также повѣрить, чтобы преподаватель, никогда не видѣвшій непріятеля, или бывшій на войнѣ только въ первыхъ офицерскихъ чинахъ, могъ юношескому незрѣлому уму сообщить всѣ свѣдѣнія, объясняющія главные понятія о Стратегіи.

Въ одномъ сосѣдственномъ Государствѣ военное воспитаніе доведено до высшей степени совершенства; тамъ столько же ученыхъ Стратегиковъ, сколько и наставниковъ сей науки; тамъ каждый, только что выпущенный изъ военно-учебныхъ заведеній Подпоручикъ говоритъ вамъ объ Александрѣ Великомъ, Цесарѣ, Фридрихѣ и Наполеонѣ, объясняя изумленнымъ слушателямъ, какимъ бы образомъ въ томъ или другомъ случаѣ онъ самъ поступилъ бы на мѣстѣ этихъ великихъ военныхъ геніевъ. Но едва ли одинъ изъ этихъ юныхъ героев въ состояніи правильно командовать однимъ взводомъ войска. Стало быть всѣ ихъ теоретическія знанія ведутъ только къ неумѣстному и вредному обсужденію дѣйствій начальства и преувеличенному мнѣнію о собственномъ достоинствѣ, которое первая война, можетъ быть, скоро бы унизила. По нашему мнѣнію Стратегія можетъ быть только тогда постигнута, когда она основана на глубокомъ собственномъ изученіи военной Исторіи, а преподаватели ея должны быть испытанные въ военныхъ трудахъ Генералы; профессора же въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Генеральнаго - Штаба должны ограничиться руководствомъ молодыхъ офицеровъ при этомъ соб-

ственному изученіи и краткимъ объясненіемъ какъ достопамятѣйшихъ компаній всѣхъ временъ, такъ и извѣстѣйшихъ стратегическихъ системъ, предоставляя подробнѣйшее ихъ изслѣдованіе и примѣненіе къ практикѣ собственному сужденію слушателей въ зрѣломъ возрастѣ. Такъ весьма блáгоразумно поступалъ и Полковникъ Богдановичъ.

Теперь остается рѣшить третій вопросъ: почему въ новѣйшія времена многіе замѣчательные воины и даже великіе полководцы, писали о Стратегіи? Сколько намъ извѣстно, между ними послѣднимъ находится только одинъ Эрцгерцогъ Карлъ; ибо нельзя считать руководствомъ къ изученію Стратегіи разбросанныя, бѣглыя замѣчанія Наполеона о военномъ искусствѣ, написанныя не имъ самимъ, а другими авторами, и потому уже кое какъ собранныя Каузлеромъ. За тѣмъ слѣдуютъ Жюини и Клаузевицъ, которые, какъ Начальникъ Штаба и Генералъ Квартирмейстеръ, содѣйствовали въ управленіи многочисленныхъ частей войскъ въ военное время. Но Эрцгерцогъ Карлъ въ своихъ превосходныхъ твореніяхъ, вовсе не думалъ основать полную систему Стратегіи; онъ разбиралъ только для объясненія своихъ собственныхъ военныхъ дѣйствій и наставленія другихъ, вліяніе одного начала этой науки, а именно мѣстности, на образъ веденія войны; но Жюини и Клаузевицъ, безъ всякаго сомнѣнія, Генералы опытные и храбрые воины, были еще лучшіе писатели, и не успѣвъ увѣичать себя лаврами побѣды, заботились о пріобрѣтеніи славы великихъ военныхъ писателей: первый изъ нихъ посредствомъ глубоководу-

манныхъ соображеній, извлеченныхъ изъ войнъ Фридриха Вел. и Наполеона, и основаніи на нихъ системы Стратегіи, которую впрочемъ въ послѣдствіи онъ призналъ не полною; Клаузевицъ же, посредствомъ множества новыхъ идей и критическихъ взглядовъ — смѣлыхъ, геніальныхъ, но слишкомъ бѣглыхъ, такъ сказать, рапсодическихъ, для мыслителя. Всѣ прочіе стратегическіе писатели или не имѣли никакой опытности въ войнѣ, или находились въ слишкомъ низкой сферѣ ея дѣйствій. Они строили свои системы на одностороннемъ изученіи дѣлъ великихъ полководцевъ, не постигая ихъ генія, и на произведеніяхъ военныхъ писателей, не думая о томъ, что будущіе великіе вожди могутъ быть создателями новыхъ и лучшихъ системъ. Сидя въ теплыхъ, спокойныхъ кабинетахъ, въ дали отъ лишеній и трудовъ, пріятно анотировать мысли и дѣйствія героевъ посреди колоссальныхъ политическихъ событій, въ виду смерти и опасеній за славу и цѣлость войска и государства; пріятно объявить свѣту: вотъ я, я постигнулъ этихъ великихъ людей, я изыскалъ причины ихъ подвиговъ, но открылъ также ихъ промахи; я хочу сообщить вамъ правила, посредствомъ которыхъ, подражая мудрымъ ихъ распоряженіямъ и избѣгая ихъ ошибокъ, можно будетъ превзойти Фридриха и Наполеона. Если же въ послѣдствіе времени явится вождь, еще съ большими воинскими способностями, и, не слѣдуя нашимъ правиламъ о веденіи войны, останется побѣдителемъ, тогда и онъ найдетъ комментаторовъ своихъ подвиговъ и создателей новыхъ системъ Стратегіи.

О цѣли, способѣ изложенія и пользѣ произведенія

Г. Богдановича.

Г. Богдановичъ въ предисловіи къ своимъ запискамъ говоритъ: «что онѣ содержатъ въ себѣ мысли и правила военныхъ писателей, относящіяся къ наукѣ веденія войны. При изложеніи этихъ мыслей и правилъ, авторъ обратилъ преимущественно вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя, имѣя основаніемъ самый опытъ, и удобны къ примѣненію въ практикѣ; что же касается до сужденій отвлеченныхъ, либо подлежащихъ сомнѣнію, то онъ старался по возможности пояснить ихъ замѣчаніями; въ заключеніи каждаго изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій, сдѣланъ выводъ о содержаніи и отличительномъ характерѣ его»

Г. Богдановичъ присовокупляетъ, что избѣгая рѣзкихъ, одностороннихъ сужденій, онъ вовсе не имѣлъ въ виду излагать постоянныя безусловныя правила для дѣйствій, а желалъ только доставить читателю возможность пріобрѣсти навыкъ вѣрно оцѣнивать какъ относительную важность средствъ, служащихъ для веденія войны, такъ и многостороннее вліяніе различныхъ обстоятельствъ на военныя дѣйствія. При обсужденіи стратегическихъ сочиненій, авторъ старался сохранить характеръ и сущность ихъ, и такъ, по его собственному мнѣнію, главная его заслуга состоитъ въ точномъ и по возможности сжатомъ объясненіи главныхъ правилъ, предложенныхъ лучшими военными писателями. Мы считаемъ трудъ этотъ тѣмъ болѣе важнымъ, что изъ этихъ

*

сочиненій на русскій языкъ переведены весьма не многія и что книга Г. Богдановича, заключающая въ себѣ извлеченіе изъ 60 и болѣе томовъ, доселѣ мало извѣстныхъ въ Русской Литературѣ, должна принести несомнѣнную пользу.

Г. Богдановичъ задалъ себѣ съ перваго взгляда легкую, но въ самомъ дѣлѣ весьма трудную задачу: онъ намѣренъ познакомить нашихъ любознательныхъ военныхъ юношей съ лучшими иностранными стратегическими твореніями, излагая главное содержаніе ихъ въ самомъ сокращенномъ видѣ; но онъ хочетъ также изслѣдовать эти классическія произведенія; полезное въ нихъ отдѣлать отъ безполезнаго, опредѣлить ихъ достоинства и недостатки. Такимъ образомъ книгу Г. Богдановича съ одной стороны можно считать сокращеніемъ или, такъ сказать, эссенцію всѣхъ иностранныхъ сочиненій о Стратегіи, съ другой стороны ихъ критикою.

Мы радостно и вполне признаемъ пользу первой цѣли Г. Богдановича. Русская военная литература далеко еще не можетъ сравниться съ иностранными, ибо въ русскомъ народѣ и въ русскомъ войскѣ, въ слѣдствіе преобладанія практическаго духа надъ склонностію къ мышленію, всегда *дѣйствіе* предпочиталось *умствованію*, и у насъ всегда старались изучать войну въ самой войнѣ, а не въ ученыхъ сочиненіяхъ. Но чѣмъ болѣе Россія будетъ развиваться въ умственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе главная ея опора, ея превосходное войско, будетъ нуждаться въ высшемъ ученомъ образованіи, и, разумѣется, всякій, по своему положенію и дарованіямъ призван-

ный для достиженія этой цѣли, достоинъ признательности и благодарности своего отечества. Что касается до второй части вопроса, который задалъ себѣ Г. Богдановичъ, мы увидимъ въ послѣдствіи, въ какой мѣрѣ удалось ему рѣшить его.

Авторъ нашъ ученикъ Генерала Барона Медема; ученикъ нѣсколько въ Пифагорійскомъ смыслѣ этого слова, ибо для него мысль «такъ сказалъ учитель» иногда занимаетъ другія доказательства. Слѣдовательно не трудно понять, почему въ своемъ произведеніи онъ слѣдуетъ мнѣніямъ и правиламъ своего наставника и подобно ему, кое-гдѣ бросаетъ взгляды, обнаруживающіе основательное понятіе теоріи, но и недостатокъ практики въ военномъ дѣлѣ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О КНИГѢ Г. БОГДАНОВИЧА.

Вступленіе.

Какъ мы уже видѣли, рассматриваемое нами произведеніе содержитъ въ себѣ извлеченія изъ другихъ писателей о Стратегіи съ присоединеніемъ собственныхъ объясненій и разсужденій автора. Такъ какъ мы въ своей рецензій не предположили себѣ цѣлью — критическое обозрѣніе всѣхъ этихъ Стратегическихъ произведеній, то и ограничились разсмотрѣніемъ только того, что собственно принадлежитъ Г. Богдановичу, и что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній, присоединенныхъ къ самымъ извлеченіямъ, помѣщено въ концѣ каждой главы, подъ заглавіемъ «общіе выводы».

Авторъ въ своемъ предисловіи старается доказать, что Стратегія, какъ *искусство вести войну*, возымѣло свое начало еще тогда, когда успѣхъ дѣйствій сталъ зависѣть не отъ грубой силы, а отъ умѣнія полководца пользоваться средствами, состоявшими въ его распоряженіи, и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился. Но *видъ науки*, Стратегія приобрѣла только со времени изобрѣтенія пороха. Въ доказательство этого мнѣнія Г. Богдановичъ приводитъ : 1) такъ какъ битвы въ древнія времена, по слабому дѣйствию тогдашнихъ метательныхъ орудій, рѣшались обыкновенно рукопашнымъ боемъ, при чемъ побѣжденные подвергались огромнымъ потерямъ, либо совершенному истребленію, а уронъ побѣдителей болѣею частію былъ ничтоженъ, то низложеніе одной изъ враждебныхъ силъ (главное, постоянное средство къ достиженію цѣли войны) было тогда обычнымъ слѣдствіемъ встрѣчи противныхъ сторонъ ; и потому небыло никакой необходимости прибѣгать къ другимъ средствамъ для одержанія рѣшительныхъ успѣховъ. Напротивъ того, съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія, несравненно болѣе дѣйствительнаго, войска противныхъ сторонъ стали сражаться болѣею частію въ значительномъ разстояніи одно отъ другаго, что даетъ возможность побѣжденному уклониться отъ боя и отступить съ небольшимъ уронемъ. Слѣдовательно въ настоящее время уже недостаточно для содѣланія побѣды рѣшительною, вступить въ бой съ неприятелемъ, а должно предварительно давать такое на правленіе своимъ войскамъ, чтобы побѣжденный против-

никъ не могъ уклониться отъ совершеннаго пораженія. Для достиженія этой цѣли тактическія средства оказываются недостаточными, и потому необходимо прибѣгнуть къ соображеніямъ, выходящимъ изъ объема тактики. 2) Малочисленныя арміи древнихъ, привыкшія къ всякаго рода трудамъ и лишениямъ, къ перенесенію тяжести и т. д., сопровождалась обыкновенно небольшими обозами, были весьма несложными орудіями, а сварады для своихъ метательныхъ машинъ, т. е. камни и стрѣлы, могли найти почти на всякомъ мѣстѣ. И такъ онѣ, при весьма облегченной администраціи, производили движенія свои съ гораздо большею скоростію и рѣшительностію, нежели мы. Такъ наприимѣръ Римляне, съ помощію своихъ укрѣпленныхъ лагерей, уподоблявшихся переноснымъ крѣпостямъ, глубоко проникали въ самыя нѣдра непріятельскихъ странъ, держались тамъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, а потомъ, выждавъ благоприятный моментъ, переходили къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Можемъ ли также поступать и мы, со своими гораздо многочисленными войсками, привыкшими къ правильному образу продовольствованія, обремененными артиллерією, огромными запасами разныхъ матеріаловъ, а посему прикованными, такъ сказать, къ базисамъ и коммуникационнымъ линіямъ, къ складамъ и магазинамъ? Такимъ образомъ, вмѣсто постоянного дѣйствія совокупными силами, какъ бы слѣдовало быть, мы, маневрируя, должны раздѣлять ихъ, а для сраженія принуждены бываемъ опять стягивать ихъ въ одну массу. Но для произведенія этихъ

движеній намъ должно прибѣгать къ комбинаціямъ, которыя также изъ тѣсныхъ предѣловъ тактики вступаютъ въ болѣе обширный кругъ Стратегіи.

Какъ бы не были справедливы эти доказательства, но мы не можемъ не представить нѣкоторыхъ возраженій противъ ихъ исторической вѣрности. 1) Мы видимъ изъ Исторіи, что еще долгое время послѣ введенія въ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, война состояла только во взаимномъ столкновеніи двухъ войскъ и рукопашной дракѣ, и что она только тогда сдѣлалась искусствомъ, когда въ XVI столѣтіи, съ паденіемъ феодализма, образованность снова распространилась въ Европѣ, и Государя и полководцы въ произведеніяхъ греческихъ и римскихъ писателей начали отыскивать средства къ усовершенствованію военного дѣла. 2) Въ древности войны не всегда рѣшались пораженіями непріятеля на самомъ полѣ битвы, но и маневрами, что можно доказать сраженіями при Иссъ, Тразименскомъ озерѣ, Каннахъ и т. д. 3) Не только въ походахъ Александра Вел., Аннибала, Цесаря и другихъ величайшихъ древнихъ героев, но и въ войнахъ менѣе знаменитыхъ полководцевъ: Эвмена съ Антигономъ, Серторія съ Метелломъ и проч., находимъ мы факты, могущіе служить образцами не только для военного искусства, но даже для Стратегіи въ нынѣшнемъ значеніи сего слова, которая слѣдовательно не была вовсе неизвѣстна древнимъ.

Менѣе возраженій мы можемъ представить противъ того, что Г. Богдановичъ говоритъ: о постепенномъ развитіи теоріи Стратегіи, объ одностороннихъ мнѣніяхъ

Ллойда, Бюлова, Жюини (въ его первомъ сочиненіи о Стратегіи) и Эрцгерцога Карла, которые, не признавая вліяніе различныхъ началъ на начертаніе и результаты военныхъ комбинацій, считаютъ ихъ только зависящими отъ частныхъ условій и на томъ основываютъ свои системы. Столь же вѣренъ взглядъ Г. Богдановича на напрасныя усилія Ксиландра, Воданкура, Жюини (во второмъ его сочиненіи) и Веллизена — всѣ эти различныя системы слить въ одну общую; на иныя Наполеона, Деккера, Вагнера и Клаузевица — «что одной теоріи недостаточно для изученія высшаго военнаго искусства, и что для достиженія этой цѣли нужно въ особенности знаніе военной Исторіи»; на мысль Генерала Медема и другихъ — «что для военныхъ дѣйствій нѣтъ постоянныхъ правилъ»; наконецъ на двоякій способъ изложить Стратегію въ видѣ науки: одинъ — составляя общій сводъ мыслей о веденіи войны замѣчательнѣйшихъ военныхъ писателей и дополняя его выводами изъ важнѣйшихъ военныхъ событій, предложить полную теорію Стратегіи, другой, который избралъ самъ Г. Богдановичъ, и о которомъ мы упомянули выше. Однако и здѣсь мы могли бы возразить противъ сравненія мнѣній Ллойда и Бюлова съ Эрцгерцогомъ Карломъ, Деккера и Вагнера съ Наполеономъ.

За предисловіемъ слѣдуетъ *Стратегическая Терминологія* или краткое, но полное и отчетливое объясненіе техническихъ выраженій, употребляемыхъ въ Стратегіи: наприм. базиса, предметъ дѣйствія, операціонныя линіи, которыя раздѣляются на концентрическія и эксцентри-

ческія, внутреннія и внѣшнія, оборонительныя линіи, операционный фронтъ, театръ войны и дѣйствія и пр.

І-я ЧАСТЬ.

І-е ОТДѢЛЕНІЕ.

Это отдѣленіе начинается опредѣленіемъ значенія слова «Стратегія» и той эпохи, въ которой она сдѣлалась наукою.

Г. Богдановичъ, согласно съ мнѣніемъ Ксизландера, подъ словомъ Стратегія разумѣетъ: во 1-хъ, искусство полководца дѣйствовать въ различныхъ обстоятельствахъ средствами, состоящими въ его распоряженіи для достиженія цѣли войны, и во 2-хъ, науку веденія войны, или, говоря другими словами, собраніе правилъ относящихся къ искусству веденія войны.

Авторъ, извѣняя нѣсколько первое свое опредѣленіе, повторяетъ, что искусство вести войну было извѣстно и въ древности, но что наука Стратегіи начала образоваться только въ половинѣ XVIII столѣтія. Правда, что Густавъ Адольфъ пробудилъ военное искусство отъ долгаго усыпленія, въ которомъ оно находилось въ среднихъ вѣкахъ, но его современники и непосредственные послѣдователи опять его исказили, основывая его на уклоненіи отъ открытаго боя, на маневрахъ и крѣпостной войнѣ. Фридрихъ Вел. низпровергнулъ всѣ эти преушщренныя системы и такимъ образомъ основалъ настоящую Стратегическую науку, которой первымъ писателемъ былъ Ллойдъ.

Мы думаемъ, что если бы Ллойдъ явился во время Густава Алольфа, и если бы тогда также много писали, какъ пишутъ нынѣ, наука Стратегія возымѣла свое начало гораздо прежде, и стратегическихъ системъ въ военной литературѣ было бы несравненно болѣе. Мы не безъ намѣреній сказали «въ военной литературѣ» ибо полагаемъ, что эти системы, какъ въ тридцатилѣтней войнѣ, такъ и теперь, не всегда и не всѣмъ были извѣстны и наблюдаемы; это можно доказать примѣрами многихъ опытнѣйшихъ полководцевъ наприм. Суворова, Кутузова, Блюхера и др.

Послѣ предисловія у Г. Богдановича слѣдуютъ, въ хронологическомъ порядкѣ, вышеупомянутыя извлеченія изъ сочиненій: Ллойда (съ присовокупленіемъ замѣчаній о состояніи Стратегіи во второй половинѣ XVIII столѣтія), Бюлова, Жюмни (въ его первомъ стратегическомъ твореніи) Эрцгерцога Карла и Ронья.

Какъ уже сказано, мы не можемъ останавливаться на этихъ извлеченіяхъ, которыя впрочемъ всѣ сдѣланы съ знаніемъ дѣла, благоразумнымъ выборомъ, и при всей своей краткости, отличаются большею ясностію и опредѣлительностію. Предметомъ нашего разсужденія будутъ только замѣчанія и мнѣнія самаго Г. Богдановича.

1) О Ллойдѣ.

Г. Богдановичъ очень справедливо замѣчаетъ, что этотъ писатель (краткая біографія его и другихъ авторовъ помѣщена въ запискахъ), главныя свои идеи объ искусствѣ вести войну (*Mémoires politiques et militaires*),

почерпнулъ изъ двухъ, совершенно различныхъ періодовъ: изъ войнъ въ концѣ XVII столѣтія, и походовъ Фридриха Вел. Отъ этого, при изложеніи своихъ стратегическихъ правилъ, Ллойдъ неоднократно впалъ въ явные противорѣчія. Такъ наприм. въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: что опасно удаляться отъ своей базы болѣе какъ на четыре марша, а въ другомъ совѣтуетъ дѣйствовать со всевозможною быстротою и дѣятельностію; здѣсь онъ совѣтуетъ стѣснить непріятеля, дѣйствующаго по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ, на одну; тамъ, воспользовавшись его раздѣленіемъ, разбить его по частямъ. Главная же и основная идея Ллойда о важности сообщеній вытекаетъ изъ его убѣжденія въ зависимости дѣйствія войскъ отъ ихъ магазиновъ. Посему, если бы этой зависимости вовсе небыло, или же если бъ она уменьшилась, то и большую часть правилъ Ллойда нельзя бы было примѣнить къ дѣлу.

2) О стратегическомъ искусствѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Въ этомъ отдѣленіи Г. Богдановичъ разсуждаетъ, какъ ложно многіе современники Фридриха Вел. смотрѣли на славные воинскіе подвиги его, не считая ихъ слѣдствіемъ генія и индивидуальнаго характера вѣнценоснаго героя, а искусства его воспользоваться слишкомъ осторожнымъ и нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій своихъ противниковъ. Такъ какъ король часто достигалъ своей цѣли посредствомъ отважныхъ предпріятій на пути со-

общенія непріятеля и часто, со слабыми силами занимающія превосходныя позиціи, держалъ въ бездѣйствіи многочисленныя непріятельскія арміи, то его современники стали высоко цѣнить важность коммуникаціи и занятія всѣхъ сильныхъ тактическихъ пунктовъ. Они начали растягивать свои силы, чтобы прикрыть свои собственныя линіи сообщенія, угрожать непріятельскимъ и имѣть въ своихъ рукахъ всѣ точки, способныя къ упорной оборонѣ. Такъ, въ особенности у Австрійцевъ, составилась пресловутая *кордонная система*, въ слѣдствіе которой арміи, растягиваясь линіею отдѣльныхъ корпусовъ и постовъ, на 100 верстъ и болѣе, старались все прикрыть, вездѣ дѣйствовать, а въ самомъ дѣлѣ ничего не прикрывали, и нигдѣ не могли дѣйствовать съ надлежащею силою. Война за наслѣдство Баварскаго престола по видимому оправдала кордонную систему; пораженія, нанесенныя Императору Іосифу II Турками, не поколебали ее; и такъ придерживались ей также союзныя арміи, дѣйствовавшія противъ Франціи во время революціи.

Тогда въ 1796 году, въ Италиі явился юный герой Бонапарте и побѣдилъ своихъ противниковъ, большею частію удрученныхъ лѣтами и до педантизма преданныхъ старинной системѣ, своею силой и предприимчивостью, быстрымъ, внезапнымъ сосредоточиваніемъ своихъ силъ на важнѣйшихъ пунктахъ, неутомимымъ преслѣдованіемъ побѣжденныхъ, наконецъ учрежденіемъ реквизиціонной системы для продовольствованія войскъ, въ слѣдствіе которой уменьшилась зависимость ихъ отъ магазиновъ и дѣйствія сдѣлались болѣе быстрыми и рѣшительными.

Но долгое время этотъ энергическій способъ вести войну не могъ вытѣснить старшаго. Даже явившіяся тогда гениальныя сочиненія Бюлова (духъ новой военной системы, походы 1800 и 1805 годовъ), не смотря на общее удивленіе, ими произведенное, въ сущности своей были только объясненія выгодъ кордонной системы и важности коммуникаціи.

3) О Бюловѣ.

Признавая опаснымъ слишкомъ значительное отдѣленіе арміи отъ своей базисы, если она, на основаніи правилъ Ллойда, состоитъ изъ одного только пункта, Бюловъ совѣтуетъ имѣть базисомъ линію составленную изъ нѣсколькихъ пунктовъ; болѣе или менѣе значительныя выгоды такой линіи будутъ зависѣть отъ ея вогнутого или выпуклаго, длиннаго или короткаго расположенія. Тогда при наступательныхъ дѣйствіяхъ, полководецъ долженъ стараться обезпечить сообщеніе съ этою линіею; а при отступленіи сколь можно болѣе избѣгать битвъ, даже посредствомъ эксцентрическаго направленія своихъ колоннъ и угроженія сообщеніямъ непріятеля, занимая фланговыя позціи и дѣйствуя въ тылъ его отдѣльными корпусами.

Вполнѣ преданный этой своей любимой идеѣ, Бюловъ забываетъ что многія другія обстоятельства, наприм. свойство мѣстоположенія театра войны, относительныя силы, устройство и мужество войскъ, политическія отношенія и т. д. имѣютъ стольже великое, если еще не большее, вліяніе на военныя дѣйствія, какъ сообщенія;

что не всегда можно избѣжать сраженія съ преслѣдующимъ насъ, превосходнымъ въ силахъ неприятелемъ и не вездѣ дѣйствовать на его коммуникаціи. По этому система, предлагаемая Бюловымъ рѣдко можетъ принести пользу, а чаще того, по совѣту его разъединять силы, будетъ приносить вредъ. Хотя въ 1812 году Кутузовъ и рѣшилъ исполнскую борьбу съ Наполеономъ, занявъ фланговую позицію при Тарутинѣ, и разрѣзавъ пути сообщенія и отступленія Французовъ, но онъ поступилъ такимъ образомъ вовсе не слѣдуя системѣ Бюлова, а благоразумно пользуясь предшествовавшими событіями, которые едвали скоро могутъ повториться.

4) О первомъ стратегическомъ сочиненіи Жомини. (*Traité des grandes opérations militaires*).

Система, изложеніемъ которой Генералъ Жомини началъ свое блистательное военно-литературное поприще, было совершенно противоположна системѣ Лойда и Бюлова. Онъ основалъ ее не на умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, а на историко-критическомъ изысканіи важнѣйшихъ походовъ Фридриха Вел. и Наполеона. Жомини первый изъ стратегическихъ писателей показалъ на измѣненіе въ способѣ веденія войны, явившееся въ новѣйшее время, а именно на рѣшеніе войнъ битвою, а не маневрами противъ неприятельскихъ сообщеній. Это вѣрное, сообразное съ временемъ постиженіе предмета, умъ, господствующій въ изложеніи его, ясный и легкій слогъ вскорѣ доставили творенію Жомини громкую славу, а ему самому имя оракула военной науки. Генералъ Медель

называетъ его даже основателемъ новѣйшаго военнаго искусства, и низвергателемъ кордонной системы и многихъ другихъ вредныхъ предразсудковъ. Но эта система и эти предразсудки были уже прежде низвергнуты исполнскими подвигами Наполеона.

Въ первой стратегической системѣ Жоинни владычествуютъ двѣ главныя идеи, почерпнутыя изъ военныхъ дѣяній Фридриха II и Наполеона: удерживаніе за собою внутреннихъ операціонныхъ линій и сосредоточиваніе сколь можно большей массы войска для битвы. Оба эти основанія справедливы; но авторъ, какъ это обыкновенно бываетъ, слишкомъ привязанный къ своимъ мнѣніямъ, старается приписать ихъ ко всѣмъ возможнымъ военнымъ предпріятіямъ, не смотря на то, что оба вышеозначенные способа дѣйствій произтекли отъ исключительныхъ тогдашнихъ политическихъ и военныхъ обстоятельствъ. Фридрихъ Вел. принужденный бороться съ тремя окружающими его государствами, изъ коихъ каждое было сильнѣе и пространнѣе его королевства, не могъ иначе дѣйствовать, какъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ и избавиться отъ опасности, то осторожною обороною, то смѣлымъ нападеніемъ. Бонапарте, въ 1796 году, командуя арміею, которая въ числѣ, военной опытности и устройствѣ далеко уступала неприятельской, долженъ былъ сражаться массою, какъ уже прежде его, съ успѣхомъ поступали другіе республиканскіе Генералы. Но Фридрихъ и Наполеонъ своими успѣхами одолжены болѣе своему гению и ошибкамъ своихъ противниковъ, нежели превосходству избранныхъ ими системъ дѣйствія,

и въ другихъ обстоятельствахъ вѣроятно поступали бы другимъ образомъ.

Если съ этими неосновательными воззрѣніями Генерала Жюмпи, мы соединимъ малое вниманіе, которое онъ обращаетъ на важность сообщеній, на вліяніе мѣстности и другія обстоятельства, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ его противниковъ, «что система его односторонна.»

5) Объ Эрцгерцога Карла и его сочиненіи:
Основаніе Стратегіи, и Исторіи компаній 1799-го года
въ Германіи и Швейцаріи.

Со времени перваго его вступленія на поприще войны, Эрцгерцогъ Карлъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ, а стратегическія его сочиненія почитались образцовыми. Генералъ Клаузевицъ, со свойственнымъ остроумнымъ аристофаническимъ воззрѣніемъ на предметы военные, первый началъ критиковать дѣянія и сочиненія Эрцгерцога, и такъ какъ даже вѣлчайшіе вожди и умѣйшіе писатели могутъ иногда ошибиться, то Клаузевицъ воспользовался нѣкоторыми ошибками, замѣченными въ кампаніяхъ, и стратегическихъ правилахъ Эрцгерцога, чтобы вооружиться противъ всей его системы. Многіе изслѣдователи военныхъ наукъ считаютъ Клаузевица самымъ основательнымъ и глубокомысленнымъ военнымъ писателемъ, посему и число критиковъ Эрцгерцога быстро увеличилось; къ нимъ принадлежитъ также Генералъ Медемъ, слѣдовательно и Г. Богдановичъ.

Мы уже сказали прежде, что не имѣем намѣренія разбирать стратегическія системы, о которыхъ говорить Г. Богдановичъ въ своихъ «запискахъ». По этому мы не станемъ защищать творенія Эрцгерцога Карла. Повторяемъ только, что знаменитый авторъ «Основаній Стратегіи» въ своей книгѣ вовсе не думалъ излагать полную теорію военной науки. Въ качествѣ Австрійскаго полководца, онъ для Австрійскихъ офицеровъ хотѣлъ сдѣлать объясненіе на два замѣчательные похода, въ которыхъ онъ самъ предводительствовалъ арміею, и изъ которыхъ онъ извлекъ правила для могущихъ быть новыхъ войнъ съ Французами. Это лично пояснилъ намъ самъ Эрцгерцогъ Карлъ, и потому мы оставляемъ безъ вниманія то, что говорить о немъ несправедливая, односторонняя критика *).

6) О Ронья

въ своемъ сочиненіи «*Considérations sur l'art de la guerre*», согласуясь съ мнѣніями Ллойда и Бюлова въ важности сообщеній, считаетъ главными правилами военныхъ дѣйствій: при наступленіи обезопасить свои линіи сообщенія, а при оборонѣ — угрожать непріятельскимъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ ссылагается на походы Наполеона, и не одобряя его дѣйствія, ста-

(*) Авторъ сей рецензій началъ свое военное поприще въ 1809 г. въ Австрійской службѣ, подъ знаменами Эрцгерцога Карла. Послѣ того, въ чинахъ Русскаго Полковника и Генерала, онъ неоднократно имѣлъ честь бесѣдовать съ сѣдомасымъ героемъ въ Вѣнѣ; а не за долго до кончины Эрцгерцога, получылъ отъ него, при обязательномъ письмѣ (отъ 13 Марта 1847 года) полное собраніе его сочиненій.

рается доказать — что неудачи Французовъ проистекли отъ несоблюденія изложенныхъ выше стратегическихъ правилъ; а успѣхами своими они обязаны малодушію и ошибкамъ своихъ противниковъ, которые обыкновенно сдѣлали заключить миръ тогда, когда всѣ обстоятельства благоприятствовали продолженію войны. Тамъ гдѣ непріатели Наполеона готовы были защищаться до послѣдней крайности, какъ наприм. въ Испаніи и Россіи, Французскія арміи претерпѣвали неминуемое поражение.

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ронья много справедливаго; но, говоря въ своемъ сочиненіи въ главѣ «*Métaphysique de la guerre*», такъ обстоятельно о необходимости возбужденія энтузіазма въ войскѣ, онъ забываетъ говорить объ одушевленіи народа, и Г. Богдановичъ справедливо замѣчаетъ, что бѣдствія, испытанныя Наполеономъ въ 1812 году, произошли не столько отъ его стратегическихъ ошибокъ, сколько отъ того, что онъ не постигъ высокаго, твердаго духа Императора Александра, и безпредѣльной къ нему преданности Русскихъ.

Видѣсто отважнаго, сосредоточеннаго нападенія, которое въ 1812 году, такъ худо удалось Французамъ, Ронья совѣтуетъ дѣйствовать осторожно, методически. Разумеетсяъ, такое дѣйствіе менѣе опасно, но за-то оно не даетъ никакихъ блестящихъ результатовъ; такія мѣры конечно можеть предложить Инженерный Генералъ, но все такъ это ничто иное, какъ полумѣры.

Жаль, что Г. Богдановичъ, весьма справедливо обсуждающій систему Ронья, не обратилъ никакого вниманія на мнѣніе его объ устройствѣ укрѣпленныхъ лаге-

рей при первостепенныхъ крѣпостяхъ. Такіе лагеря могутъ служить не только пунктами сосредоточиванія войскъ, но и временными базисами и точками опоры или убѣжища въ несчастныхъ случаяхъ. Пруссія на своемъ разединенномъ, растянутомъ, въ высшей степени невыгодномъ географическомъ положеніи, получила всю пользу, происходящую отъ подобныхъ лагерей и строила ихъ почти во всѣхъ своихъ провинціяхъ.

Системою Ронья оканчивается 1-е отдѣленіе 1-й части записокъ Г. Богдановича, или обзоръ тѣхъ стратегическихкихъ писателей, системы коихъ основапы на какомъ либо отдѣльномъ началѣ сей науки. Мы уже видѣли, что Г. Богдановичъ всѣхъ ихъ признаетъ односторонними и неудовлетворительными. Теперь перейдемъ къ изслѣдованію тѣхъ авторовъ, которые имѣютъ цѣлю, распространить объемъ науки и согласить противорѣчія, находящіяся въ прежнихъ системахъ

Ч А С Т Ъ I.

О т д ѣ л е н і е 2-е.

7) О сочиненіи Ксиландера (Стратегія и ея примѣненія).

Подъ названіемъ «Стратегія» Ксиландеръ разумѣетъ «искусство совокупнаго употребленія военныхъ средствъ для достиженія общей цѣли войны.» Стратегія, по его мнѣнію опредѣляетъ, гдѣ должно располагать войска, двигать ихъ и дѣйствовать ими, для достиженія *общей цѣли войны*, а Тактика, какимъ именно образомъ дол-

жны располагаться, двигаться и действовать войска, для достиженія *предположенной цели бол.*

Въ самомъ началѣ своей книги, разсуждая объ опредѣленіи стратегическихъ пунктовъ, Ксиландеръ говоритъ, что Стратегія не можетъ предлагать общихъ законовъ для военныхъ дѣйствій, однако можетъ указывать на нѣкоторыя главныя пачала, для извлеченія изъ нихъ правилъ, какъ поступать въ безконечно различныхъ случаяхъ, на войнѣ встрѣчающихся. По нашему мнѣнію, это самое неопредѣлительное опредѣленіе Стратегіи и Г. Богдановичъ справедливо обращаетъ мало вниманія на него и на другія, довольно странныя мнѣнія Ксиландера; наприм. на мысль, что базиса на Дунаѣ зависитъ отъ базиса на Вислѣ и т. п. Да и вся стратегическая система Ксиландера ничто иное, какъ компиляція системъ другихъ писателей. Такъ у Эрцгерцога Карла заимствуетъ онъ воззрѣніе на базису, стратегическіе пункты и линіи, на ихъ обезпечиваніе, на операціонные пути, на образъ дѣйствія при превосходномъ и недостаточномъ числѣ военныхъ силъ. Мысль о концентрическомъ направленіи колоннъ при нападеніи и фланговыхъ позиціи при отступленіи, почерпаетъ онъ у Бюлова; мнѣніе о средоточеніи войскъ для битвы и предупрежденій непріятеля взяты у Жомини и т. д. Принадлежащихъ собственно автору правилъ не много, и онѣ неудовлетворительны и несогласны съ мнѣніемъ другихъ стратегическихъ писателей.

8) О Водокуръ.

Не счастливыѣ Ксиландера былъ плодотворный фран-

цузскій военный писатель, Генералъ Водонкуръ, который во многочисленныхъ своихъ твореніяхъ старается изъ сочиненій другихъ авторовъ составить одну полную, общепримѣняемую систему Стратегіи. Большую часть своихъ основаній заимствовалъ онъ у Эрцгерцога Карла; ему же самому принадлежитъ только темное опредѣленіе Стратегіи: «что она есть наука военныхъ соображеній», и другія, тому подобныя положенія.

9) О второмъ стратегическомъ сочиненіи Жюини, «Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre» и новѣйшей редакціи этого же творенія, «Précis de l'art de la guerre.»

Генералъ Жюини, послѣ собственныхъ размышленій и изученія произведеній другихъ авторовъ, увидѣлъ недостатки своей первой системы Стратегіи и со свойственнымъ ему остроуміемъ и основательностію приступилъ къ ея измѣненію и усовершенствованію. Въ видѣ вступленія во второе свое сочиненіе, онъ помѣстилъ важное примѣчаніе: «что огромная драма войны, подверженная вліянію многообразныхъ нравственныхъ и вещественныхъ обстоятельствъ, не можетъ подлежать математическому расчету. Но что она имѣетъ немногія основныя начала, которыхъ соблюденіе всегда сопровождалось успѣхами; а отклоненіе отъ коихъ постоянно подвергалось неудачѣ. «Человѣкъ съ природными способностями», продолжаетъ Жюини, «слѣдуя внушеніямъ генія, можетъ примѣнить эти основныя начала и безъ пособія теоріи. Но съ другой стороны — основательная теорія можетъ

отчасти замѣнить природныя способности и послужить въ пользу даже гениальному человѣку, внушая въ него твердую увѣренность въ непогрѣзительности его соображеній.»

Изъ всѣхъ теорій веденія войны, по мнѣнью Жюмнини, можетъ считаться полезною только та, которая бывши основана на изученіи военной Исторіи, допускаетъ нѣкоторыя постоянныя начала, оставляя гению наибольшую свободу. Во всѣхъ же искусствахъ, *знаніе* и *умльнiе* суть двѣ вещи совершенно разныя: соединеніе ихъ доставляетъ несомнѣнное превосходство и можетъ служить вѣрною порукою въ успѣхъ; но должно заботиться не о томъ, чтобы *знать много*, а чтобы *знать основательно*.

Мы могли бы, ссылаясь на то, что нами сказано во введеніи къ нашей рецензіи о Польской компаніи 1831 года, предложить вопросъ: какіе именно неопровержимые законы можетъ представить Стратегія, и до какой степени сухая, съ трудомъ выучепная теорія можетъ замѣнить природнаго гениа? Но не желая подражать Клаузевицу, мы оставимъ эти сомнѣнія, и лучше признаемъ неоспоримое достоинство сочиненія Жюмнини и превосходство извлеченія, сдѣланнаго изъ него Г. Богдановичемъ. Впрочемъ Жюмнини предлагаетъ какъ основныя правила для военныхъ дѣйствій «устремлять главную массу силъ на важнѣйшій пунктъ театра войны и дѣйствовать ею тамъ искуснѣйшимъ образомъ, не теряя сообщенія съ базисомъ и не подвергая опасности путь отступленія; предпочитать *простыя* операціонныя линіи

двойнымъ, и внутреннїя внѣшнимъ; двигаться, при отступленїи въ массѣ и по прямому направленію, хотя иногда можно занять также фланговыя позиціи и даже отступать параллельно съ границею.»

Ясно, что Генералъ Жюмви старался собственныя свои воззрѣнія согласить съ мнѣніями другихъ стратегиковъ, не противорѣча своему главному правилу необходимости сосредоточиванія войскъ для сраженія.

Ч А С Т Ъ І І .

О т д ѣ л к н і е 1-е.

10) Правила и мысли Наполеона, относительно военнаго искусства, военной Исторіи и военнаго дѣла.

Многіе изъ насъ вѣроятно помнятъ вниманіе, которое производило въ 1823 и 1826 годахъ, появленіе: Записокъ Наполеона на островѣ Св. Елены, изданныя Генералами Гурго и Монтолонъ и Графомъ Ласъ - Казомъ. Эти творенія казались тогда тѣмъ болѣе интересными, что тревожный періодъ, грозный племенемъ великаго завоевателя, былъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Не будемъ здѣсь изслѣдовать: удовлетворено ли было ожиданіе читателей; соответствовали ли эти сочиненія величію героя, ихъ диктовавшаго? Ихъ историческій и политическій интересъ значительно уменьшился отъ хода временъ и событій, и теперь только военная наука находитъ въ нихъ для себя пищу. И дѣйствительно, не въ высшей ли степени любопытно для нея все то, что мыслилъ и говорилъ о

ней величайшій вождь нашихъ времявъ? Но трудно было отыскивать замѣчанія Наполеона, о военномъ дѣлѣ и способѣ вести войну, такъ онѣ были разбросаны и разъединены въ вышеозначенныхъ сочиненіяхъ. Виртембергскій Полковникъ Каулеръ, уже прославившійся многими полезными военными изданіями, принялъ на себя тяжкій трудъ выбрать изъ этихъ записокъ и другихъ сочиненій о Наполеонѣ, всѣ важнѣйшія мысли и правила, относящіяся къ военному искусству, и, въ 1827 году издалъ ихъ подъ заглавіемъ: «*Основныя правила, мысли и замѣчанія Наполеона, о военной наукѣ, военной исторіи и военнаго дѣла.*» Такимъ образомъ Наполеонъ сдѣлался стратегическимъ писателемъ, и изъ его разкиданныхъ, на лету схваченныхъ идей была составлена любопытная и важная, но все-таки запутанная система. Г. Богдановичъ, сдѣлавъ изъ нея богатое содержаніемъ извлеченіе, къ которому мы отсылаемъ нашихъ читателей, желающихъ познакомиться съ воззрѣніями новаго Цесаря на военное искусство.

Изъ общаго вывода Г. Богдановича мы видимъ, что и Наполеонъ, по опыту знавшій зависимость военныхъ комбинацій и предпріятій отъ различныхъ обстоятельствъ, признаетъ совершенную невозможность теоретическаго изученія высшаго военнаго искусства и составленія постоянныхъ правилъ веденія войны. Онъ утверждаетъ также, что только въ самой войнѣ и изученіи походовъ великихъ полководцевъ, можно найти средства для усовершенствованія себя въ военныхъ наукахъ. Одно только правило казалось Наполеону неопровержимо вѣрнымъ и

основательнымъ: быстро и рѣшительно дѣйствовать сосредоточенными силами.

Считаемъ излишнимъ говорить о высокомъ достоинствѣ идей Наполеона. Онѣ доказаны самымъ авторитетомъ великаго мужа, его вѣрнымъ военнымъ взглядомъ и его изумительною опытностію.

11) О СТРАТЕГИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ДЕКЕРА.

Въ 1828 году Пруссій артиллерійскій Генералъ Декеръ издалъ свои: «Основанія практической Стратегіи.» Въ предисловіи ихъ онъ также упоминаетъ, «что трудъ его не есть систематическое изложеніе Стратегіи, а только объясненіе формъ и духа высшихъ военныхъ соображеній, въ видѣ — такъ сказать — намековъ»

Эти намеки ничто иное, какъ распространенное изложеніе мысли Наполеона о невозможности теоретическаго изученія Стратегіи. Доказавъ шаткость всѣхъ прежнихъ стратегическихъ системъ, Генералъ Декеръ старается замѣнить ихъ менѣе односторонними выводами, основанными на историческихъ примѣрахъ. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ наводитъ читателя на мысль: «что основательное изученіе высшей части военнаго искусства не въ правилахъ, выведенныхъ изъ одного какого либо начала, а въ умѣннн соображать всѣ начала, могущія оказывать вліянія на успѣхъ дѣйствія.» Такъ наприм. признавая важность вліянія крѣпостей, Декеръ не считаетъ ихъ однако же достаточными для охраненія государства, а принимаетъ ихъ за вспомогательное средство, весьма полезное для того, кто имѣетъ армію, дѣйствующую въ

ногъ. При наступательныхъ дѣйствіяхъ, авторъ совѣтуетъ сохранить въ тайнѣ свои намѣренія и стремиться преимущественно къ уничтоженію непріятельскихъ силъ; при оборонительныхъ дѣйствіяхъ — не дѣлать того, чего желаетъ противникъ; стараться противодѣйствовать его покушеніямъ и переходить къ наступленію при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ.» Подобнымъ образомъ Декеръ не признаетъ необходимости базисы, и условій отъ ней требуемыхъ нѣкоторыми теориками, и вездѣ отдаетъ преимущество соображеніямъ, основаннымъ на вліяніи нравственнаго начала (характера и искусства полководца; духа и образованія войскъ) надъ расчетами, основанными на одномъ вещественномъ началѣ.

Все это придаетъ большія достоинства сочиненію Декера; но къ сожалѣнію не всѣ его части по надлежащему обработаны. Весьма часто авторъ впадаетъ въ одностороннія и даже противорѣчающія правила. Такими Г. Богдановичъ считаетъ, наприм. что Декеръ при раздѣленіи войскъ на части, въ одномъ мѣстѣ совѣтуетъ, давать имъ такое направленіе, которое позволило бы сосредоточивать силы; а въ другомъ отступать, при слабости въ силахъ, по расходящимъ путямъ. Мы не раздѣляемъ мнѣніе Г. Богдановича, и въ этомъ пунктѣ соглашаемся съ Генераломъ Декеромъ, ибо мы убѣждены, что только, слѣдуя этому правилу, значительныя отступающія войска могутъ ввести въ обманъ непріятеля на счетъ принятаго ими направленія и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, разбить его; и что тогда только слабыя войска могутъ избѣгнуть истребленія. Мы также

поспоримъ съ Г. Богдановичемъ на счетъ того, что онъ опровергаетъ мысль Декера — «что маневры суть только средства для вступленія въ бой.» — Въ опроверженіе сего Г. Богдановичъ приводитъ въ примѣръ войну 1812 года, говоря что судьба ея была рѣшена напередъ. Г. Богдановичъ тутъ явно противорѣчитъ тому, что онъ самъ говорилъ выше о характерѣ Императора Александра и Русскаго народа. Гораздо справедливѣе замѣчаніе его на счетъ главнаго Декерова правила «направляться туда, гдѣ это будетъ чувствительнѣе для противника», что оно не подлежитъ сомнѣнію, но не опредѣляетъ ни чего, и потому самому не можетъ принести ни какой пользы

12) О Вагнерѣ.

Этотъ писатель, во второмъ, совершенно передѣланномъ изданіи своего сочиненія: «Исслѣдованія и практическіе выводы относительно войны и веденія ея», полагаетъ, что Стратегія, по разнообразію и многочисленности входящихъ въ нее элементовъ, не можетъ быть изложена въ видѣ общихъ безусловныхъ правилъ, но что, устранивъ вліяніе одного изъ главнѣйшихъ началъ науки, *политическаго*, Стратегія можетъ принять видъ теоріи.» По этой причинѣ Вагнеръ раздѣляетъ Стратегію на двѣ части: чистую и прикладную. Въ первой разсматриваетъ онъ правила веденія войны независимо отъ вліянія политическихъ обстоятельствъ; вторая часть заключаетъ въ себѣ критическое изслѣдованіе многихъ походовъ, при чемъ были приняты во вниманіе политиче-

скія обстоятельства, въ которыхъ находились военачальники и государства участвовавшія въ дѣйствіяхъ. Но, какъ успѣхъ войны зависитъ, кромѣ политики, и отъ многихъ другихъ началъ, то авторъ, раздѣливъ каждый изъ способовъ дѣйствій на нѣсколько случаевъ и разсмотрѣлъ каждый изъ нихъ отдѣльно. Наступательную войну раздѣляетъ онъ на два вида: *методическую* и *нашествіе*; оборонительную же войну рассматриваетъ онъ во многихъ видахъ, по различію причинъ, заставляющихъ ограничиться обороною. Нельзя однако же не замѣтить, что этотъ способъ изложенія теоріи имѣетъ свои особенныя неудобства, ибо не возможно ни предугадать, ни опредѣлить съ точностію, столь многоразличное вліяніе началъ, входящихъ въ соображенія полководца; и подверженныхъ безчисленнымъ измѣненіямъ отъ сочетанія этихъ началъ, въ различной мѣрѣ и различныхъ обстоятельствахъ. Недостаточность теоріи автора, всего убѣдительнѣе доказывается собственными мыслями его о полководцѣ; изъ которыхъ можно видѣть, какую важность приписываетъ онъ вліянію личныхъ свойствъ полководца; но это вліяніе не подлежитъ ни какимъ точнымъ расчетамъ.

Ч А С Т Ъ П.

О т д ѣ л е н і е 2-е.

Въ началѣ этого отдѣленія помѣщена выписка изъ знаменитаго произведенія *Прусскаго Генерала Клаузевица* — «*о войнѣ*», и рассужденіе объ этомъ сочиненіи, которое впрочемъ, какъ и другіе творенія Клаузевица (походъ

1796 года въ Италіи, походъ 1799 года въ Италіи и Швейцаріи, замѣчанія на войну 1812, 13, 14, и 15 годовъ и пр.), вышли въ свѣтъ уже послѣ кончины автора. Онъ самъ считалъ ихъ неоконченными, и вѣроятно въ послѣдствіи передѣлалъ бы ихъ.

«Война», говорятъ Клаузевицъ, «есть поединокъ между двумя государствами, имѣющей цѣлю покорить противника силою. Такимъ образомъ, война есть ни что иное, какъ средство для достиженія какой либо политической цѣли: чѣмъ эта цѣль важнѣе, чѣмъ большихъ способовъ и усилій требуетъ ея достиженіе, — тѣмъ война будетъ рѣшительнѣе, и на оборотъ. Если дѣло идетъ о существованіи государства, то придется употребить всевозможныя усилія для достиженія предположенной цѣли, и война приметъ самый рѣшительный характеръ. Напротивъ того, иногда бываетъ достаточно вооруженнаго нейтралитета, при которомъ не дѣйствуемъ, а только выказываемъ свои силы.»

«Для достиженія цѣли войны — покоренія противника, требуется: въ 1-хъ уничтожить (или обезсилить) его войска; во 2-хъ занять его землю; въ 3-хъ покорить его волю, заставляя его согласиться на наши требованія. Если истребленіе вооруженныхъ силъ и занятіе страны противника недостаточны къ побужденію его къ согласію на наши требованія, то ничего не остается болѣе, какъ продолжая войну, убѣдить на самомъ опытѣ непріятеля въ томъ, что потери его, сопряженныя съ дальнѣйшимъ продолженіемъ борьбы, превзойдутъ требуемыя нами уступки.»

«Ежели же ведя войну, ниѣмъ въ виду утомить противника и истощать его силы продолжительнымъ сопротивленіемъ, ограничиваясь неважными успѣхами, то ведемъ войну оборонительную. Такой образъ войны подаетъ слабѣйшей сторонѣ средства выиграть время; но дѣйствуя оборонительно, можно достигнуть только отрицательныхъ результатовъ, и напротивъ того, дѣйствуя наступательно, приобрести положительныя выгоды. Во всякомъ случаѣ, важнѣйшимъ средствомъ для достиженія войною предложенной политической цѣли — есть бой.»

Въ этихъ словахъ заключается вся стратегическая система Генерала Клаузевица, во многихъ отношеніяхъ заимствованная у Жюмпи и Декера. Только онъ къ этому присовокупляетъ нѣсколько натянутый выводъ, что «если мы достигнемъ какой либо цѣли военной и безъ боя, отъ опасенія противника вступить съ нами въ бой, то это всё равно, какъ если бы мы достигли цѣли посредствомъ боя.»

Обращая на извлечение Г. Богдановича читателей, желающихъ подробнѣе познакомиться съ дальнѣйшими стратегическими правилами Генерала Клаузевица, которые хотя всё основаны на здоровой логикѣ, но иногда оказываются отвлеченными, мы замѣтимъ, что и этотъ гениальный писатель признаетъ вредъ методическаго изученія военнаго искусства и невозможность постоянныхъ правилъ веденія войны, а не менѣе того самъ опредѣляетъ таковыхъ. Такъ наприм. онъ говоритъ «что Стратегія есть искусство употреблять бой для достиженія цѣли

войны»; но это опредѣленіе не исполнѣ удовлетворительно и подвергается многимъ измѣненіямъ. Также не положительно слѣдующее правило: предметы, оказывающіе вліянія на успѣхъ дѣйствій, могутъ быть отнесены къ одному изъ основныхъ началъ или-элементовъ Стратегіи. Разсмотрѣніе этихъ началъ можетъ облегчать оцѣнку ихъ относительной важности; но весьма ошибочно поступилъ бы тотъ, кто сталъ бы выводить правила изъ отдѣльнаго разсмотрѣнія началъ, потому что всѣ они оказываютъ вліяніе не отдѣльно, но въ совокупности.

Мы слишкомъ бы распространились, если бы выставили все, что справедливо замѣчаетъ Г. Богдановичъ на счетъ Клаузевица; какъ наприм. на счетъ существованія двухъ стратегическихъ элементовъ — нравственнаго и вещественнаго; на счетъ вооруженныхъ силъ (*Streitkräfte*) и всего, что къ нимъ принадлежитъ: силы и состава войскъ; расположенія арміи въ стратегическомъ отношеніи; движенія войскъ, квартиръ, продовольствованія, операціонной базисы, коммуникаціонныхъ линій и т. д., на счетъ дѣйствій оборонительныхъ и наступательныхъ, причемъ авторъ, отдаетъ преимущество первымъ; наконецъ, на счетъ раздѣленія всѣхъ дѣйствій вообще на два главные рода: рѣшительный и нерѣшительный, принимая ихъ за двѣ противоположныя крайности (полюсы), между которыми можетъ существовать безконечное множество подраздѣленій.

Г. Богдановичъ, исполнѣ одобряя эти и другія правила Клаузевица, все таки находитъ въ нихъ иногда и противорѣчія; наприм. въ выше приведенномъ опредѣле-

ніи Стратегіи и въ совѣтѣ обходиться безъ боя, благо-
разумнымъ отступленіемъ во внутренность страны, въ
менѣе же важныхъ войнахъ предпочитать сраженію —
дѣйствіе на непріятельскія сообщенія. При томъ въ кни-
гѣ о войнѣ, попадаются и неосновательныя правила,
какъ наприм., мнѣніе автора о непосредственной обо-
роны рѣкъ; неясныя опредѣленія, наприм. *о центрѣ*
тяжести силъ непріятеля, или того пункта, на кото-
ромъ одержанная побѣда оказываетъ вліяніе на все про-
странство театра войны, и не довольно объясненныя об-
стоятельства, какъ то: вліяніе мѣстности на военныя
дѣйствія и важность сообщеній.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ сочиненія Генерала
Клаузевица, безъ сомнѣнія, принадлежать къ лучшимъ и
поучительнѣйшимъ произведеніямъ военной литературы.
Успѣхъ ихъ былъ повсемѣстенъ и публика охотно про-
стила автору темноту и отвлеченность нѣкоторыхъ его
идей, поверхность многихъ описаній и извѣтливость,
даже несправедливость критическихъ замѣчаній, помѣ-
щенныхъ въ Исторіи какъ вышеозначенныхъ, такъ и дру-
гихъ кампанійхъ, которыя явились подъ именемъ Клау-
зевица, но которыя многими считаются не ему принад-
лежащими.

13) О сочиненіи Генерала Барона Мелема:

«Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи.»

Это не большое, но любопытное произведеніе слу-
жило основаніемъ и руководствомъ для книги Г. Богда-

повича, которую можно назвать передѣлкою и распро-
страненіемъ первой. Въ сочиненіи Генерала Медема, так-
же содержится краткое обозрѣніе всѣхъ, доселѣ из-
данныхъ стратегическихъ системъ и указаній, отношенія
каждой изъ нихъ къ наукѣ вообще; также опредѣляется
вліяніе военныхъ событій и современныхъ понятій о во-
енномъ искусствѣ на эти сочиненія, и обратно; также
показывается односторонность каждой системы и невоз-
можность общихъ неизмѣнныхъ законовъ для Стратегіи.
Это мнѣніе раздѣляютъ вообще всѣ военные писатели,
а потому, главное достоинство книги Барона Медема, со-
стоитъ только въ явномъ призваніи несуществованія Стра-
тегіи въ видѣ науки и въ опредѣленіи, сообразной съ
этимъ признаніемъ, методы преподаванія ея въ Импера-
торской Военной Академіи. Всѣ прочія его замѣчанія,
взгляды и мнѣнія, за исключеніемъ нѣскольکو разстану-
таго сравненія Стратегіи съ врачебнымъ искусствомъ, на-
ходимъ мы и въ другихъ стратегическихъ сочиненіяхъ;
наприм. вліяніе не одного, а всѣхъ элементовъ военного
искусства на образъ веденія войны; зависимость военныхъ
дѣйствій отъ мѣстности и политики; необходимость изу-
ченія военной Исторіи и сочиненій лучшихъ военныхъ
писателей и т. д. Такимъ только изученіемъ и опытомъ,
говоритъ Генераль Медемъ, можно образовать изъ себя
хорошаго полководца, а не посредствомъ одной тео-
ріи или практикн. Мы не будемъ противорѣчить сему
мнѣнію, ибо незнаемъ на изученіи какихъ военныхъ Ис-
торій и стратегическихъ сочиненій были основаны под-
виги, Кира, Атиллы, Чингисхана, Тамерлана и другихъ

завоевателей; которыхъ однако нельзя считать простыми ратоборцами.

14) О сочиненіи Полковника Веллизена :

«Теорія большой войны.»

Цѣль этого новѣйшаго стратегическаго писателя, была, какъ мы уже замѣтили выше, соединеніе въ одну общую систему различныхъ теорій другихъ военныхъ авторовъ. Мы уже такъ много говорили о невозможности осуществленія этой идеи, что не станемъ теперь снова заниматься ею, тѣмъ болѣе, что разсужденія Г. Веллизена, также весьма односторонны, такъ наприм. вліяніе нравственныхъ началъ на веденіе войны не принято имъ въ соображеніе.

Довольно примѣчательно, что въ подтвержденіе своихъ правилъ; Г. Веллизенъ ссылается на Польскую войну 1831 года, не смотря на то, что въ ней были нарушаемы самыя основныя правила Стратегіи. Мы неотвергаемъ, что многое тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о военномъ искусствѣ и о помянутой войнѣ, обнаруживаетъ его свѣтлый умъ, вѣрный взглядъ и большую опытность въ военномъ дѣлѣ, но должно замѣтить, что Полковникъ Веллизенъ, слишкомъ мало входить въ объясненіе, на счетъ тайныхъ политическихъ пружинъ этой борьбы, и на счетъ характера, даже образа жизни полководцевъ, управлявшихъ ходомъ ея; хотя эти обстоятельства много объясняютъ тогдашнія событія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Приступаемъ теперь къ послѣдней главѣ разбираемаго нами сочиненія, въ которой помѣщенъ: Общій выводъ

автора, изъ разсмотрѣнія мыслей, о Стратегіи замѣчательнѣйшихъ военныхъ писателей.

Мы охотно съ особенною точностію и подробностію изслѣдовали бы этотъ выводъ, но не безъ причинъ, опасаясь слишкомъ распространить свою рецензію. Сверхъ того, въ этихъ заключительныхъ выводахъ Г. Богдановича, мы находимъ по большей части повтореніе всего, шмъ уже прежде сказаннаго. Здѣсь извлечемъ мы только самое достопримѣчательное и сдѣлаемъ на то нѣсколько возраженій.

Въ самомъ началѣ этой главы, Г. Богдановичъ говоритъ: Стратегія, въ настоящее время, какъ наука, сдѣлалась несравненно опредѣлительнѣе, нежели прежде. Теперь уже не подвержено сомнѣнію, что не возможно — ни выводить правила изъ разсмотрѣнія одного какого-либо начала — ни предлагать постоянныя правила для самыхъ дѣйствій. Но такое значеніе совершенно отрицательно; тѣмъ болѣе потому, что слова, которыя, далѣе авторъ приводитъ для возстановленія важности Стратегіи, «теорія ея ограничивается изслѣдованіемъ всѣхъ важнѣйшихъ началъ, оказывающихъ вліяніе на успѣхъ военныхъ дѣйствій, во взаимной связи ихъ между собою; обсужденіе же различныхъ средствъ, состоящихъ въ распоряженіи военачальника, и различныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ можетъ находиться, способствуетъ къ приобрѣтенію навыка военныхъ соображеній» — по огромной массѣ сихъ средствъ и обстоятельствъ, едва ли могутъ осуществиться. Г. Богдановичъ, кажется, самъ убѣжденъ въ этомъ, и потому снова повторяетъ объяс-

невіе, «что обсужденіе Исторіи походовъ, есть лучшее средство для изученія Стратегіи.» Обсужденіе это, продолжаетъ авторъ, убѣдить насъ, что въ Стратегіи, какъ и въ прочихъ наукахъ, основанныхъ на опытѣ, существуютъ нѣкоторыя несомнѣнныя истины, относящіяся къ сообразному съ обстоятельствами употребленію средствъ, состоящихъ въ распоряженіи полководца.

Попытаемся изслѣдовать истину сего опредѣленія. Г. Богдановичъ говоритъ: 1) Государство, пользуясь миромъ, должно быть постоянно готово, къ войнѣ; а для сего имѣть: хорошія воинскія учрежденія, какъ то: благоустроенную армію, средство къ снабженію войскъ всѣмъ необходимымъ для нихъ по части вещественной, и крѣпости, надлежащимъ образомъ расположенныя; должно озаботиться о поддержаніи воинскаго духа въ народѣ и войскахъ, политическихъ связей съ другими государствами и т. д. «Если бы Нидерландцы наблюдали всѣ эти условія въ періодѣ своихъ войнъ съ Людовикомъ XIV, а Императоръ Карлъ VI при постановленіи прагматической Сѣнкции, то Нидерландцы и Марія Терезія, небыли бы доведены до края погубленія.» Весьма справедливо, но также подвержено исключеніямъ. Мы видимъ изъ Исторіи, что и безъ соблюденія вышеозначенныхъ условій, характерная сила народа и геній одного великаго мужа, иногда торжествовали надъ сильнѣйшимъ и вполне готовымъ къ войнѣ непріателемъ. Приведемъ въ примѣръ возстаніе Сѣверо-Американцевъ противъ Англіи, Францію при началѣ революціи, борьбу Зулакареги съ Христиносами и ми. др.

2) Предполагая вести войну, необходимо составить планъ дѣйствій, соотвѣтствующій политическимъ обстоятельствамъ, цѣли войны и взаимнымъ силѣ и средствомъ воюющихъ сторонъ. Нельзя не вспомнить тутъ — чистые листы бумаги, отосланные Суворовымъ, Австрійскому Гофкригсрату вмѣсто требуемаго операціоннаго плана.

3) «При недостаткѣ силъ, должно вести войну оборонительную.» — Агезилай, Александръ Вел., Сиракузецъ Агаоклъ, Цесарь, Швейцарцы, Гусситы, Фридрихъ Великій и др. дѣйствовали иначе, и сильнѣмъ наступленіемъ поразили своихъ враговъ, которые гораздо были ихъ сильнѣе.

4) «Благонадежная базиса и безпечиваніе сообщеній съ нею, если не необходимы, то весьма полезны.» Припомнимъ движеніе Графа Дибича къ Адрианополю и Графа Паскевича къ Варшавѣ

5) «Какъ при оборонительныхъ, такъ и при наступательныхъ дѣйствіяхъ, войска должны имѣть опредѣленную цѣль. Главною цѣлью дѣйствій, при наступательной войнѣ могутъ быть: овладѣніе столицей или другимъ какимъ либо важнымъ пунктомъ непріятельской страны, истребленіе непріятельской арміи и т. д., въ оборонительной войнѣ: прикрытіе этихъ пунктовъ, защита удобнѣйшихъ для обороны предметовъ, мѣстности» и пр. Кажется, что наблюденіе перваго правила не пришлою особой пользы Французамъ въ Россіи и Испаніи, и что истребленіе непріятельскихъ силъ, должно быть главною цѣлю и въ оборонительной войнѣ.

6) «Въ продолженіе наступательнаго движенія отъ

базисы къ предмету дѣйствія, можно слѣдовать нѣсколькимъ колоннамъ, но главныя силы должно имѣть на настоящей операціонной линіи, или сосредоточить ихъ на ней предъ столкновеніемъ съ неприятелями; самое выгоднѣйшее направленіе пути дѣйствія есть прямое и кратчайшее, но слѣдуя по немъ, должно имѣть тылъ и фланги совершенно прикрытыми, учредить, по мѣрѣ подаванія впередъ, новыя базисы и пункты опоры» и пр. Если бы наши герои Италійскій и Варшавскій наблюдали всѣ эти игры предосторожности, то едва ли, такъ скоро и плодотворно окончили свои войны съ Турками, Персами и Поляками.

7) «Лучшими точками опоры въ наступательной и оборонительной войнѣ служатъ крѣпости.» Это не было доказано въ войнахъ 1806, 1807, 1814 и 1815 годовъ.

8) «Въ настоящее время ни одна изъ Европейскихъ арій не имѣетъ по образованію и нравственнымъ свойствамъ, такого рѣшительнаго преимущества надъ другими, какое имѣли въ древности Греки и Римляне. Отъ этого происходитъ важность перевѣса въ числительномъ отношеніи.» Впрочемъ, Г. Богдановичъ соглашается въ томъ, что и въ наше время храбрость и самоотверженіе войскъ, одушевленныхъ великими полководцами, иногда увѣщывали расчеты, основанные на сравненіи вещественныхъ силъ.

9) «Містность», но нужно ли продолжать эти возраженія на выводы Г. Богдановича, или лучше смазать, эти доказательства, «что не смотря на всѣ усилія его и другихъ авторовъ вывести противное, — Стратегія не

имѣть неопровержимыхъ и постоянныхъ правилъ, и что въ ней все зависитъ отъ времени, обстоятельствъ и искуснаго умѣнія ими воспользоваться.»

Но это обстоятельство, какъ уже выше замѣчено, ни сколько не уменьшаетъ важности изученія Стратегіи, и занимательность и пользу книги Г. Богдановича. И такъ, мы оканчиваемъ свое разсужденіе повтореніемъ того, что уже было сказано въ его началѣ: что хотя мы и не раздѣляемъ съ другими излишнее пристрастіе къ Стратегіи, но не сомнѣваемся въ выгодахъ, которыхъ знаніе ея можетъ доставить Генераламъ и Офицерамъ Генеральнаго Штаба и убѣждены въ томъ, что лучший способъ для ея изученія есть метода, принятая Г. Богдановичемъ и постоянное изслѣдованіе военной Исторіи. Мы несогласны съ нѣкоторыми только мнѣніями и выводами автора, но большую часть ихъ находимъ совершенно справедливыми и основательными, и не можемъ не хвалить: удачность его извлеченій изъ другихъ военныхъ писателей, краткость, ясность и опредѣлительность его способа изложенія. По всему сему, мы считаемъ его сочиненіе вполне удачнымъ, интереснымъ и полезнымъ, и еще однажды указываемъ на главнѣйшее его достоинство — что пособиемъ его, наши любознательные военные люди могутъ ознакомиться съ сущностію замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ стратегическихъ твореній, до селѣ почти вовсе неизвѣстныхъ въ Русской литературѣ.

Генераль-Лейтенантъ *Баронъ Зедделеръ.*

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-НА М. ЧИСТЯКОВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

КУРСЪ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ И. ДАВЫДОВЫМЪ.

Въ наше время наука и искусство уже болѣе не чуждаются другъ друга, идутъ рука объ руку : въ искусствѣ фантазія творитъ новый міръ, который разнится отъ дѣйствительнаго не формами, а только всеобщностью; въ наукѣ разумъ возсоздаетъ образы фантазій въ понятіяхъ. Законы созданія и возсозданія одинаковы и тождественны; на основаніи этого тождества, изъ искусства возникаетъ наука, свободное творчество духа приводится въ сознаніе, постигается, построивается въ понятіяхъ. Свести явленія дѣйствительности въ понятія, сознать ихъ возможность и необходимость при извѣстныхъ условіяхъ — есть задача всякой науки, рождающаяся изъ потребности духа человѣческаго. Такимъ образомъ раскрываются законы и въ созданіяхъ фантазій, которыя лишь только мы въ состояніи чувствовать; потому что разумъ, рѣшающій задачу о возможности какого либо явленія въ дѣйствительности, есть тоже самое чувство развитое, просвѣтлѣвшее, себя сознавшее. Мы сочувствуемъ художническимъ произведеніямъ, въ слѣдствіе прирожденныхъ духу нашему законовъ.

общихъ чувству и разуму. Если камень, брошенный случайно на воздухъ, образуетъ слѣдомъ своимъ въ воздушномъ пространствѣ правильную параболу, математически исчисляемую: то уже ли фантазія можетъ произвести что-либо безъ законовъ разума, высшаго проявленія чувства и фантазіи? Нѣтъ ничего яи въ природѣ, ни въ духѣ нашемъ, что не было бы построено по высочайшимъ, непреложнымъ законамъ: открытіе этихъ законовъ, или изслѣдованіе истинны, и составляетъ предметъ наукъ, какъ потребность духа человѣческаго. Нынѣ никто изъ мыслящихъ не думаетъ учить *поэзіи* или *краснорѣчію*; но никто также не сомнѣвается въ потребности *сознать* или *постигнуть* возможность художественныхъ произведеній, являющихся въ той или другой формѣ. Сознаніе, или постиженіе этой возможности и составляетъ науку Словесности.

Въ самомъ опредѣленіи значенія Словесности, ея содержанія и объема, встрѣчаемъ не только различныя, но даже противорѣчащія мнѣнія. Одни принимаютъ науку Словесности за изученіе теоретическое, другіе излагаютъ ее исторически. Въ историческомъ же изложеніи иные ограничиваютъ Словесность произведеніями Поэзіи и Краснорѣчія, а нѣкоторые въ область ея включаютъ всѣ сочиненія на языкѣ какого либо народа. Такое разнорѣчіе происходитъ отъ того, что названію Словесности придаются разныя значенія, или одно и то же значеніе разсматривается съ разныхъ сторонъ. Послѣ этого удивительно ли, что для одного и того же предмета находимъ мы сочиненія подъ названіями

и Изыщныхъ наукъ, и Словесныхъ изящныхъ искусствъ, и изящной Словесности, не говоря уже о Риторикѣ и Пштикѣ, частію по невѣжеству, частію по злоупотребленію, утратившихъ свое значеніе и пользу. Отъ неопредѣленности объема и содержанія Словесности находимъ въ составѣ ея предметы посторонніе, каковы: Психологія, Логика, Эстетика; напротивъ, предметы, существенно ей принадлежащіе, исключены изъ области Словесности, самые элементы ея излагаются безъ основной идеи и всякой послѣдовательности.

Для справедливаго и добросовѣстнаго разсмотрѣнія предложеннаго мнѣ Курса теоріи Словесности, я считаю необходимыми: во-первыхъ, изслѣдовать значеніе Словесности, вопросы, разрѣшаемые въ наукѣ Словесности и составляющіе ея объемъ и содержаніе; во-вторыхъ, начертанный планъ науки примѣнить къ разбираемому курсу; въ третьихъ, вывести заключеніе о достоинствѣ курса.

I. Умственная дѣятельность человѣка проявляется въ двухъ видахъ: въ *постиженіи* явленій въ природѣ и въ насъ самихъ происходящихъ, и въ *творчествѣ*, посредствомъ котораго идеальный міръ переходитъ въ міръ явленій. Духъ нашъ въ постиженіи помощью разума сводитъ явленія въ понятія; въ творчествѣ помощью фантазіи представляетъ идеи въ образахъ. Первая дѣятельность духа рождаетъ *науку*, вторая — *искусство*. Такъ въ наукахъ о природѣ умъ нашъ, открывая законы явленій, сводитъ дѣйствительное въ возможное. Наблюдая

н. пр. явленія воздушнаго электричества, постигаемъ законъ, при которомъ эти явленія возможны: и открытіе закона извѣстныхъ явленій есть уже собственность науки; зная возможность явленій, мы повелѣваемъ дѣйствительностью, всю природу построиваемъ въ понятіяхъ. Совершенно противоположнымъ путемъ идетъ творчество — отъ идей къ дѣйствительности. Борисъ Годуновъ — Пушкина, есть выраженіе идеала.

Изъ этого слѣдуетъ, что наука, слѣдствіе постиженія, образуетъ систему понятій изъ явленій дѣйствительныхъ, а искусство, наоборотъ, претворяетъ идеи въ явленія. Очевидно, что выраженіе идеаловъ словомъ есть творчество, а это творчество проявляется *словеснымъ искусствомъ, Словесностью.*

Но всякое искусство, или произведенія искусствъ, какъ преобразовавшіяся въ дѣйствительность идеи, становятся предметомъ постиженія, или науки, наравнѣ съ явленіями видимаго міра. Слѣдовательно и словесное искусство, или Словесность, можетъ и должна быть предметомъ особой науки.

Чтожъ значить учиться Словесности? Наука Словесности, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, имѣетъ задачей постигнуть законы и условія, при которыхъ возможны творческія произведенія духа въ словѣ. Такъ н. п. показать характеръ Эпической поэмы или Ораторской рѣчи, различныя виды ихъ въ различныя времена и у различныхъ народовъ, отличіе отъ прочихъ родовъ Поэзіи и Краснорѣчія, указать на самихъ поэтовъ эпическихкихъ и ораторовъ, рассмотреть самое выраженіе, или

короче, опредѣлить идею и форму н. п., эпической поэзіи или ораторской рѣчи, вотъ предметъ науки Словесности.

Каждая наука имѣетъ свою *философію* и *исторію*, или часть *теоретическую* и *историческую*. Философія, или теорія Словесности, синтетически начиная изслѣдованія свои съ идей, основныхъ началъ и законовъ, доходитъ до идеальныхъ изображеній въ словесныхъ произведеніяхъ писателей; исторія Словесности, аналитически разбирая творенія писателей, выводитъ тѣ же общіе законы науки.

Вообще все то, что есть, или было, служить во всякой наукѣ предметомъ ея Исторіи, то, что можетъ и должно быть, предметомъ Теоріи. Теорія и Исторія взаимно одна другой помогаютъ; теорія Словесности указываетъ единство началъ въ разнообразіи произведеній, исторія Словесности. — Истинное знаніе во всякой наукѣ возможно при пособіи теоріи и исторіи.

Тутъ еще представляется одно недоразумѣніе, послужившее камнемъ преткновенія сочинителю разбираемаго курса: какія словесныя произведенія назовемъ мы творческими, и почему не всѣ сочиненія на какомъ-либо языкѣ принадлежать къ области Словесности?

Всеобщая Исторія занимается судьбами только тѣхъ народовъ, которые успѣли вырастить общечеловѣческія стремленія и такимъ образомъ достигли той степени гражданственности, на которой показали личность свою, особый характеръ, особую идею челоѣчества. Къ общечеловѣческимъ стремленіямъ народовъ относятся религія, мудрые законы, богатый языкъ, науки, словесность, ис-

куства. Отъ того всѣ образованные народы разумѣютъ другъ друга въ наукахъ, походятъ одинъ на другой въ этомъ отношеніи, составляютъ одно органическое цѣлое, оставаясь однако каждый самимъ собою. Выраженіе народной жизни, самое полное и переживающее народы, есть словесность народа. Но здѣсь также не всякое словесное выраженіе народной жизни входитъ въ область словесности, а только тѣ выраженія, въ которыхъ проявляются общечеловѣческіе помыслы, образы, чувствованія — *идеалы*. Вотъ отличительный признакъ художественныхъ произведеній Словесности. Письмо о частномъ какомъ-либо предпріятіи, аппеляціонная жалоба по какому-либо иску гражданскому или уголовному, стихи на иллюстрацію не входятъ въ область Словесности. Напротивъ, сказка, переданная намъ устно отъ нашихъ предковъ, въ которой высказалось воззрѣніе ихъ на Божій міръ и жизнь; пословица, въ которой окрѣпла народная дума; пѣсня, сохранившая живое чувство народа; басня или притча, какъ общая истина, явившаяся подъ особымъ символомъ: всѣ общечеловѣческіе идеалы въ эпосѣ, лирѣ и драмѣ, въ исторіи, философіи и витійствѣ, на какомъ бы языкѣ ни выражались, принадлежатъ къ твореніямъ Словесности, и служатъ предметомъ изслѣдованій науки Словесности теоретическихъ и историческихъ. Эти произведенія духа нашего, по причинѣ общности своей, представляются цѣлымъ организмомъ, въ себѣ самымъ замкнутымъ, какъ въ природѣ ви́шней, самое малое насѣкомое представляется особымъ явленіемъ общей жизни. Человѣческая природа, въ нихъ проявляющаяся, какъ всемірный нрав-

ственный законъ, всѣмъ намъ родная и всегда дѣйствуетъ на нашу душу. Къ этимъ идеаламъ и въ истинѣ, и въ благѣ, и въ красотѣ, мы стремимся, никогда не достигая ихъ, какъ къ началамъ, присущимъ нашему духу. Нѣтъ ни Сіона, ни Вавилона, но псалмы Богодуховеннаго пѣснопѣвца трогаютъ насъ, возносятъ нашу душу: въ нихъ видимъ торжественное прославленіе Божьяго всемогущества, благодати и милосердія. По тѣмъ же всечеловѣческимъ началамъ и всемірно-правственнымъ законамъ близки сердцу нашему и Гомеръ, и Софокль, и Тацитъ, и Данте, и Шекспиръ, и Шиллеръ.

Согласно съ этимъ воззрѣніемъ на Словесность, полный курсъ науки Словесности раздѣляется на *теоретическое* изученіе Словесности и *историческое*. Критика словесныхъ произведеній есть только *методъ*, или приложеніе теорій и исторій Словесности къ ея произведеніямъ.

Но теорія и исторія Словесности не образуются изъ громады свѣдѣній теоретическихкихъ и историческихкихъ: наука не есть хаотическій сборникъ разнородныхъ знавій; напротивъ, это стройное цѣлое, живой организмъ, развивающійся изъ одного начала. Сочиненія, не выполняющія этихъ условій, въ которыхъ одна идея не проведена чрезъ всѣ умствованія, не имѣютъ права на названіе науки; въ нихъ видимая связь состоитъ только въ числѣ листовъ бумаги и параграфовъ. Наука заключается въ понятіяхъ однородныхъ, основанныхъ на одномъ пзвѣстномъ началѣ.

Оставляя въ настоящемъ случаѣ безъ подробнаго

ислѣдованія исторію Словесности, какъ *особый предметъ преподаванія*, обращаюсь къ ея теоріи, предмету *разбираемаго курса*

Художественныя произведенія Словесности, выражающія народную жизнь, представляютъ намъ два особые міра: идеальный и дѣйствительный. Отсюда происходитъ существенное различіе словесныхъ произведеній *Поэзіи и Краснорѣчія*. Это двѣ полярныя противоположности: одна преимущественно заключаетъ въ себѣ міръ идеаловъ, произведенія фантазіи свободной, общечеловѣческой; другая объемлетъ міръ дѣйствительный — область разума, опредѣленнаго и индивидуальнаго. Изъ этого слѣдуетъ естественное раздѣленіе *Теоріи Словесности* на *Теорію Поэзіи и Краснорѣчія*.

Но міръ идеальный и дѣйствительный, изображаемый въ Поэзіи и Краснорѣчіи, также представляетъ преимущественное выраженіе или ви́дшей стороны жизни, или внутренней, или сліяніе той и другой въ дѣйствіи. Отсюда въ Поэзіи и Краснорѣчіи происходятъ соответственные роды творческихъ словесныхъ созданій: *Эпосъ и Исторія, Лири и Философія, Драма и Ораторская рѣчь, или витійство*.

По этому Теоріи поэзіи и краснорѣчія подраздѣляется, съ одной стороны, на теорію эпоса, лиры и драмы, а съ другой, на теорію исторіи, философіи и витійства.

Сверхъ того, при возрѣніи на всякое творческое словесное произведеніе, мы научаемъ *слово*, какъ вещество идеи, или мысли. Здѣсь также представляются слѣдованію нашему три момента: языкъ, рѣчь и слогъ.

Слѣдовательно *теорія слова* содержитъ въ себѣ три предмета изученія: *теорію языка, рѣчи и слова.*

Таковы *объемъ и содержаніе Теоріи Словесности.* Гдѣ жь, спросить меня, *Риторика* и *Поэтика*, которыя до такой степени оподозрѣны въ продолженіе столѣтій, что многіе даже считаютъ ихъ бесполезными. Незмѣняемые законы Грамматики, тождественные съ законами Логики, и законы изящнаго, впервые замѣченные Платономъ, Аристотелемъ, Цицерономъ, Квинтилианомъ, входятъ въ составъ теоріи Словесности; но они соответствуютъ современному состоянію знаній Грековъ и Римлянъ, ихъ нравовъ и потребностямъ. Греческіе и Римскіе писатели не знали ни общей и сравнительной Грамматики, созданной въ наше время В. Гумбольдтомъ, Бошюмъ и Беккеромъ, ни Эстетики Гегеля; однако мы къ нимъ всегда обращаемся, когда исторически желаемъ разсмотрѣть произведенія словесныя; ими созданныя красоты слова впервые возведены на степень науки; отъ ихъ первоначальныхъ трудовъ ведутъ начала современные курсы Словесности: Блера, Вильмена, Шлегелей. Несправедливо бы было требовать отъ этихъ первыхъ началъ совершенной и полной системы.

II. Начертавъ планъ Теоріи Словесности, по которому приблизительно написаны Чтенія о Словесности, упоминаемая сочинителемъ новаго курса, прилагаю его къ *Курсу теоріи Словесности Чистякова.*

Въ введеніи сочинитель излагаетъ воззрѣніе свое на искусство, слово и Словесность, показываетъ объемъ Сло-

весности, начертываетъ планъ курса теоріи Словесности, объясняетъ свой методъ.

Здѣсь основная погрѣшность, отъ которой произошла шаткость всего курса, состоитъ въ невѣрномъ понятіи слова, словесности, искусства. Мы принимаемъ слово за даръ свыше, откровеніе, данное человѣку: отъ того во всѣхъ языкахъ открываемъ единство. Сочинитель курса, напротивъ, приписываетъ слово изобрѣтательности человѣка — и изъ этого выводитъ разнообразіе языковъ. Мы почитаемъ искусство творчествомъ, а словесность — искусствомъ словеснымъ. Сочинитель курса называетъ искусство и творчествомъ и умѣнемъ, и въ область словесности вноситъ и рѣчь дикаря, и сочиненія экономическія, и дѣловыя бумаги — короче все, выраженное словомъ. Причина, приведшая его къ такому заключенію, объяснена имъ самимъ:

«Иначе, говоритъ онъ, какъ указать черту, разделяющую сочиненія, принадлежащія къ Словесности, отъ тѣхъ, которыя не принадлежатъ къ ней?»

Разумѣется, трудно провести эту черту по водѣ, гдѣ нѣтъ основанія, началъ; въ этомъ-то и задача теоріи Словесности.

Смѣшавъ слово, какъ выраженіе мысли, съ самою мыслию и съ произведеніями словесности, онъ теорію Словесности принимаетъ за науку о началахъ, законахъ и формахъ всѣхъ прозаическихъ и поэтическихъ словесныхъ произведеній. Въ чемъ же намѣренъ сочинитель отыскивать начала и законы всѣхъ возможныхъ сочиненій? Въ исторіи нашей души, по его мнѣнію, надобно

искать ключа къ открытію основныхъ и всеобщихъ законовъ литературы. Много бы потребовалось ключей къ душѣ нашей, если бы дѣйствительно мы были въ состояніи находить въ тайникахъ ея начала Гомеровой Илиады и лепета младенствующаго дикаря, Бориса Годунова — Пушкина и апелляціонной жалобы истца.

Эта ссылка на ключи отъ души нашей ведетъ сочинителя къ другому подобному заключенію, будто методъ его изслѣдованія психологическій. Какая же польза отъ этого курса Словесности? Онъ думаетъ на Психологін основать свою теорію. Да Психологія, какъ наука эмпирическая, въ отношеніи къ знанію, сама нуждается въ опорѣ, болѣе твердой — въ Онтологін.

Что жъ мы вывести можемъ изъ положеній введенія? Всѣ они принадлежать къ погрѣшностямяъ, известнымъ въ Логикѣ подъ названіями: *petitio principii*, *mutatio elenchi*, *circulus in definiendo*.

На столь шаткомъ основаніи построена разсматриваемая теорія Словесности. Отъ ложныхъ началъ произошло, что сочинитель въ первой части курса своего, оставивъ въ сторонѣ Словесность, съ большою заботливостью занимается Психологією, Логикою и Эстетикою. Такъ какъ эти предметы принадлежать къ другому роду вѣдѣній и составляютъ части особой науки, а не Словесности, которой служатъ только пропедевтикой; то мы пройдемъ молчаніемъ всю эту часть, какъ чуждую курса Словесности. Замѣтимъ только, что въ этомъ легкомъ перечнѣ Психологін, Логикн и Эстетикн нѣтъ современнаго взгляда на феноменологію духа человѣческаго,

разоблаченнаго послѣднимъ Германскимъ мыслителемъ, а между тѣмъ сочинитель издѣвается надъ старымъ ученіемъ, называетъ его схоластическимъ.

Всѣ изслѣдованія объ изящномъ въ разбираемомъ курсѣ не объясняютъ нимало изяшнаго художнику или поэту; они не истекаютъ изъ одной, основной идеи, даже заставляютъ предполагать темноту и сбивчивость понятій объ изящномъ.

Обращаемся ко 2-й части курса, гдѣ сочинитель предполагалъ изложить *начала, законы и формы всѣхъ произведеній поэтическихъ и прозаическихъ*, опираясь на психологическія начала первой части: это собственно теорія Словесности.

Прежде всего отъ теорій и науки мы ожидаемъ стройной классификаціи, представляющей органическое развитіе идеи науки: безъ этого не можетъ быть построена наука, не смотря на множество отдѣльных знаній о какомъ либо предметѣ. Въ разбираемомъ курсѣ нѣтъ ни частей, ни отдѣленій, ни главъ; наблюдается счетъ только параграфовъ.

Какіе же параграфы составляютъ въ этомъ курсѣ теорію языка, рѣчи и слога?

1) Сочиненіе. Прозаическое. Поэтическое. 2) Основная мысль сочиненія; ея единство; истина. 3) и 4) Занимательность основной мысли. 5) Развитіе основной мысли. 6) Полнота въ развитіи основной мысли. 7) Рѣчь. Ея органическое развитіе. Происхожденіе словъ. 8) Слова звукоподражательныя. Слова собственные. 9) Слова несобственные. Употребленіе несобственныхъ словъ: а.

На основаніи взаимнаго отношенія понятій по объему; и 10) б. На основаніи взаимнаго отношенія между понятіями по вынословной связи. 11) с. На основаніи взаимнаго отношенія между понятіями по противоположности. 12) d. На основаніи сходства между понятіями Употребленіе аллегорій. 13) Метафора. Олицетвореніе. Одушевленіе. Превращеніе. Символь. 14) Общія заимѣчанія о переносныхъ выраженіяхъ. 15). Переносныя выраженія, заимствованныя изъ свойствъ чловѣка. 16) Отпечатокъ нѣстности в народнаго быта въ фигуральныхъ выраженіяхъ. Случайныя причины происхожденія переносныхъ выраженій. 17) Особенности языка — идиотизмы. Синонимы. Выраженія техническія. 18) Слова поэтическія и прозаическія Точность выраженія : а. Искусственное употребленіе техническихъ словъ ; б. Слова неопредѣляемыя ; с. Неточныя сравненія ; d. Барбаризмы. 19) Архаизмы. Неологизмы. Провинциализмы. Неопредѣленность отъ излишней краткости выраженія. 20) Неправильное расчлененіе словъ и предложеній. Темнота отъ самой сущности предмета. 21) Живопись рѣчи. Неестественныя картины. Изысканныя и продолжительныя олицетворенія. Описаніе дѣйствій олицетворяемаго предмета Употребленіе одушевленій. 22) Опредѣленность картинъ. Стройное отношеніе между картинами. Разнохарактерныя сравненія. 23) Соответственность картины съ мыслию. 24) Многологическія картины. 25) Многословіе. 26) Необходимыя именованія. 27) Мѣлкость рѣчи. 28) Стыль. 29) Мелкоточность выраженія Ровность выраженія. Вѣсы стиля. Стыль ума! Стыль воображенія. Стыль чувства. 30) Переводим.

Что это за теорія? Какъ связать въ умѣ эти *disjecta membra* роётъ: мнѳологическія картины съ многословіемъ, темноту отъ неправильнаго расположенія словъ съ темнотою отъ самой сущности предмета? И все это произошло отъ того, что сочинитель самъ не составилъ для себя яснаго понятія о словесности; отсюда сбивчивость въ раздѣленіи теорій и несвязность ученія каждой теоріи. Такъ и. п. въ курсѣ читаемъ:

«Сочиненіе вообще есть словесное выраженіе мысли, доведенной до извѣстной степени развитія, соотвѣтственно плану и умственной или художественной цѣли автора?»

По этому эпическая поэма и трагедія принадлежать къ одной категоріи вмѣстѣ съ прошеніемъ въ Земскій Судъ? Между тѣмъ въ исчисленныхъ параграфахъ вездѣ говорится о картинкахъ, одушевленіяхъ, музыкальности рѣчи: слѣдственно сочинитель въ умѣ своемъ представляетъ не всѣ возможныя сочиненія, а только нѣкоторыя, избранныя. Впрочемъ вѣдь онъ въ началѣ курса сказалъ, что трудно провести черту между сочиненіями художественными и всѣми остальными. Правда, это трудно: да въ этомъ то вся задача науки словеснаго искусства, или словесности; иначе не было бъ искусства, не было бъ и теоріи искусства.

Все, что встрѣчаемъ правильнаго и дѣльнаго въ курсѣ о языкѣ, рѣчи и стилѣ, находимъ у того, о комъ упоминается въ введеніи; но и все правильное и дѣльное переставлено съ мѣста на мѣсто, лишено органической связи. Метафора и. п. и олицетвореніе должны бы стоять рядомъ съ живописью рѣчи; но между ними вставлены архаизмы, неологизмы. Самое понятіе о

различіи рѣчи отъ стила невыяснено. Обѣщаннаго параллелизма между теоріей Словесности и Психологіей не видимъ, да и видѣть не можемъ: иное дѣло, по Стеффенсу, показать параллелизмъ Психологіи съ Физіологією. Къ собственнымъ изобрѣтеніямъ сочинителя курса принадлежатъ условія, какихъ оупъ требуетъ отъ основной идеи сочиненія: единства, истины и занимательности. У Аристотеля мы находимъ единство и полноту, какъ необходимыя условія всякаго произведенія; отъ него же узнали что поэтическія созданія болѣе истинны, нежели историческія; но единство, истина и занимательность — это новый, неслыханный законъ. Какъ опредѣлить занимательность идеи? Что грязнѣе можетъ быть и отвратительнѣе Селифонта, Плюшкина, Сабаневича, въ мертвыхъ душахъ? — И что же изъ этой грязи нарисовалъ Гоголь? Очевидно, все дѣло въ талантѣ.

Переходимъ ко второй теоріи — къ сочиненіямъ прозаическимъ. По нашему воззрѣнію на предметъ, слѣдовало бы показать различіе поэзіи отъ прозы, вывести ихъ роды и виды, и потомъ изложить въ теоріи прозы: теорію сочиненій историческихъ, философскихъ, ораторскихъ. Въ каждой теоріи необходимо опредѣлить значеніе рода сочиненій, историческое его развитіе, отличительныя свойства отъ другихъ родовъ, оправдать теорію образцовыми писателями.

Въ новомъ курсѣ находимъ слѣдующую характеристику поэзіи и прозы:

«Наука, или философія, и творчество, или поэзія, достигая высшаго своего совершенства, сливаются въ

одно; различіе между ними исчезаетъ: для обѣихъ — одна задача — воспроизведеііе жизни въ словѣ; для обѣихъ — одна форма, форма жизни — сочетаніе мысли съ явленіемъ, идея съ дѣйствиємъ, въ которомъ она осуществляется и получаетъ опредѣленную форму; различенъ у нихъ только путь: поэтъ отъ идеи переходитъ къ явленію, мыслитель — отъ явленія къ идеѣ?» Сколько тутъ парадоксовъ, какая темнота, неопредѣленность въ понятіяхъ! Можно ли повѣрить, что въ курсахъ Словесности учатъ, будто у философіи и поэзіи одна задача — воспроизведеііе жизни въ словѣ — у обѣихъ одна форма. Да вѣдь философія всѣ явленія построиваетъ въ понятіяхъ, а поэзія понятія и идеи представляетъ въ образахъ; вотъ ихъ значеніе. Ясно, что и задачи ихъ и формы совершенно различныя. Далѣе, что значить сочетаніе идеи съ дѣйствиємъ, мысли съ явленіемъ? Это наборъ словъ.

Посмотримъ на содержаніе теорій прозаическихъ сочиненій. 31) Сходство и различіе между прозаическими и поэтическими сочиненіями. Художественность въ прозаическихъ сочиненіяхъ. 32) Виды прозаическихъ сочиненій. Описаніе и повѣствованіе. 33) Точность изображенія предметовъ. Характеристика изображенія. Полнота изображенія. 34) Перспективы въ изображеніи предметовъ. 35) Расположеніе описанія. Расположеніе повѣствованія. Црагматическое изложеніе Исторіи. 36) Поучительность въ историческихъ сочиненіяхъ. Форма изложенія описаній и повѣствованій. 37) Дидактическія сочиненія. — Дидактическія - аналитическія сочиненія. Спо-

ціальность направлення при анализѣ предметовъ. 38) Дидактическія - теоретическія сочиненія. Формы изложенія дидактическихъ сочиненій. 39) Ораторская рѣчь. Отношеніе оратора къ обществу. 40) Современность идей. Современность изложенія.

Любопытно знать, почему дѣлитъ сочинитель прозаическія сочиненія на опытные, дидактическія-аналитическія и на дидактическія-умозрительныя. Здѣсь въ основаніи берется методъ изслѣдованій. Но одинъ изъ первыхъ законовъ системы есть единство основной мысли, во которой производится дѣленіе. Такъ н. п. Натуральность разсматриваетъ человѣка на основаніи различныхъ поколѣній, Географъ — на основаніи политическаго раздѣленія Государствъ, Богословъ — на основаніи религіозномъ; нельзя смѣшивать различные дѣленія въ одномъ и томъ же изслѣдованіи. И въ теоріи Словесности роды и виды сочиненій развиваются изъ сущности словеснаго искусства; всякое другое дѣленіе, н. п., на методѣ основанное, не имѣетъ мѣста. Да и какъ же возможно Исторію Государства Россійскаго — Карамзина, отличить отъ его же похвальнаго слова Екатерины II-й, или отъ словъ Филарета, Иннокентія, на томъ основаніи, что одни изъ этихъ сочиненій дидактическія-аналитическія, другія дидактическія - умозрительныя? Или кто намъ рѣшитъ, Исторія Карамзина есть-ли сочиненіе опытное, дидактическое - аналитическое, или дидактическое-умозрительное? Истинно философскій методъ требуетъ сліянія анализа съ синтезомъ, опыта съ умозрѣніемъ.

Откуда жъ вывелъ сочинитель новое свое раздѣленіе?

Огъ разсуждалъ такъ : Въ сочиненіяхъ, главная цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ объяснить жизнь природы и человѣка, или : 1) изображаются явленія ; или 2) разлагаются на составныя стихіи ; или 3) дѣлаются выводы изъ явленій ; изъ фактовъ, изъ данныхъ извлекаются идеи о силахъ и законахъ силъ ; словомъ, сочиненія прозаическія бываютъ трехъ родовъ : опытные, дидактическія - апалитическія, и дидактическія - умозрительныя. Какая сбывчивость, неопредѣленность !

Гдѣ жъ учащіеся узнаютъ о высочайшемъ родѣ словеснаго искусства — Ораторской рѣчи и Христіанской проповѣди ? По ученію новаго курса, Ораторская рѣчь не составляетъ особеннаго рода дидактическихъ сочиненій ; отличительный характеръ ея состоитъ только въ случайныхъ ея условіяхъ, въ томъ, что въ ней передается идея извѣстному обществу для опредѣленной практической цѣли. Въ образецъ ораторскаго сочиненія приводится рѣчь Жуковскаго по случаю юбилея Крылова. — На какихъ психологическихъ законахъ все это основывается ? Гдѣ жъ параллелизмъ между теоріею поэзіи и психологіею ? Василій, Іоанны Златоусты, Григорій, Периклы, Димосѣены, Гортензій, Цицероны, Боссюэты, Массильоны, Мосгеймы, Питты, Фоксы, Каннинги, Ломоносовы, Платоны, Карамзинны, и всѣ безсмертныя витіи древнихъ и новыхъ временъ ! Что бы сказали вы, если бы услышали такое ученіе о томъ помазаніи, какиимъ небо отличило васъ отъ прочихъ смертныхъ ? Не нужно болѣе распространяться въ доказательствахъ о ложности такого ученія ; всякое дальнѣйшее замѣчаніе будетъ излишнимъ.

О непреложныхъ истинахъ не говорятъ съ невѣрующими: кто н.п. станетъ сомнѣвающимся увѣрять въ истинности Коперниковой системы міра? Наконецъ мы уже подошли къ теоріи поэзіи. Тутъ также ожидаемъ услышать опредѣленіе сущности и значенія Поэзіи, генетическаго вывода родовъ и видовъ Поэзіи, съ характеристикой каждаго изъ нихъ и съ историческимъ развитіемъ ихъ формъ, съ критическимъ разборомъ образцовъ.

Вмѣсто всего этого, сочинитель курса удовольствовался общими, неопредѣленными замѣчаніями о поэзіи еще въ началѣ книги, а здѣсь онъ, послѣ упомянутой рѣчи Жуковскаго вдругъ приступаетъ къ дѣленію поэтическихъ твореній на лирическія и пластическія. Вотъ еще диковинная новость! Будемъ имѣть терпѣніе выслушать содержаніе всей теоріи. 41) Виды поэтическихъ произведеній Словесности. Лирическія. Идея и чувство. Тонъ лирическаго произведенія. 42) Виды лирическаго произведенія. Чувство религиозное. Гимнъ. 43) Сочувствіе къ человѣчеству. Мадригалъ. 44) Элегія. Эпитафія. 45) Сатира шутовская. 46) Сатира обличительная. Иронія. Юморъ. 47) Сатира общая и частная. Эпиграмма 48) Романсъ. 49) Кантата. 50) Сочувствіе къ природѣ. 51) Соединеніе картинъ природы съ картинами жизни человѣка. 52) Неопредѣленность нѣкоторыхъ названій лирическихъ произведеній. Лирическій восторгъ. Лирическій беспорядокъ. 53) Пластическія произведенія Словесности. Развитіе идеи въ дѣйствіи. Мнѣнія о различіи между Драматической и Эпической поэзіей. 54) Дѣйствія. Дѣйствующія лица. Индивидуальность характера. Много-

сторонность характера. 55) Ровность характера. 56) Естественность характера. Согласіе съ законами природы. Согласіе съ духомъ народа и времени. 57) Завязка. Борьба съ физической природой. Борьба съ обществомъ. Борьба съ самимъ собою. 58) Основа завязки. Развязка. 59) Поэтическая перспектива 60) Чудесное съ пластическими произведеніями Словесности. Соединеніе дѣйствительнаго съ вымышленнаго. 61) Формы изложенія пластическихъ произведеній Словесности. Эпизоды въ эпическомъ произведеніи. Мѣсто Время. Дѣйствіе. 62) Правила при введеніи эпизодовъ. 63) Связь драмы съ сценическимъ искусствомъ. Образъ выраженія въ драмѣ. 64) Монологъ. 65) Формы повѣствовательной и драматической поэзіи. Средство связи Словесности съ другими искусствами.

Въ этомъ исчисленіи забыта Ода, между тѣмъ, какъ красуются на первомъ планѣ давно отжившіе въкъ свой мадригалы, романсы, элегіи, эпиграммы, различнаго рода сатиры. Тщетно будемъ искать значенія драмы, развитія изъ духа человѣческаго трагедіи и комедіи, отличія древней трагедіи и комедіи отъ новой, характеристикки Эсхила, Софокла, Эврипида, Шекспира, Шиллера, Мольера, фонъ-Визина, Грибоедова, Гоголя. Вотъ здѣсь же и показать бы психологическія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ. Заучивающіе по этому курсу наборъ словъ объ эпизодахъ и эпосѣ не узнаютъ, въ чемъ заключается превосходство Гомера, Данте, Тасса, и въ чемъ ошибались Мильтонъ, Клопштокъ, Вольтеръ, Херасковъ. Въ замѣнъ этого имъ предложено нѣсколько отрывочныхъ

отливовъ изъ Лермонтова, Д. Давыдова, Дмитриева, Батюшкова, Жуковского, Пушкина. Вообще, въ сочиненіи, лишенномъ историческаго развитія словесныхъ произведеній, смѣшаны роды съ видами, между тѣмъ, какъ роды всегда и вездѣ, какъ проявленія духа человѣческаго, одинаковы, а виды измѣняются согласно съ степенью образованности и характеромъ народа, съ его повѣрліи и обычаями, съ его гражданскою и домашнею жизнью.

Что касается до критики приводимыхъ въ образецъ писателей и сочиненій, то ни въ одномъ изъ нихъ не отличенъ художественный характеръ, ни одно сочиненіе не разобрано хотя съ вѣкоторою подробностью въ отношеніи къ содержанію и формѣ. Чему жъ выучатся занимающіеся теоріею Словесности по этому курсу? Они заучатъ наизусть вѣсколько ложныхъ опредѣленій, приучатся къ произвольной классификаціи, затвердятъ правила, состоящія не изъ мыслей, а изъ набора словъ; но не познакомятся ни съ отечественными, ни съ иностранными литературными знаменитостями, не получатъ яснаго, отчетливаго понятія ни объ одномъ родѣ сочиненій прозаическихъ и поэтическихъ; ученіе Словесности не произведетъ на нихъ благотворнаго вліянія, ни въ отношеніи къ развитію мыслящей способности, ни въ отношеніи къ разнообразнымъ полезнымъ знаніямъ.

На какіе источники, по крайней мѣрѣ, указываетъ курсъ? Въ Психологіи указывается Бюффонъ, Дюгамль, Стюартъ, Гаррисъ, Асшмоль; въ теоріи Словесности — Жанъ-Поль Рихтеръ. После этого не удивительно, что въ теоріи не видны ни системы, ни содержанія.

Такая теорія не могла бѣ родиться изъ подъ пера сочинителя, знакомаго съ Беккеромъ, В. Гумбольдтомъ, Шлегелимъ, Гегелемъ, Вильменомъ.

III. Изъ предъидущаго приложенія логическаго построенія науки къ разбираемому курсу выводимъ слѣдующее заключеніе.

1) Теорія Словесности въ разбираемомъ курсѣ, ни по содержанію, ни по формѣ, не заслуживаетъ названія теоріи. Въ отношеніи къ содержанію, этотъ курсъ не заключаетъ въ себѣ тѣхъ литературныхъ свѣдѣній, которыя признаются существенными элементами Словесности, необходимыми, полезными. Въ отношеніи къ формѣ, теорія въ этомъ курсѣ не имѣетъ главнаго основнаго характера — системы, послѣдовательности въ развитіи одного предмета изъ другаго.

2) Правила, излагаемая въ видѣ догмъ, большею частію неопредѣленны, неточны, неясны, шатки, не рѣдко даже ошибочны.

3) Курсъ, лишенный правильнаго теоретическаго и историческаго развитія родовъ и видовъ прозаическихъ и поэтическихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ критики образцовыхъ писателей и ихъ сочиненій, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ.

Вносятъ ли этотъ курсъ въ учебную литературу нашу новыя наблюденія, новыя воззрѣнія на науку? Ни мало. Все дѣльное заимствовано изъ другихъ курсовъ; все кажущееся новымъ есть нововведеніе, состоящее то въ странномъ перефразированіи извѣстныхъ правилъ, то

въ произвольной перестановкѣ статей съ одного мѣста на другое. Это сочиненіе представляетъ собою участь всѣхъ эклектическихъ сочиненій, не проникнутыхъ одною идеею, не вылитыхъ за одну приѣмъ въ правильную форму — смѣшеніе стараго съ новымъ, скудное образцами литературными. Не смотря на это, по уваженію благороднаго стремленія къ совершенствованію общаго дѣла, какова теорія Словесности, я почитаю курсъ Чистякова достойнымъ почетнаго отзыва.

Въ введеніи своемъ сочинитель вотъ что говоритъ обо мнѣ :

«Давыдовъ первый въ Россіи началъ разсматривать Словесность съ высшей, философской точки зрѣнія, возвелъ ея разнообразныя явленія къ органическому единству и показалъ, какъ вѣчные, непреложные законы человѣческой природы отражаются, начиная съ простѣйшихъ стихій языка до самыхъ многосложныхъ и многостороннихъ литературныхъ созданій у всѣхъ народовъ, во всѣ времена. Онъ же первый представилъ образецъ сочетанія глубокой учености и математически строгой послѣдовательности въ развитіи идей, съ живымъ, художественнымъ, увлекательнымъ изложеніемъ.»

При столь лестномъ для меня отзывѣ о трудахъ моихъ по предмету Словесности, я не измѣняю своихъ убѣжденій : *Amicus Plato, amicus Aristoteles; sed magis amica veritas.*

Ординарный Академикъ Иванъ Давыдовъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-НА ВЛАДИМИРА ЛИНОВСКАГО,

Профессора Рижскаго Лицея,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ИЗСЛѢДОВАНІЕ НАЧАЛЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА,

ВЪЛОЖЕННЫХЪ ВЪ УЛОЖЕНІИ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ

С-ть Петербургскаго Университета

КОНСТАВТИНОМЪ НЕВОЛИНЫМЪ.

Изслѣдованіе началъ права, служащихъ основаніемъ Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, есть трудъ, вполне достойный вниманія Русскихъ законовѣдцевъ. Уложение соединило въ себѣ законы прежняго времени, съ надлежащими исправленіями и дополненіями, и развилось въ обширное, теперь существующее, законодательство. Тоже должно сказать, въ частности, о тѣхъ его постановленіяхъ, которыя относятся къ уголовному праву. Но до сихъ поръ начала, прямо высказанныя, или безмолвно принятыя въ Уложеніи, оставались и остаются большею частію неизслѣдованными. По отношенію къ уголовнымъ его началамъ, сочиненіе Г. Ливовскаго представляетъ намъ первое изслѣдованіе, если мы исключимъ обзоръ ихъ, сдѣланный Рейцомъ въ книгѣ: Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, 1829. S. 391—409 und S. 474—477, и нѣкоторыя замѣчанія въ сочиненіяхъ, указанныхъ у нашего автора на *стр.* III *Введенія*. И такъ предметъ, обработку котораго принялъ на себя Г. Ливовскій, заслуживаетъ всякаго одобренія.

Содержаніе Уложенія, относящееся къ избранному предмету, авторъ старался исчерпать съ возможною полнотою. Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ *Введенія, четырехъ частей и Заключенія*.

Въ *Введеніи* (стр. I—III) показаны: значеніе Уложенія въ развитіи Русскаго уголовного законодательства; источники, изъ которыхъ Уложеніе заимствовало матеріалъ для своихъ постановленій: сочиненія, служащія къ объясненію Уложенія, и въ особенности уголовныхъ началъ его.

Въ *первой части* (стр. 1 — 86) рассмотрѣно все, что постановляетъ Уложеніе о преступленіяхъ, именно: 1) о преступленіяхъ вообще, 2) о преступленіяхъ противъ вѣры, 3) о преступленіяхъ государственныхъ, 4) о преступленіяхъ противу порядка управленія, 5) о преступленіяхъ лицъ, состоящихъ въ гражданской службѣ, 6) о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ, состоящихъ въ военной службѣ, 7) о преступленіяхъ и проступкахъ противу имущества и доходовъ казны, 8) о преступленіяхъ и проступкахъ противу общественнаго благоустройства и благочинія, 9) о преступленіяхъ противу общественной нравственности, 10) о преступленіяхъ и проступкахъ противу законовъ о состояніяхъ, 11) о преступленіяхъ противу личныхъ правъ частныхъ лицъ, 12) о преступленіяхъ противу правъ семейства, наконецъ 13) о преступленіяхъ противу собственности частныхъ лицъ.

Во *второй части* (стр. 87—110) излагаются наказанія, назначаемыя Уложеніемъ, именно: 1) вообще, 2) въ частности — смертная казнь, 3) тѣлесныя наказанія

4) ссылка, 5) тюремное заключеніе, 6) денежныя наказанія, 7) лишеніе чести, 8) отрѣшеніе отъ должности.

Въ *третьей части* (ст. 111 — 114) разсуждается о внутреннемъ отношеніи наказанія къ преступленію, какъ это отношеніе опредѣлено въ Уложеніи.

Четвертая часть (стр. 115—126) посвящена разсмотрѣнію правилъ Уложенія о судопроизводствѣ, причѣмъ: 1) дѣлается общій взглядъ на судопроизводство, и потомъ сообщаются постановленія Уложенія 2) о подсудности, 3) о поводахъ къ началу дѣла, 4) о движеніи и окончаніи дѣла.

Въ *заключеніи* (стр. 127) повторяется мысль о значеніи, какое принадлежитъ Уложенію въ развитіи Русскаго уголовного права.

Этотъ обзоръ содержанія сочиненія Г. Липовскаго показываетъ, что авторъ стремился объять въ своемъ изслѣдованіи всѣ разнообразныя постановленія по части уголовного права, какія только можно было найти въ Уложеніи. Очевидно также, что онъ въ расположеніи частей и отдѣловъ своего разсужденія слѣдовалъ преимущественно порядку Свода Законовъ Уголовныхъ и порядку, принятому въ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 15 Августа 1845. Въ такомъ случаѣ, не входя въ разсмотрѣніе вопроса, не должно ли было для изслѣдованія объ Уложеніи предпочесть другой порядокъ, наиболѣе соответствующій существу разбираемаго законодательнаго памятника, можно только пожалѣть, что авторъ не держался строже своихъ руководствъ. Ученіе о преступленіяхъ вообще, онъ отдѣлилъ

отъ тѣхъ главъ, въ которыхъ разсматриваются наказанія и внутреннее отношеніе наказаній къ преступленію. Такимъ образомъ стало раздѣлено то, что составляетъ одно цѣлое, какъ общая часть въ противоположность особенной части.

Обращаясь ко внутренней разработкѣ предмета, подвергнутого Г. Ливовскимъ изслѣдованію, мы замѣтимъ, что обычай языка усвоилъ названіе изслѣдованія такимъ сочиненіямъ, въ которыхъ писатель, не находясь еще въ обладаніи истиною, потому и не можетъ спокойно изображать ее во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, но посредствомъ различныхъ соображеній, истолкованія темныхъ или сомнительныхъ мѣстъ, сличенія историческихъ свидѣтельствъ между собою, стремится достигнуть до истины. Она отыскивается изслѣдователемъ непосредственно въ виду читателя, а не предлагается ему какъ нѣчто уже существующее само по себѣ, какъ нѣчто данное. Весь процессъ, какъ авторъ доходилъ до истины, онъ заставляетъ проходить съ собою читателя, начиная отъ неизвѣстнаго и мало по малу получая достовѣрные результаты. Особенно же писатель, который предположилъ изслѣдовать въ своемъ сочиненіи начала извѣстнаго ученія, извѣстнаго положительнаго законодательства или части его, долженъ былъ необходимо держаться этой методы. Начало смысломъ своимъ указываетъ на истинныя главныя, коренныя, основныя въ извѣстномъ рядѣ истинъ и положеній. Если писатель хочетъ изслѣдовать такія истины, то ему необходимо идти отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному; онъ долженъ пока-

затѣ, какъ всѣ частныя положенія, всѣ отдѣльныя истины приводятъ къ извѣстнымъ главнымъ положеніямъ или даже къ одному коренному, какъ всѣ сосредоточиваются въ одной всеобщей истинѣ; онъ долженъ отдѣлать существенное отъ случайнаго, первостепенное отъ случайнаго, первостепенное отъ того, что занимаетъ только второе мѣсто; онъ долженъ изложить, какъ или въ какой мѣрѣ главное положеніе проникаетъ всѣ частности, какъ примѣняется къ нимъ, какъ онѣ вытекаютъ изъ него. Изслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, должно было бы не только дѣйствительно отыскать, означить такія начала, но сверхъ того: 1) показать, до какой степени они проникаютъ все Уложеніе и проведены въ немъ по всѣмъ частностямъ, или, можетъ быть, въ Уложеніи находятся еще начала противоположныя, борющіяся между собою, — въ послѣднемъ случаѣ необходимо опредѣлить, въ какой мѣрѣ уже совершилось ихъ примиреніе въ Уложеніи. 2) Объяснить ихъ происхожденіе и происхожденіе борьбы между ними. Уложеніе есть результатъ всего предшествовавшаго развитія Русскаго законодательства. Въ немъ собраны, приведены въ единство, въ порядокъ, законы прежняго времени, но съ различными измѣненіями, поясненіями и дополненіями. Почему постановленія Уложенія не могутъ быть поняты отдѣльно сами по себѣ, безъ сравненія ихъ съ постановленіями и началами прежняго времени. Изслѣдованіе началъ Уложенія, безъ сомнѣнія, должно показать относительную высоту ихъ, показать, въ какой мѣрѣ начала уголовного права въ Уложеніи раз-

виты далѣе, чѣмъ въ законахъ прошедшаго времени. Но 3) можетъ быть, изслѣдованіе не должно было бы останавливаться и на этомъ. Изъ законовъ предыдущихъ временъ возникаютъ законы временъ послѣдующихъ, поясняются, дополняются, развиваются, исправляются ими. Это самое надобно сказать объ Уложеніи и объ уголовныхъ началахъ, принятыхъ имъ въ руководство. Почему при изслѣдованіи уголовныхъ началъ Уложенія должно было бы обратить вниманіе на развитіе ихъ въ законахъ послѣдующихъ. Такимъ образомъ открывалась необходимость рассмотретьъ уголовныя начала Уложенія не только во взаимной ихъ связи между собою, но и въ связи съ законодательствомъ предшествующимъ и послѣдующимъ. Конечно, при такомъ направленіи можно опасаться, чтобъ изслѣдованіе уголовныхъ началъ Уложенія не превратилось въ исторію Русскихъ уголовныхъ законовъ вообще, сколько она состоитъ въ связи съ особеннымъ предметомъ изслѣдованія, но искусный писатель будетъ уметь удержать себя въ должныхъ предѣлахъ, тѣмъ болѣе, что развитіе уголовного законодательства прежде и послѣ Уложенія должно предполагаться какъ извѣстное. 4) Къ такому, можно сказать, внутреннему изслѣдованію уголовныхъ началъ Уложенія, изслѣдованію внутренняго ихъ существа, присоединилось само собою вѣдшее изслѣдованіе или указаніе тѣхъ источниковъ, откуда могли быть, посредственно, или непосредственно, заимствованы отдѣльныя постановленія Уложенія. Въ особенности, если бы развитіе уголовныхъ началъ Уложенія находилось въ связи съ развитіемъ уголовного права и теоріи его въ

западной Европѣ, то для изслѣдователя представилась бы новая задача показать эту связь между развитіемъ уголовныхъ законовъ въ Россіи и развитіемъ ихъ въ западной Европѣ.

Вотъ направленія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, должно было бы двигаться изслѣдованіе уголовныхъ началъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича.

Одно изъ этихъ направленій Г. Линовскій въ своемъ изслѣдованіи совершенно опускаетъ изъ вида. Ни гдѣ, если мы исключимъ нѣсколько общихъ выраженій въ началѣ и концѣ сочиненія (стр. I и 127), не обращаетъ онъ вниманія на развитіе началъ Уложенія въ законахъ послѣдующаго времени. А между тѣмъ, если мы примемъ ихъ въ соображеніе, многое представилось бы въ новомъ свѣтѣ. Для примѣра довольно привести только новоуказныя статьи о разбойныхъ, убійственныхъ и татинныхъ дѣлахъ, 1669 Января 22, представляющія новую редакцію 21 и 22-й главъ Уложенія. Изъ разсмотрѣнія этихъ новоуказныхъ статей открывается, до какой степени опредѣлительны были представленія сочинителей Уложенія по отношенію къ предметамъ, излагаемымъ въ означенныхъ главахъ. Даже, можетъ быть исправленъ самый текстъ Уложенія. Такъ Улож. гл. 22, ст. 5, читается: «А будетъ которой сынъ, или дочь у отца, или у матери животы пограбятъ насильствомъ, или не почитаючи отца и матеръ, и избываючи ихъ, учнутъ на нихъ дѣлѣвати какія злыя дѣла, или которой сынъ, или дочь отца и мать при старости не учнетъ почитати и кормити, и ссужати ихъ ничьмъ не учнутъ, и въ томъ

на нихъ отецъ, или мать учнутъ Государю бити челомъ» и проч. Въ новоуказныхъ статьяхъ 1669 Января 22-го ст. 91, говорится: «Будеть который сынъ, или дочь, у отца или у матери животы пограбятъ насильствомъ, или непочтаючи отца и мать и избываючи ихъ, учнутъ на нихъ извѣщать какія злыя дѣла, или которой сынъ или дочь отца и мать при старости не учнутъ почитать и кормить, и слушать ихъ ни въ чемъ не учнутъ, и въ томъ на нихъ отецъ и мать учнутъ Великому Государю бити челомъ» и проч.

Необходимость изслѣдованія во всѣхъ другихъ на-правленіяхъ признается самими Г. Личовскими. Онъ понимаетъ, что его изслѣдованіе должно удовлетворить требованіямъ, отсюда вытекающимъ, и онъ дѣйствительно обращаетъ вниманіе на всѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемъ предметъ, избранный имъ для изслѣдованія, исключая только развитіе началъ Уложенія въ законахъ послѣдующаго времени. Но спрашивается: въ какой мѣрѣ сочиненіе его дѣйствительно удовлетворяетъ означеннымъ требованіямъ?

Содержаніе статей Уложенія, относящихся къ уголовному праву, представлено большею частію, если мы исключимъ судопроизводство, съ достаточною полнотою, хотя и не вездѣ точно. Съ этой стороны сочиненіе Г. Личовскаго послужитъ значительнымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей Уложенія. Мы желали бы только, чтобъ въ сочиненіи были выписаны подлинныя мѣста Уложенія, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, на которыя ссылается авторъ въ подтвержденіе своихъ мыслей, дабы,

такимъ образомъ и самъ онъ и читатели имѣли въ одной и той же книгѣ непосредственно какъ изложеніе предмета, такъ и повѣрку изложенія. Но мы не находимъ, что бы Г. Ливовскій выикъ въ духъ Уложенія. Онъ не углубляется въ смыслъ, не входитъ въ истолкованіе статей Уложенія, не слѣдуетъ между собою разнородныхъ постановленій, чтобы отсюда достигнуть до общихъ результатовъ. Этимъ недостаткомъ страдаетъ особенно изслѣдованіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще и о внутреннемъ отношеніи наказанія къ преступленію.

На законы предшествовавшихъ временъ, конечно, обращено вниманіе; но постановленія Уложенія не выведены отсюда внутреннимъ образомъ. Законодательство, предшествовавшее Уложенію, и законодательство Уложенія поставлены только внѣшнимъ образомъ одно подлѣ другаго, а не соединены живою связію другъ съ другомъ. При томъ же въ историческихъ свѣдѣніяхъ, не говоря о неполнотѣ, или, въ другихъ случаяхъ, излишествѣ ихъ, есть много неточнаго.

Источники статей Уложенія вообще указаны вѣрно и исполнѣ. Но авторъ, конечно, оказалъ бы важную услугу читателямъ, если бы въ своемъ сочиненіи выписалъ точныя слова источниковъ сравнительно съ статьями Уложенія. Тогда каждый могъ бы самъ несомнительно судить, что и въ какой мѣрѣ составители Уложенія заимствовали изъ того или другаго источника.

Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія Г. Ливовскій сравниваетъ Уложеніе съ современными законодательствами западной Европы. Такъ, стр. I. «Характеръ Уло-

женія, какъ уголовного кодекса, весьма замѣчательны; по времени издавiя своего, относясь къ періоду, въ которомъ преимущественно преобладала въ цѣлой Европѣ цѣль устрашенія, Уложеніе имѣло то преимущество предъ прочими современными кодексами, что главное его стремленіе было основать наказаніе на чистыхъ началахъ правды и справедливости, а не на временныхъ и преходящихъ.» — Стр. II «Россія познакомилась съ Церковнымъ Грецескимъ Правомъ со введеніемъ Христіанской вѣры. При составленіи Уложенія немного заимствовано постановленій изъ него но Церковное право важное имѣло вліяніе на Уложеніе тѣмъ, что оно сообщило свой характеръ системѣ наказаній; такъ, что въ опредѣленіи внутренняго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ Уложеніе слѣдовало древнему ученію, и тѣмъ самымъ почти оставило въ сторонѣ систему, развитую въ возрожденной Европѣ.» — Стр. 4. Не вдругъ сдѣлалась понятна та огромная лѣстница, которая отдѣляетъ дѣйствія, совершенныя безъ всякаго участія воли, отъ дѣйствій, предпринятыхъ съ полнымъ размышленіемъ; въ древности обращали вниманіе на высшее дѣйствіе, не вникая во внутреннія побужденія челоуѣка; только юридическія понятія, развитыя въ духѣ Христіанскаго ученія, обратились къ внутренней сторонѣ челоуѣка. Основныя понятія первоначальныхъ законодательствъ Европейскихъ народовъ не благопріятельствовали развитію науки о противозаконной волѣ.» — Стр. 5. «Разные переходы преступнаго дѣйствія отъ того момента, въ которомъ оно завязалось въ мысли лица, помышляющаго о нару-

шеніи, до самаго совершенія обдуманнаго заранѣ зла, впервые подверглись изслѣдованію глоссаторовъ. Италіянскіе практики развили немного подробнѣе ученіе о покушеніи; но только уголовное Уложеніе Карла V обратило вниманіе на степень наказанности, которую должно нести покушеніе. Криминалисты Нѣмецкой школы XVI и XVII столѣтій мало сдѣлали успѣховъ въ ученіи о умыслѣ, о приготовленіи къ преступленію и покушеніи; посему, хотя въ Уложеніи этотъ предметъ не подвергся строгому розысканію, однако предусмотрѣніе тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ преступленіе разсматривается прежде исполненія, показываетъ, что составители Уложенія предугадывали тѣ запутанныя обстоятельства, сопутствующія преступленію отъ его начала до окончанія, которыя наконецъ разгаданы критическимъ изслѣдованіемъ Криминалистовъ XVIII и XIX столѣтій. По Уложенію въ преступленіяхъ государственныхъ полагается наказаніе на того» и проч. — Ст. 92 — 93. «Уложеніе, по времени своего изданія, принадлежитъ къ такой эпохѣ, въ которой не начиналось еще пренія о замѣнѣ сего наказанія другими, болѣе сходными съ началами христіанскими. Филантропическая школа, или популярная, получила свое бытіе спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ его изданія. Напротивъ, въ XVII столѣтіи въ цѣлой Европѣ господствовало мнѣніе, что смертная казнь необходима для поддержанія общественной безопасности; вообще главною отличительною чертою новаго Уголовнаго права были смертная казнь и другія тѣлесныя наказанія» и проч. «Изъ всего сказаннаго видно, что духъ

времени требовалъ, чтобы и въ новой законодательной книгѣ Царя Алексѣя Михайловича, смертная казнь со всѣми ея грозными принадлежностями удержалась, тѣмъ болѣе, что въ Россіи смертная казнь существовала до Уложения и самая историческая необходимость препятствовала ея искорененію.» — Стр 111. «Нѣтъ, можетъ быть, ничего труднѣе, какъ найти внутреннія отношенія между наказаніемъ и преступленіемъ. Средства, находящіяся въ рукахъ нашихъ, съ трудомъ могутъ преодолѣть встрѣчаемыя препятствія. Исторія Уголовнаго права представляетъ много попытокъ для достиженія этой цѣли, когорыя проявились въ трехъ системахъ, въ Греческой, въ Италіянско - Французской и Нѣмецкой; двѣ послѣднія системы явились послѣ изданія Уложения, потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Кодексѣ Царя Алексѣя Михайловича не встрѣчаются начала такъ называемой политики Уголовнаго права, преимущественно созданной знаменитыми трудами Монтескье, Филанжіери и Пасторета; тѣмъ болѣе, Уложенію не могли быть извѣстны начала новой Нѣмецкой школы, которая полагаетъ, что мѣра наказанія должна быть основана на личныхъ качествахъ преступника. Словомъ, можно сказать, что въ Уложеніи преимущественно господствуютъ древнія понятія о справедливости, развитыя въ древности Греками, по которымъ для опредѣленія внутренняго отношенія между преступленіемъ и наказаніемъ, нужно было прибѣгнуть къ началу возмездія.» — Стр. 127. Значеніе Уложения, какъ уголовного кодекса, чрезвычайно важно: въ немъ встрѣчаемъ выраженіе борьбы началъ Римскаго

права, принесенныхъ изъ Греціи послѣ того какъ Россія была озарена свѣтомъ христіанскаго ученія, съ началами уголовного права, развившимися въ возрожденной Европѣ.» — Во всѣхъ этихъ мѣстахъ предполагается общность развитія уголовныхъ законовъ въ Россіи до Уложенія и въ западной Европѣ, предполагается, будто порядокъ развитія идей уголовного права здѣсь и тамъ былъ одинаковъ, предполагается, что законы западной Европы и мнѣнія тамошнихъ криминалистовъ имѣли, или могли имѣть вліяніе на Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Все это предположенія или прямо ложныя, или по крайней мѣрѣ такія, которыя могутъ быть приняты только со многими исключеніями. Почему, сравненіе Уложенія съ современными законодательствами западной Европы въ томъ видѣ, какъ это сравненіе сдѣлано, могло быть совершенно опущено, и сочиненіе, отъ того нисколько бы не потерпѣло.

Чтобъ показать неудовлетворительность изслѣдованія Г. Ливовскаго особенно въ томъ отношеніи, что оно не объясняетъ намъ Уложенія посредствомъ тщательнаго сравненія постановленій этого законодательнаго памятника между собою и съ законами предшествовавшихъ временъ, мы рассмотримъ, слѣдуя порядку самаго сочиненія, нѣкоторыя мѣста изъ него, при чемъ укажемъ и другіе, хотя не столь важныя, недостатки его.

Стр. I. «Уложеніе со всею возможною полнотою излагаетъ сущность запрещенныхъ дѣйствій и со всею подробностію опредѣляетъ наказанія, установленныя за дѣйствія, призванныя нарушающими общественный порядокъ.

Уложение въ полномъ смыслѣ уголовный кодексъ, въ которомъ какъ значеніе преступленія, такъ и наказаніе получаютъ опредѣленность, а обычай и судебная практика теряютъ силу самостоятельнаго источника юрисдикціи. Чрезвычайныя же наказанія, которыхъ назначеніе зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, уступаютъ мѣсто догмѣ закона.» Мысли, здѣсь выраженные, какъ будетъ показано ниже при дальнѣйшемъ разборѣ, подлежатъ большимъ ограниченіямъ

Стр. III. Поименованы сочиненія, служащія къ объясненію Уложения, и особенно уголовныхъ его началъ. Здѣсь опущено одно изъ самыхъ важныхъ, приведенное нами уже прежде сочиненіе Рейца. Слѣдовало бы также упомянуть *Рѣчь* профессора Нѣжинскаго Лицея *Максимовича о развитіи идеи преступленія, по смыслу памятниковъ Русскаго законодательства* (отпечат. подъ заглавіемъ: *Рѣчь и историческая записка, написанныя для прочтенія въ торжественномъ собраніи Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской Гимназіи, бывшемъ 1845 года Іюля въ 29-й день. Кіевъ, 1845. 8.*)

Стр. 1 3. Излагается раздѣленіе преступленій, извѣстныхъ Уложенію. Здѣсь стр. 2 говорится: «Хотя въ самомъ текстѣ закона нѣтъ опредѣленія преступленія но въ заглавіяхъ мы встрѣчаемъ уже наименованія запрещенныхъ дѣяній; а распредѣленіе предметовъ по главамъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что составители Уложения умѣли отличать различныя виды преступленій.» Послѣ сего, исчисливши виды преступленій, принимаемыхъ Уложеніемъ, авторъ выводитъ заключеніе

(стр. 3), что «независимо отъ прежняго древняго Русскаго дѣленія преступленій по подсуности, Уложение усвоило себѣ новое дѣленіе на *Государственныя* и *частныя*» Конечно, въ текстѣ Уложенія мы не находимъ опредѣленія преступленію; но изслѣдованіе уголовныхъ началъ Уложенія должно было отыскать это опредѣленіе посредствомъ сличенія частныхъ постановленій. Съ помощію такого разысканія рѣшился бы самъ собою вопросъ, извѣстно ли уже Уложенію различіе между преступленіями уголовными и преступленіями всякаго другаго рода. Составители Уложенія, конечно, умѣли отличать различные виды преступленій; но преимущество Уложенія предъ законами прежняго времени заключается не въ этомъ, а въ подробнѣйшемъ исчисленіи преступленій и точнѣйшемъ означеніи существа ихъ. Впрочемъ въ Уложеніи нѣтъ раздѣленія преступленій на Государственныя и частныя, и вообще нѣтъ какого либо систематическаго ихъ раздѣленія. Почему нельзя признать справедливыми и слѣдующихъ словъ автора (стр. 3): «Уложение понимаетъ, что не всѣ запрещенныя дѣянія приносятъ одинаковый вредъ, и въ каждомъ отдѣлѣ принятаго имъ раздѣленія, оно разсматриваетъ во-первыхъ: преступленія, которыя уничтожаютъ права общественнаго союза или частныхъ лицъ; во-вторыхъ преступленія, которыя потрясаютъ права общественныя или частныя, и въ-третьихъ тѣ дѣйствія, которыя не уничтожаютъ и не потрясаютъ правъ, но только нарушаютъ средства, придуманныя обществомъ для обезпеченія всякому лицу пользованія предоставленными ему правами.» Наконецъ,

исчисляя преступления, упоминаемыя Уложениемъ, слѣдовало бы замѣтить, что Уложеніе вообще не говоритъ о преступленіяхъ, подлежащихъ суду церковному. Это одно замѣчаніе можетъ убѣдить насъ, что не всѣ преступления были опредѣлены Уложениемъ, и что даже многія еще не были опредѣлены имъ.

Стр. 4. «Уложеніе не довольствуется тѣмъ, что нашло; оно дѣлаетъ значительный шагъ впередъ въ изслѣдованіи умысла въ дѣйствіяхъ противузаконныхъ.» Самъ авторъ принимаетъ, что уже въ законахъ до Уложенія на умыслъ было обращено вниманіе. И такъ, онъ долженъ былъ точнѣе показать, чѣмъ по отношенію къ настоящему предмету Уложеніе отличается отъ предшествовавшаго законодательства

Стр. 5 разсуждается о преступленіи въ отношеніи къ дѣйствию внѣшнему. Здѣсь совсѣмъ не показано, въ какой мѣрѣ уже законы прежняго времени обращали вниманіе на замыслъ и покушеніе совершить преступное дѣйствіе, и обращается ли въ Уложеніи вниманіе на то и другое, кромѣ случаевъ, именно указанныхъ авторомъ.

Стр. 7 говорится о случаяхъ, когда лица, знавшія о умышляемомъ или уже содѣянномъ преступленіи, обязаны были доводить о томъ до свѣдѣнія Правительства. Этотъ предметъ авторомъ не исчерпанъ, какъ и вообще вопросъ о участіи въ преступленіи требуетъ точнѣйшаго изслѣдованія.

Стр. 9 — 12 о преступленіяхъ противъ вѣры. Здѣсь стр. 9 — 11 сообщаются историческія извѣстія объ этомъ родѣ преступленій съ излишнею подробностію. Между

тѣмъ опушены изъ вида вопросъ, почему изъ всѣхъ памятниковъ мірскаго законодательства Уложеніе въ первый разъ начинается говорить объ нихъ, и говорить на первомъ мѣстѣ. О статьѣ 24-й, главы 22-й Уложенія, авторъ говоритъ, что «вѣрно поводомъ къ этой статьѣ были частые отступленія отъ православія въ Казани, новокрещенцовъ, которые оставаясь жить съ Татарами, не только что не исполняли обязанностей христіанскихъ; но даже не крестили новорожденныхъ; для отклоненія сего, новокрещенныхъ велѣно отнять отъ Татаръ.» Предположеніе — слишкомъ ограниченное. Магометанъ было множество и въ другихъ частяхъ восточной Россіи.

Стр. 12 — 16 сообщается много излишнихъ историческихъ извѣстій о преступленіяхъ Государственныхъ. Но понятіе измѣны по смыслу Уложенія не объяснено и не выведено исторически.

Стр. 25 — 27 излагаются общія обязанности служащихъ, именно — предлагаются историческія объ этомъ предметѣ извѣстія. Стр. 27 31 такія же извѣстія въ особенности о лихоимствѣ. Все это во многихъ отношеніяхъ излишне; кромѣ того нѣкоторыя извѣстія невѣрны или неточны.

Стр. 35 — 40 о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ, призванныхъ въ военной службѣ. Здѣсь помѣщены съ ненужною подробностію извѣстія о прежнемъ порядкѣ воинской службы и совсѣмъ не указаны уголовные законы или обычаи прежняго времени.

Стр. 41 — 44 о дѣланіи фальшивой монеты. Много излишнихъ историческихъ подробностей объ этомъ предметѣ.

Стр. 44 — 45 о корчемствѣ. Историческія извѣстія неточны и не связаны съ законодательствомъ Уложенія.

Стр. 46—48 о нарушеніи правилъ, постановленныхъ о путяхъ сообщенія, с. 48 — 49 о пристанодержательствѣ; с. 49 — 50 о ябедѣ; с. 50 — 51 о ложныхъ показаніяхъ обыскныхъ людей. Законы прежняго времени здѣсь совсѣмъ оставлены безъ вниманія. Сверхъ того по отношенію къ ябедѣ опущена 192-я статья 10-й главы Уложенія

Стр. 51 — 53 о бродяжничествѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ. Духъ узаконеній объ этомъ предметѣ не объясненъ.

Стр 53 о преступленіяхъ противу общественной нравственности. Надлежало бы означить причину, почему такъ мало говорится въ Уложеніи объ этомъ родѣ преступленій. Она, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что преступленія плотской нечистоты были подсульны церковной власти.

Стр. 54 — 56 о преступленіяхъ и проступкахъ противу законовъ о состояніяхъ. Историческія извѣстія не имѣютъ надлежащей точности; духъ законовъ не объясненъ какъ слѣдуетъ.

Стр. 56—60 о смертоубійствѣ. Отношеніе Уложенія къ законамъ прежняго времени не развито; въ особенности не показано, почему въ Уложеніи убійство родственниковъ отличается отъ убійства вообще, хотя за умышленное убійство всякаго рода, также какъ и за убійство родственниковъ, назначается смертная казнь.

Стр. 60 — 69 о нанесеніи увѣчья, раиъ и другихъ поврежденій здоровью и обиды. Историческія извѣстія

слишкомъ подробны; Уложеніе недостаточно объяснено; понятіе безчестія не опредѣлено съ точностію; несправедливо принимается, что только съ Уложеніемъ безчестіе распространено на обиду словомъ.

Стр. 69 — 70 о клеветѣ. Заководательство прежняго времени, изложенное въ мірскихъ узаконеніяхъ, совсѣмъ не показано.

Стр. 72 о преступленіяхъ противу правъ семейства. Объ этомъ родѣ преступленій должно сдѣлать тоже замѣчаніе, какое уже сдѣлано о преступленіяхъ противу общественной нравственности.

Стр. 72 — 77 о разбоѣ. Историческія извѣстія чрезвычайно подробны. Сверхъ того они значительною частію выписаны отъ слова до слова изъ статьи Г. Калачова *объ уголовномъ правѣ по Судебнику Царя Іоанна Васильевича*, помѣщенной въ *Юридическія записки Рѣдкина*, т. II. М. 1842. 8 с. 322 и 374 — 376.

Стр. 78 — 81 о татьбѣ. По отношенію къ этому предмету должно замѣтить тоже, что замѣчено по отношенію къ предыдущему. Ср. *Юридич. записки Рѣдкина*, т. II. с. 323. Сверхъ того, неправильно утверждаетъ авторъ, что татьбою съ поличнымъ назывался тотъ особый видъ воровства, когда преступникъ похищалъ чужую собственность, находившуюся подъ замкомъ.

Стр. 81 — 85 о насильственномъ завладѣніи, истребленіи и поврежденіи чужаго имущества; с. 85 о зажитательствѣ; с. 85 — 86 о преступленіяхъ и проступкахъ по договорамъ и обязательствамъ. Законы Русскіе прежняго времени не означены.

Стр. 87—89. Историческія извѣстія о наказаніи вообще изложены отчасти словами вышеприведенной статьи Г. Калачова. См. *Юрид. записки Рьдкина*, т. II. с. 325 — 328. Сверхъ-того, какъ намъ кажется, не совершенно правильно говорятъ Г. Липовскій: «Полная система наказаній является въ Уложеніи; обнявши почти всѣ роды преступленій, Уложеніе связало всѣ прежнія разнородныя начала въ одно, выразило характеръ и цѣль наказаній, и не отступая отъ принятыхъ основаній, выдерживаетъ до конца въ систематическомъ порядкѣ. Замѣтно, что при составленіи нашего знаменитаго Уложенія, въ Россіи начинали имѣть ясное понятіе о юридическихъ отношеніяхъ, и о томъ, что въ законѣ эти отношенія должны быть ясно и точно опредѣлены. Уложеніе стремилось къ распространенію убѣжденія, что только то должно быть закономъ, что именно опредѣлено постановленіями. Вообще въ сферѣ частнаго права, постоянно являются нѣкоторыя отношенія, существующія въ жизни народной, хотя онѣ не опредѣлены положительнымъ закономъ; но въ уголовныхъ законахъ можно только почитать наказаніемъ и преступленіемъ то, что явственно положительнымъ закономъ признано наказаніемъ и преступленіемъ. Для достиженія своей цѣли, дать каждому гражданину полную инструкцію его юридической дѣятельности, Уложеніе пополнило свое содержаніе постановленіями изъ Литовскаго Статута, чтобы какъ можно побольше заключить случаевъ, изъ которыхъ можно бы каждому подданному имѣть точнѣйшее понятіе объ его обязанностяхъ какъ къ правительству, такъ и

къ другимъ членамъ общества. Видно, что эти два юридическія начала: *nulla poena sine crimine* и *nullum crimen sine poena legali*, получали права гражданства въ Русскомъ правѣ.» Подобно этому авторъ на стран. 91 излагаетъ слѣдующія мысли: «Другое важное достоинство Уложенія есть то, что заключивъ въ себѣ множество новыхъ случаевъ, на которые не было прямого постановленія въ древнихъ законахъ, оно опредѣлило всюду точныя наказанія за преступленія и тѣмъ значительно уменьшило число такъ называемыхъ чрезвычайныхъ наказаній, *poena extraordinaria*, которыя были въ большемъ употребленіи во всѣхъ законодательствахъ въ средніе вѣка. Недостатокъ полноты первоначальныхъ постановленій былъ причиною, что судья въ примѣненіи закона, сообразуясь съ нѣкоторыми общими правилами, опредѣлялъ наказанія на частные случаи, представляемые его разсмотрѣнію. Чрезвычайныя наказанія принесли великую пользу положительнымъ законамъ: ибо законодатель, опредѣляющій наказаніе на частный случай, можетъ только видѣть въ виду нѣкоторыя обстоятельства, а никогда не можетъ предвидѣть всѣхъ измѣненій, про являющихся въ жизни общественной. Однако въ подобномъ случаѣ, законодатель перестаетъ быть законодатель, уголовное уложеніе — уложеніемъ; ихъ мѣсто занимаетъ судья, который съ личнымъ мнѣніемъ своимъ становится выше закона. Не трудно понять, какой при такомъ устройствѣ дѣлъ легкій прыжекъ къ злоупотребленіямъ и къ насилію! Всякій произволъ судьи ограниченъ въ Уложеніи.» Какъ мы не согласны съ авторомъ

въ томъ, будто въ Уложеніи со всею возможною полнотою означена сущность запрещенныхъ дѣйствій и значеніе преступленія получило въ немъ опредѣленность (ср. въ сочиненіи Г. Липовскаго с. I), такъ мы не можемъ согласиться и въ томъ, будто Уложеніе повсюду опредѣлило точныя наказанія. Конечно, въ Уложеніи наказанія означены гораздо опредѣлительнѣе, чѣмъ въ законахъ прошедшаго времени; но далеко они не были опредѣлены со всею подробностію, далеко наказаніе не получило полной опредѣленности. Невозможность искать въ Уложеніи совершенной опредѣленности наказаній уже видна изъ того, что оно совсѣмъ не излагаетъ общихъ понятій ни о родахъ, степеняхъ и послѣдствіяхъ наказаній, ни о опредѣленіи наказаній по преступленіямъ, ни о смягченіи и отмигнѣ наказаній (ср. Улож. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, 1845 Авг. 15, ст. 18—172). Но кромѣ того, способъ совершенія наказаній оставленъ безъ всякаго опредѣленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый видъ наказанія не опредѣленъ, а предоставленъ усмотрѣнію Государя, или лучше, властей, дѣйствующихъ Его именемъ (см. въ соч. Г. Липовскаго с. 92). Сверхъ наказаній, которыя опредѣлялись по назначенію Государя, въ Уложеніи встрѣчаются, хотя немногіе, случаи, въ которыхъ наказаніе, не бывъ постановлено закономъ, должно было опредѣляться смотря по вигѣ (ср. въ соч. Г. Липовскаго с. 92). Мѣра наказанія кнутомъ, батогами, тюремнымъ заключеніемъ по большей части не опредѣлена въ Уложеніи (см. въ соч. Г. Липовскаго с. 101—102 и 105).

Стр. 89. «Первою и безъ сомнѣнія главною цѣлію

наказанія по Уложенію, было поддержаніе божественнаго порядка въ обществѣ, посредствомъ подчиненія своевольной личности подъ власть Всесильнаго Могушества, управляющаго міромъ. Наказаніе имѣло цѣлю поддержать существующія юридическія отношенія и упычтожить совершившееся противузаконіе и явилось какъ источникъ справедливости, какъ сила устанавливающая и уравнивающая внѣшнія юридическія отношенія въ обществѣ; словомъ, наказаніе обезпечило владычество справедливости.» Безъ сомнѣнія, Уложеніе имѣло въ виду высшую и главную цѣль наказанія, о которой говорятъ здѣсь авторъ; но она въ Уложеніи не высказана. Напротивъ, единственно выраженные въ немъ цѣли наказанія суть: *чтобы на то смотря шымъ не повадно было такъ дѣлать; шлв: чтобы ему (виновному) и инымъ не повадно было* (см. въ соч. Г. Липовскаго с. 89 — 91).

Стр. 93 — 97. Историческія извѣстія о смертной казни выписаны по большей части изъ вышеприведеннаго сочиненія Г. Калачова. См. *Юридическія записки Рѣдкина*. т. II. с. 330 — 334.

Стр. 97 — 98. Тоже должно сказать объ историческихъ извѣстіяхъ, здѣсь сообщаемыхъ, относительно членовредительныхъ наказаній. См. *Юрид. записки Рѣдкина*, т. II. с. 335 — 336. На стран. 98 Г. Липовскій говоритъ: «Вводя членовредительныя наказанія, Уложеніе не столько имѣло въ виду прежній обычай, сколько подражало Градскимъ законамъ, а преимущественно Литовскому Статуту, въ которыхъ этотъ родъ наказанія существовалъ; съ тою только разностью, что слагая

строгость Литовскихъ наказаній, Уложеніе часто опредѣляло отсѣченіе руки вмѣсто опредѣленной тамъ смертной казни.» Едва ли можно согласиться съ авторомъ, что вводя членовредительныя наказанія, Уложеніе не столько имѣло въ виду прежній обычай, сколько подражало Градскимъ законамъ, а преимущественно Литовскому Статуту. Разсмотрѣвши всѣ случаи, въ которыхъ по Уложенію наказаніе опредѣляется на основаніи начала матеріальнаго возмездія, мы убѣдимся, можетъ быть, въ противномъ.

Стр. 101. Историческія извѣстія о наказаніи кнудомъ взяты изъ *Калачова*. См. *Юрид. записки Рьдкина*, т. II. с. 337.

Стр. 101 — 102 о наказаніи батогами. См. *Калачова* въ *Юрид. запискахъ Рьдкина*, т. II, с. 338.

Стр. 103 о ссылкѣ; с. 104 о тюремномъ заключеніи. Ср. *Калачова* въ *Юрид. запискахъ Рьдкина*, т. II. стр. 339 — 343.

Стр. 106 о денежныхъ наказаніяхъ. Ср. *Калачова*, въ *Юрид. запискахъ Рьдкина*, т. II. с. 350 — 352. На стран. 107 Г. Липовскій говоритъ: «Денежныя наказанія существовали только въ видѣ вознагражденія за убытки и ущербы, нанесенныя частному имуществу и за оскорбленіе чести.» Мысль, здѣсь изложенная, требовала бы точнѣйшаго развитія. Это развитіе показало бы намъ, какъ постановленія Уложенія, назначая повсюду вознагражденіе частному лицу за обиду, тѣсно связываются съ началами древняго Русскаго права.

Стр. 108—109 о лишеніи чести; с. 110 объ отрѣшеніи отъ должности. Ср. *Калачова въ Юрид. запискахъ Рьдкина*, т. II. с. 328 — 329; 344 — 345; 347 — 348.

Стр. 111. «Возмездіе, встрѣчаемое въ Уложеніи, было формальное» и проч. Ср. *Калачова въ Юрид. запискахъ Рьдкина*, т. II. ст. 327. 358—359. Здѣсь оканчиваются выписки или заимствованія Г. Липовскаго изъ *Калачова*. На нѣкоторыя изъ своихъ заимствованій указалъ самъ авторъ въ своемъ сочиненіи, однако же далеко не на всѣ, и не съ довольною точностію.

Стр. 112. «Въ Уложеніи остались весьма слабыя слѣды физическаго или матеріальнаго возмездія, въ немъ основаніемъ соразмѣрности между наказаніемъ и преступленіемъ, служило формальное или юридическое возмездіе.» Намъ кажется, что въ Уложеніи можно найти довольно слѣдовъ противнаго.

Стр. 113—114 о наказанности субъективной. Предметъ не вполне изслѣдованъ.

Стр. 115—126 о судопроизводствѣ. Если авторъ рѣшился подвергнуть своему изслѣдованію и судопроизводство, принимаемое или устанавливаемое Уложеніемъ для дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ; то онъ обязанъ былъ исполнить это съ гораздо большею основательностію, чѣмъ съ какою онъ выполнилъ это дѣйствительно. По крайней мѣрѣ надлежало со всею точностію означить отличительныя черты особеннаго судопроизводства, существовавшаго по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, и связь его съ общимъ судопроизводствомъ.

Въ слогѣ автора встрѣчаются мѣстами неправильно-сти. Напр. с. 17. «*Сравнивая Уложение съ постановленіями прежними, видно, что названія государственныхъ преступленій остались почти тѣ-же.*» — Образъ выраженія иногда высокопаренъ и неточенъ, особенно если авторъ пускается въ общія разсужденія. См. с. 1. 4. 6. 7. и проч.

На основаніи всего вышеназложеннаго полагая, что уголовныя начала Уложения не изслѣдованы Г. Липовскимъ какъ должно, я не думаю, что бѣ сочиненіе его могло быть удостоено Демидовской (денежной) преміи; но оно, за тщательное и совѣстливое изложеніе содержанія Уложения въ отношеніи къ уголовному праву и за обстоятельное указаніе источниковъ уголовныхъ постановленій Уложения, заслуживаетъ по всей справедливости почетнаго отзыва.

Ординарный Профессоръ С.-Петербургскаго Университета

Константинъ Невоминъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	<i>Стр.</i>
Общій Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, составленный Непремѣннымъ Секретаремъ и читанный 15 Мая 1848 года	1
Разборъ сочиненія Г. Нервандера, Профессора при Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ, подъ заглавіемъ: Observations faites à l'Observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors; составл. Академикомъ <i>Кунбергомъ</i>	37
Разборъ сочиненія Игнатія Коссовича, подъ заглавіемъ: Греческо-Русскій Словарь. Рецензія Академика <i>Грефе</i>	81
Разборъ сочиненія Г-на Сомова, Экстраординарнаго Профессора при С.-Петербургскомъ Университетѣ, подъ заглавіемъ: Аналитическая теорія волнообразнаго движенія эфира. Рецензія Академика <i>Остроградскаго</i>	61
Разборъ сочиненія Павла Савельева, подъ заглавіемъ: Мухамеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Рецензія Академикомъ <i>Устрялова и Дорна</i>	77
Разборъ сочиненія Г-на Базинера, подъ заглавіемъ: Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842. Рецензія Академикомъ <i>Мейеръ и Гельмерсена</i>	118
Разборъ сочиненія Г-на Билярскаго, подъ заглавіемъ: Судьбы церковнаго языка: I. О среднеболгарскомъ вокализмѣ, по патриаршему списку глгописи Манассія; II. О Кирилловской части Реймскаго Евангелія. Рецензія Академика <i>Востокова</i>	101

Разборъ сочиненія Г-на Давидова, подъ заглавіемъ: Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Рецензія Академикомъ <i>Остроградскаго</i> и <i>Буняковскаго</i>	107
Разборъ сочиненія Г-на Горлова, Профессора при С.-Петербургскомъ Университетѣ, подъ заглавіемъ: Обзоръніе Экономической Статистики Россіи. Рецензія Академика <i>Келлена</i>	118
Разборъ сочиненія Отца Іакинѣа, подъ заглавіемъ: Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Рецензія Профессора <i>Ковалевскаго</i>	131
Разборъ сочиненія Г-на Богдановича, Профессора Военной Академіи, подъ заглавіемъ: Записки Стратегіи. Рецензія Генералъ-Лейтенанта Барона <i>Зедделера</i>	139
Разборъ сочиненія Г-на Чистякова, подъ заглавіемъ: Курсъ Теоріи Словесности. Рецензія Академика <i>Давыдова</i>	188
Разборъ сочиненія Г-на Линовскаго, подъ заглавіемъ: Исслѣдованія началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, Рецензія Профессора <i>Неволина</i>	211

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.